

преосвященный антоний

Митрополит Киевский и Галицкий

**СЛОВАРЬ
К ТВОРЕНИЯМ
ДОСТОЕВСКОГО**

Издательство

ЛЕВ

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АНТОНІЙ

Митрополитъ Кіевскій и Галицкій

СЛОВАРЬ

къ

ТВОРЕНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО

НЕ ДОЛЖНО ОТЧАЯВАТЬСЯ

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

СОФІЯ — 1921.

преосвященный антоний

Митрополит Киевский и Галицкий

**СЛОВАРЬ
К ТВОРЕНИЯМ
ДОСТОЕВСКОГО**

LEV

85, Rue Rambuteau

75001 Paris.

ВВЕДЕНІЕ.

ОТНОШЕНІЕ КЪ ПРЕДСКАЗАНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Когда люди впадаютъ въ тяжелую бѣду и не видятъ выхода изъ нея ни въ окружающихъ условіяхъ жизни, ни въ тѣхъ ученіяхъ и идеяхъ, коими они привыкли руководиться, то, оглядываясь туда и сюда, они силятся вспомнить тѣхъ учителей и пророковъ, которые въ свое время старались вразумить ихъ, угрожая въ противномъ случаѣ грядущими бѣдствіями, на что, однако, люди не обращали въ свое время должнаго вниманія или даже отзывались насмѣшками и бранью. Но вотъ грозныя предсказанія сбылись во всей точности: народъ потонулъ въ крови, исчахъ отъ голода и холода, сгнилъ отъ болѣзней; всѣ возненавидѣли другъ друга и другъ друга трепещутъ. Хватаясь за голову и ломая руки, они восклицаютъ: вѣдь все это намъ предсказано; все это вслухъ всей странѣ возвѣщалось въ книгахъ, которыя мы всѣ читали; но мы, безумные, смѣялись надъ нашимъ пророкомъ именно за эти предсказанія, хотя и благоговѣли передъ его геніальнымъ умомъ и талантомъ. А теперь то, что казалось намъ тогда, т. е. 50 лѣтъ тому назадъ и даже 5 лѣтъ тому назадъ, плодомъ мрачной фантазіи великаго человѣка, теперь сбылось съ такой ужа-сающей точностью, что мы готовы признать эти пред-

сказанія за непосредственныя откровенія Божіи, хотя самъ авторъ и не думалъ выдавать ихъ за таковыя, а представлялъ ихъ какъ плодъ своихъ наблюденій надъ жизнью Россіи и Европы, надъ исторіей человѣчества и надъ русскимъ характеромъ.

Просвѣщенный читатель, конечно, понимаетъ, что я разумѣю Достоевскаго и его предсказанія о дальнѣйшихъ судьбахъ русскаго нигилизма и всей Россіи и Европы, изложенныя во многихъ его твореніяхъ, а въ особенности въ повѣсти „Бѣсы“ и въ „Дневникъ Писателя“.

Мы сказали, что люди смѣялись надъ его предсказаніями, но правда требуетъ прибавить, что надъ самимъ предсказателемъ смѣялись мало, и число его почитателей было велико не только при его жизни, не только въ послѣдніе годы этой жизни, когда онъ сталъ любимѣйшимъ (ибо мало сказать популярнѣйшимъ) человѣкомъ въ Россіи, — но и послѣ его смерти, послѣдовавшей за мѣсяць до убійства Александра Второго, — и даже до послѣдняго времени.

Въ Россіи нѣтъ болѣе сильныхъ людей, чѣмъ поэты: мыслителей, дѣятелей другихъ профессій цѣнятъ по мѣрѣ того, какъ они сумѣютъ угодить вкусамъ публики; такова участь публицистовъ, философовъ, профессоровъ, даже отчасти духовныхъ лицъ; но поэтъ, романистъ или лирикъ, одаренный талантомъ, заставляетъ себя читать и чтить даже независимо отъ своего философскаго и политическаго направленія. Ему прощаютъ самыя непріятныя для публики идеи и выраженія; ему рукоплещутъ въ театрахъ, когда онъ безжалостно высмѣиваетъ въ глаза все общество, — его авторитеты, его моду, его науку. Не таково-ли содержаніе „Плодовъ Просвѣщенія“ Льва Толстого, которые приводили въ восторгъ театральныхъ зрителей, тутъ же изображенныхъ на сценѣ

въ самомъ жалкомъ, въ самомъ глупомъ видѣ? — Таково же отношеніе общества, современнаго Достоевскому, и общества, современнаго намъ, къ его твореніямъ, несмотря на то, что Достоевскій не только безжалостно бичевалъ общественные предрасудки или, точнѣе, самый духъ Европы, ея цивилизацію, а затѣмъ и общество русское, его сферы — университетскую, земскую, военную и т. д., но и предлагалъ (хотя съ мудрою постепенностью въ продолженіе всего періода его учительства) такія перспективы, такія средства общаго и личнаго нравственнаго возрожденія, которыя подъ перомъ другого, подъ перомъ не геніальнаго романиста, а публициста или тѣмъ болѣе священника, кромѣ пренебрежительной насмѣшки, ничего не вызвали бы въ публикѣ; впрочемъ, даже и насмѣшки не вызвали бы, а просто не были бы удостоены вниманія. А здѣсь другое дѣло. Довольно вспомнить о томъ, что Достоевскій въ самомъ популярномъ своемъ романѣ, въ концѣ 70 хъ годовъ, т. е. во время сильнѣйшаго преобладанія позитивизма и матеріализма, явился проповѣдникомъ, странно сказать, — идей монашескихъ и устами идеальнаго старца Зосимы заявилъ, что спасеніе Россіи выйдетъ изъ монастыря отъ инока. Конечно, многіе общественные авторитеты перенесли такой приговоръ надъ своими идеями и надъ своимъ вліяніемъ труднѣе, чѣмъ спириты, рукоплескавшіе своему убійственному осмѣянію въ „Плодахъ Просвѣщенія“ Л. Толстого, но „Братьями Карамазовыми“ Достоевскаго восхищались больше, чѣмъ „Плодами Просвѣщенія“. Автора буквально на рукахъ носили, когда печаталась и затѣмъ закончилась эта повѣсть. На литературныхъ вечерахъ его привѣтствовали восторженнѣе, чѣмъ самую знаменитую европейскую примадонну на сценѣ, а его поведеніе было, какъ выразился тогда

одинъ проповѣдникъ, шествиѣмъ триумфатора, дотолѣ никогда не виданномъ ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи.

Да, велика власть геніальнаго поэта надъ русскими сердцами: она выше власти ихъ самолюбія и предрасудковъ. Поэтому — генію все дозволено говорить и писать.

Что сказать по поводу сего о нашемъ обществѣ? Быть можетъ, и его осмѣивать за такую непослѣдовательность? Пусть кто хочетъ, осмѣиваетъ но мы скажемъ: честь и слава тому народу, тому обществу, которое всѣмъ поступаетъ предъ самооткровеніемъ нравственной правды, а постигать послѣднюю и открыть ее умамъ и сердцамъ людей — это удѣлъ геніевъ и по преимуществу геніальныхъ поэтовъ. „Обличай премудра и возлюбитъ тя“. — Въ чемъ другомъ, а въ этомъ проявленіи нашъ народъ премудръ, и наше общество сохранило въ себѣ это драгоцѣнное свойство народной души, хотя и отдалилось отъ нея во многомъ другомъ,—въ очень многомъ.

Но мы уже упомянули, что предсказанія Достоевскаго о современныхъ событіяхъ встрѣчены были съ недоувѣріемъ и насмѣшками. Должно это заявленіе сильно ограничить. Собственно злобныя, даже ругательныя критическія статьи появлялись со стороны извѣстнаго литературнаго лагеря на всякую повѣсть нашего писателя, но онѣ производили мало впечатлѣнія на публику и на молодежь. Повѣсть „Бѣсы“, появившаяся около 50-ти лѣтъ тому назадъ, въ то и въ послѣдующее время раздѣляла успѣхъ прочихъ твореній Достоевскаго и испытывала вражду отъ его литературныхъ противниковъ наравнѣ съ прочими его повѣстями и статьями.

Весьма понятно, почему до временъ первой революціи грозныя предсказанія Достоевскаго мало тревожили ея поклонниковъ. Когда печатались „Бѣсы“ и позже, до начала 20-го вѣка, государственный строй въ Россіи ка-

зался еще столь крѣпкимъ, что защищать радикальную революцію и нужды не было: напротивъ, представители оппозиціи, одни искренно, а другіе лицемерно, старались убѣдить общество, что никакихъ кровавыхъ переворотовъ они не желаютъ и таковыхъ у насъ не будетъ, а проповѣдывались послѣдніе совѣмъ зелеными юнцами, да еще за границую, и на подобныхъ заговорщиковъ смотрѣли, какъ на совершенно особую, чуждую всему обществу шайку фантазеровъ. Но вотъ наступилъ 1905 годъ. Приходилось людямъ протирать свои сонные глаза и припоминать, что нѣчто подобное предсказано великимъ писателемъ съ оговоркой: „мы до этого не доживемъ, а наши дѣти все это увидятъ“ (19, 344 по изданію Товарищества Просвѣщенія). Однако нигилистическая революція подходила, высоко и смѣло поднявши голову, и хотя авторитетъ Достоевскаго оставался столь непоколебимъ, что унижать его геній не приходилось, а все-таки отозваться на указанія не очень многочисленныхъ, но серьезныхъ людей было нужно. Революцію приходилось хвалить, а мрачныя предсказанія о ней Достоевскаго снова стали извѣстны повсюду. — Что же оставалось говорить представителямъ литературнаго момента? Мы слушали о семъ публичную рѣчь одного профессора словесности около 1910-го года. Онъ — поклонникъ Достоевскаго, но и революціи также. Что-же? Онъ сказалъ то самое, что и другіе единомышленники газетнаго большинства. Романъ „Бѣсы“ — неудачное, въ раздраженіи написанное произведеніе нашего писателя, который взглянулъ на революціонное движеніе не по существу его, а только со стороны его изнанки, со стороны его подонковъ, и съ ними отождествилъ самое движеніе, въ общемъ искреннее и почтенное. О томъ, что въ „Бѣсахъ“ выражено то-же самое, что и въ „Дневникѣ Писателя“ за

1873—77 года, также въ „Преступленіи и Наказаніи“ и „Бр. Карамазовыхъ“, — о томъ, конечно, умалчивалось.

Но когда пронесся первый революціонный громъ въ Мартъ 1917 года, то наше потерявшее голову общество и студенчество заговорили противъ предсказаній автора „Бѣсовъ“ гораздо смѣлѣе. „Вотъ“, кричали они: „Достоевскій предсказывалъ революцію съ антропофагіей (людоѣдствомъ), а она у насъ водворилась, но безъ казней: русская революція—безкровная“. Публика продолжала быть довольной, пока она могла сама направлять революцію и командовать въ Россіи. Еще бы! Всякій желающій дѣлался министромъ, комиссаромъ, общественнымъ ораторомъ и т. д. — Но, когда при такихъ управителяхъ разбрелась армія, оставивъ неприятелю фронтъ и миллиардное имущество, когда неприятель оторвалъ отъ Россіи десятокъ губерній, а потомъ и то, что осталось отъ нея, начало трескаться, и вскорѣ колоссальное государство распалось на десятки „самостоятельныхъ республикъ“, — тутъ наши торжествовавшіе ребеллянты закрихтѣли. Однако не въ этомъ познали они свою бѣду. Послѣдняя раскрылась передъ ихъ глазами тогда, когда вслѣдъ за адвокатами, земцами, учителями и студентами явились *мужички* и сказали: мы вовсе не согласны на одну только замѣну прежнихъ господъ министровъ и графовъ разночинцами; равенство, такъ равенство; вы перемѣнились мѣстами съ прежними камергерами; теперь не угодно-ли и вамъ самимъ перемѣниться своимъ положеніемъ съ нами—мастеровыми, матросами и мужиками; освободите намъ ваши квартирки, автомобили и театры, намъ тоже любопытно вкусить отъ всего этого, а особенно—власти и денегъ. О безкровности революціи уже не стало и помину: кровь полилась не рѣвкой, какъ 120 лѣтъ тому назадъ во Франціи, а цѣлымъ

моремъ; на русскихъ пошли инородцы, русскіе пошли на русскихъ; стали убивать сотнями завѣдомо непричастныхъ къ дѣлу заложниковъ; однимъ словомъ, произошло все то, что теперь предъ нашими глазами. . . — Прежнее ликующее настроеніе смѣнилось уныніемъ и отчаяніемъ; къ безчисленнымъ убійствамъ или казнямъ присоединились многочисленныя самоубійства и умопомѣшательства. Потеряли увѣренность и спокойствіе самые вожди революціи; едва ли возможно найти сотню людей на Руси, которые бы одобряли то, что произошло въ ней за эти два года. — Вотъ тутъ-то опять схватились за предсказанія Достоевскаго. Ихъ признали, какъ сказано, пророчествомъ; люди кляли себя за безумное подтачиваніе прежняго государства; осыпали горькими укорами другъ друга, взаимно называя себя виновниками бѣдствія; одни валили всю вину на Думу, другіе на земство, третьи на университетъ, четвертые на народную школу, пятые на прессу.

Не будемъ разбирать, кто болѣе правъ въ этихъ обвиненіяхъ; думаемъ, что всѣ правы, но лучше всмотримся, такъ-ли безнадежно положеніе нашего бывшаго отечества, такъ-ли беспросвѣтно погибла Святая Русь, какъ это кажется теперь многимъ, — едва-ли не большинству.

Мы говорить будемъ не отъ себя. Должно спросить того мыслителя, который такъ вѣрно предсказалъ то, что совершилось. Мы не хотѣли тогда ему вѣрить, и пропали. Повѣримъ же теперь и найдемъ путь къ общему возрожденію.

Съ такими мыслями я началъ нынѣшней зимою составлять краткій указательный „Словарь къ твореніямъ Достоевскаго“, выписывая изъ нихъ сжатія изреченія по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) воспитаніе—дѣти и юношество, 2) народъ и общество, 3) духовенство и мона-

шество, 4) революція и безбожіе, 5) призывъ общества къ возрожденію: Пушкинъ и славянофилы, 6) пороки нашего общества, его обычаевъ и законовъ, 7) православіе и ереси, 8) Россія и Европа, война, иностранцы, 9) русская женщина и ея назначеніе, 10) о религіи вообще и 11) собственныя свойства автора и его психологическія наблюденія надъ людьми и жизнью вообще.

Какъ видитъ читатель, это не систематическая программа, а скорѣе замѣтки для памяти. И дѣйствительно, я записалъ ихъ на бумагу не по заранѣе принятому плану, а отмѣчалъ при чтеніи всѣхъ 21 томовъ автора (отсутствовалъ только томикъ „Записки изъ Мертваго Дома“, но можетъ быть и его удастся перечитать ко времени выхода этихъ статей въ печать).

Почему взялся я за это дѣло, не по моей специальности значащееся? Если указать на внѣшнія причины, то онѣ заключаются въ томъ, что я вотъ уже 7-ой мѣсяцъ интернированъ за-границею и изъ немногихъ книгъ, бывшихъ около меня, рѣшилъ сдѣлать возможное употребленіе, чтобы не сидѣть праздно въ своемъ заключеніи; по своей специальности я закончилъ для печати уже нѣсколько работъ, а вопросъ о нравственномъ возрожденіи общества и отечества, думается, долженъ быть отчасти спеціальнымъ для всякаго просвѣщеннаго чело-вѣка: въ этомъ внутренняя причина появленія предлагаемыхъ статей.

ГЛАВА I.

ЧТО ИМЕННО ПИСАЛЪ О СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ДОСТОЕВСКІЙ И КАКУЮ БУДУЩНОСТЬ ЕЙ ПРЕДСКАЗЫВАЛЪ.

Итакъ, Достоевскій предсказалъ то, что совершается предъ нашими глазами вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Мы не будемъ воспроизводить того плана русской революціи, которая изложена въ „Бѣсахъ“ ея поборниками, ни того разительнаго сходства ея первыхъ приемовъ и послѣдствій съ тѣмъ, что произошло теперь, на 50 лѣтъ позднѣе; но все же приведемъ изъ нашего словаря нѣсколько изреченій автора о характерѣ будущихъ бунтовъ въ Европѣ и въ частности въ Россіи.

Достоевскій признаетъ нигилизмъ и революцію явленіемъ въ Россіи совершенно наноснымъ, выросшимъ въ Западной Европѣ на почвѣ борьбы буржуазіи съ пролетаріями при потерѣ тою и другими высшихъ цѣлей жизни, кромѣ исканія удобствъ и наслажденій. Россіи эта борьба чужда; втравить въ нее, какъ во все скверное, можно народъ только со внѣ, путемъ настойчиваго развращенія его, но и то ненадолго. Затѣмъ народъ опомнится и не только самъ возродится нравственно, но возродитъ собою и Европу, которая и теперь накануне своей гибели, гибели своей цивилизаціи. — При всемъ томъ Достоевскій утверждалъ, что эта общеевропейская революція начнется въ Россіи.

„Европейская революція“, говоритъ Достоевскій, „начнется съ Россіи, ибо нѣтъ у насъ для нея надежнаго отпора ни въ управленіи (правительствѣ), ни въ обществѣ“ (13, 40). „Безбожный анархизмъ близокъ: наши дѣти увидятъ его“ (19, 344). „Интернаціоналка распорядилась, чтобы европейская революція началась въ Россіи (13, 90), и если нигилистическая пропаганда у насъ столь безуспѣшна, то это по крайней глупости и неопытности пропагандистовъ“. (21, 496).

Вопреки надеждамъ нашихъ либераловъ, что революція будетъ безкровною, Достоевскій предсказывалъ ея кровавый ужасъ, потемнѣніе человѣческой совѣсти, попраніе всякой человѣчности вообще (какъ и Пушкинъ въ дополнительной главѣ къ „Капитанской дочкѣ“), безцеремонный и безнаказанный грабежъ и общественный голодъ. — Все это описано въ „Снѣ Смѣшного Человѣка“, но еще обстоятельнѣе въ снѣ Раскольчикова („Преступленіе и Наказаніе“): люди, желая водворить на землѣ всеобщее единеніе, поднимаютъ возстаніе. низвергаютъ власти, но потомъ возстаніе обращается въ междоусобную войну, при которой враждующія части въ свою очередь подвергаются внутреннему распаденію: междоусобіе начинается среди каждой враждующей партіи, послѣднія распадаются вновь и вновь, и, наконецъ, водворяется война всѣхъ противъ всѣхъ, причемъ люди уже забыли, за что они сражаются, съ кѣмъ именно и для чего; страдаютъ ужасно, но продолжаютъ ожесточенно биться. — Знаменателенъ этотъ вѣщій сонъ анархиста, сосланнаго за принципиальное убійство на каторгу. Однако, въ твореніяхъ нашего писателя имѣются и прямые изреченія о томъ же. Онъ говоритъ устами своихъ героевъ о революціонерахъ: „начнутъ гордую Вавилонскую башню, а кончатъ антропофагіей“ (16, 443). „Аги-

таторы пролетаріевъ будутъ просто на грабежи звать своихъ послѣдователей“ (21, 64). Въ частности о русскихъ агитаторахъ: „русскіе европейцы готовы на любую жестокость, если имъ докажутъ, что это нужно для цивилизаціи“ (21, 48). „У насъ возможна такая аберація (искаженіе) совѣсти“. (21, 48). Революціонеры противъ морали: сперва де накормимъ, а потомъ спрашивай добродѣтель, но имъ себя не накормить — вернутся къ намъ просить корму: свобода и сытость двѣ вещи несоединимыя. Въ голодѣ и бѣдствіяхъ они испугаются своей свободы и придутъ отдаваться къ намъ въ рабское послушеніе (16, 434, 435). Такъ предсказываетъ католическій прелатъ 16-го вѣка.

Вотъ какой будетъ кровавый и жестокосердый размахъ будущей революціи по Достоевскому, къ которому присоединится голодъ. Но сохранить ли она обѣщанную „свободу совѣсти“? Напротивъ: внутренняя пружина революціонныхъ движеній вполне убійствена для такой свободы во всѣхъ странахъ міра, а въ Россіи, гдѣ такъ сильна религіозная стихія и отношеніе нашихъ либераловъ такъ враждебно къ ней (и вообще къ жизни народной), — самая же революція питается злобою противъ Бога и въ этой злобѣ ея движущій нервъ: революція въ Россіи не столько экономическое движеніе, даже не политическое, сколько противорелигіозное и противонародное, противорусское. . . Вотъ почему она и раскроется въ такихъ картинахъ жестокаго ужаса и звѣрствъ. Приводимъ указанія изъ твореній нашего писателя: — „Отвергнувъ Христа, люди хотятъ ввести справедливость, а кончатъ тѣмъ, что зальютъ міръ кровью“ (17, 64). „Разрушаютъ храмы, зальютъ міръ кровью, а потомъ испугаются.“ (16, 440). „Соціализмъ не экономическая теорія, а атеистическая: Вавилонская башня“ (16, 44). — Если сіе въ из-

вѣстной степени приложимо ко всѣмъ народамъ, то въ народѣ русскомъ въ этомъ именно состоитъ все существо революціоннаго движенія. Достоевскій выражается приблизительно такъ: „Въ Россіи бунтъ можно начинать только съ атеизма (12, 314), и Бѣлинскому, какъ социалисту, должно было прежде всего пойти противъ христіанства (19, 159); онъ говоритъ, что І. Христосъ теперь бы прикнулъ къ социалистамъ (19, 16), — какъ и 13-ти лѣтній мальчикъ Коля Красоткинъ.“

Таковъ характеръ революціи русской — не экономическій, а противохристіанскій, мистическій, даже демагогическій: вѣдь ее разрабатывали у насъ въ продолженіе 50 лѣтъ или даже 70-ти вовсе не пролетаріи, а обеспеченные интеллигенты, иногда даже прямо богачи. Особенно характерно эта идея выражена нашимъ писателемъ въ типѣ инженера изъ семинаристовъ—Кириллова, который подробно развивалъ идею своей жизни и своего самоубійства, какъ бунта противъ Бога. Такой же бунтъ въ видѣ самоубійства хотѣлъ поднять противъ Творца чахоточный юноша-подростокъ Ипполитъ, но былъ во время удержанъ и вразумленъ. Кирилловъ утверждалъ, „кто побѣдитъ страхъ смерти, сдѣлается богомъ“ (12, 157), — не въ смыслѣ вѣчной жизни, а въ томъ, что самая непокорность человѣка Творцу, выражающаяся въ рѣшимости на самоубійство, выводитъ его изъ положенія подчиненности Богу и чрезъ то онъ дѣлается самъ для себя богомъ. Здѣсь бунтъ ради самаго бунта противъ Бога. На западѣ эти элементы революціоннаго богоборчества тоже имѣются, какъ пояснялъ Великій Инквизиторъ, но западные люди давно стали нравственными матеріалистами, и общественная жизнь далеко отклонилась отъ религіозныхъ интересовъ, обратившись въ классовую борьбу буржуазіи и пролетаріата,

какъ въ древнемъ Римѣ. Поэтому революція тамъ переходитъ на почву иныхъ началъ, которыя очень неумѣло и уродливо наши нигилисты пересаживаютъ на русскую землю. — „Европейскій буржуй“ — пишетъ Достоевскій — „себялюбивъ и ведетъ всѣми силами борьбу съ пролетаріемъ за существованіе“ (21, 64); „европейскія державы разрушить пролетарій, но не Россію, ибо въ Россіи онъ доволенъ“ (20, 144, т. е. имѣетъ землю и заработокъ).

Признавая революціонное движеніе въ Россіи совершенно не народнымъ, а интеллигентскимъ, Достоевскій, однако, не закрывалъ глазъ предъ возможностью искусственнаго развращенія части народа и вовлеченія его въ нигилистическую революцію; такому вліянію нигилистовъ въ значительной степени поддакъ каторжникъ Федька (кому неизвѣстно, какое значеніе въ современной революціи имѣютъ уголовные каторжники?) и еще болѣе полуинтеллигентный лакей Смердяковъ, который у него названъ „передовымъ мясомъ, когда наступитъ срокъ“, (т. е. революція) (16, 227). Перваго развращалъ интеллигентъ Верховенскій и потомъ застрѣлилъ его, а второго — Иванъ Карамазовъ и довелъ его до самоубійства.

„Хотя революція начнется въ Россіи, — читаемъ мы у Достоевскаго, — но не здѣсь ей долго пановать: ея подлинное гнѣздо будетъ въ Европѣ“ — пишетъ Достоевскій (21, 172); правда, ея не ждутъ, но и въ 18-мъ вѣкѣ ея не ждали во Франціи, какъ это видно по путешествіямъ Карамзина и Шиллера (21, 171). У насъ социализмъ нравится студентамъ, а во Франціи — голодному пролетарію; политическіе же либеральные дѣятели его ненавидятъ, а всѣхъ враждебнѣе социализму французскіе республиканцы (21, 186), и буржуа во Франціи выкинутъ пролетаріевъ, а тѣ поднимутъ рѣзню (21, 471), и въ Ев-

ропѣ вскорѣ все лопнетъ, кромѣ, пожалуй, евреевъ (21, 470).

Вообще евреямъ Достоевскій приписываетъ огромное значеніе въ развитіи революціи. Когда она начнется — писалъ онъ — отовсюду и всюду полѣзутъ евреи и временно воцарятся въ Россіи (14, 314) (говорятъ, теперь 80% правительственныхъ чиновъ въ совѣтской Россіи составляютъ евреи); „они уже и теперь начинаютъ заполнять Россію (20, 93), а образованные изъ нихъ, будучи крайне самолюбивы и обидчивы“ (21, 83), представляютъ собою самый озлобленный элементъ среди бунтовщиковъ.

Но если русская революція такъ радикально разнится отъ западно-европейской, исходя не изъ экономическихъ, а изъ ложно-философскихъ нуждъ, то ближайшія ея проявленія и послѣдствія всегда будутъ, и уже намѣчаются, тѣ же, что въ Западной Европѣ. Противъ религіи она возстаетъ открыто, предъ нравственной преступностью тоже не хочетъ остановиться, но, кромѣ полной неудачи въ достиженіи имущественнаго благоустройства страны, которую она обречетъ на голодовку, революція не только не исполнитъ своего обѣщанія дать людямъ свободу, но отниметъ и ту, которою они всегда пользовались въ государствѣ; и это можно видѣть уже заранѣе; такая же печальная участь постигнетъ и науку, и образованность.

Приводимъ соотвѣтствующія мысли Достоевскаго. Либеральное равенство, пишетъ авторъ, просто ревнивая слѣжка другъ за другомъ и зависть (21, 68); отъ неумѣнія вести дѣло, наши революціонеры всѣхъ подозрѣваютъ въ шпіонствѣ (12, 388). Революціонеры желаютъ поощрить образованіе и дѣйствовать затѣмъ шпіонствомъ и доносами (13, 106). Нѣкто Шигалевъ, теоретикъ революціонныхъ программъ, разрабатывалъ такую

систему взаимнаго шпіонажа во всѣхъ подробностяхъ (ibidem). Онъ же вводилъ и тотъ пріемъ пропаганды, который у насъ потомъ сказался въ 20-мъ вѣкѣ въ видѣ „огарковъ“, порнографіи и т. п.. Въ программѣ Шигалева предположено систематически развращать общество и юношество, подрывать религію, власть (13, 109—110). Конечно, въ подобной обстановкѣ ни о какой свободѣ, ни о справедливости, ни о просвѣщеніи не можетъ быть и рѣчи. Мало того, самое объединеніе или точнѣе сцѣпленіе революціонныхъ дѣятелей обезпечивается насиліемъ, и притомъ самымъ ужаснымъ — общимъ участіемъ въ какомъ либо преступленіи и страхомъ быть выданнымъ уголовному суду: участники революціи заранѣе склеиваются чьєю либо пролитой кровью (13, 90). По такому-то принципу былъ умерщвленъ въ „Бѣсахъ“ раскаявшійся революціонеръ Шатовъ (13, 62), благороднѣйшій и искреннѣйшій идеалистъ, столь презрительно отзывавшійся о революціонерахъ (13, 328).

Конечно, такую мрачную характеристику заслуживаютъ у Достоевскаго не всѣ революціонеры, а только тѣ, которые знали, что дѣлали; большинство же ихъ, набранные изъ зеленой молодежи, въ родѣ Эркеля въ „Бѣсахъ“, были честно заблуждающіеся идеалисты, о коихъ нашъ писатель выразился такъ: юность русская чиста, и стремленія ея (нѣкоторыхъ изъ нихъ) къ политическимъ беспорядкамъ исходятъ иногда изъ желанія высшаго благообразія (15, 434). Однако, эти элементы, быть можетъ самые многочисленные въ революціонныхъ лагеряхъ, такъ наивны, довѣрчивы и исполнены готовности къ неосмысленному, фанатическому послушанію, что они не только не могутъ служить препятствіемъ къ грозящему людоедству, но даютъ возможность злымъ гениямъ революціи, вродѣ Верховенскаго, самую то

революцію сдѣлать кровавымъ средствомъ для иныхъ еще болѣе отвратительныхъ цѣлей, какъ это и оправдывалось въ современныхъ событіяхъ, а тогда тотъ же Верховенскій заявлялъ по секрету, что онъ хочетъ достигнуть чрезъ революцію диктатуры и олигархіи (13, 86), что не трудно, потому что революціонное стадо оказываетъ слѣпое повиновеніе кучкѣ вожаковъ (13, 166). Еще его папаша недоумѣвалъ, — „почему коммунисты и социалисты отчаянные скряги и стяжатели“ (12, 103).

При всемъ томъ Достоевскій настаиваетъ на существеннѣйшемъ различіи нашихъ революціонеровъ отъ западныхъ. Хотя программу свою они переняли отъ послѣднихъ, но, за исключеніемъ помянутыхъ злыхъ геніевъ, заправляющихъ ходомъ дѣлъ, наша революція есть плодъ ложной, но большинствомъ своихъ послѣдователей искренно принятой идеи, а на западѣ въ ней выражается только животная борьба за существованіе, и тамъ побѣдителемъ будетъ тотъ, кто овладѣетъ матеріальными интересами массы, какъ уже объяснено въ приведенныхъ словахъ Инквизитора. То-же писалъ авторъ въ „Дневникѣ Писателя“: „камни обрати въ хлѣбъ и властвуй надъ толпой“ (20, 39).

Не повторяя словъ Достоевскаго о классовой борьбѣ въ Европѣ, какъ причинѣ революціи, добавимъ еще и то, что по его убѣжденію это себялюбіе европейца настолько обѣднило даже теоретическую мысль на Западѣ, что тамъ и понять не могутъ, какъ смѣшно ожидать гуманнаго устройства жизни при дѣйстви только себялюбивыхъ, утилитарныхъ учреждений, вродѣ всякаго рода ассоціацій и парламентовъ. Ассоціаціи — говоритъ нашъ писатель — не соединяють, а разъединяють людей (20, 94); у насъ это поймутъ (1918 годъ на-

училь), а въ Европѣ никогда не поймутъ (20, 97—99). Французы — пишетъ онъ въ другомъ томѣ — приписываютъ прорѣхи своей республики случайнымъ причинамъ, а не поймутъ, что весь строй ея ложенъ (21, 268), — какъ лишенный нравственнаго начала, а основанный только на борьбѣ различныхъ интересовъ и выгодъ): бунтующая личность должна начинать съ самопожертвованія, но Европа этого не понимаетъ (4, 464). Напротивъ, русскіе понимаютъ, что въ отрицаніи себя высшее проявленіе личности (4, 465), а надѣющіеся только на умную комбинацію человѣческихъ себялюбій фуриеристы (западные коммунисты-радикалы), истративъ 900 тысячъ на устройство коммуны, ничего не могли добиться (4, 460). А если у насъ въ Россіи заведутъ парламентъ, то въ немъ всѣ только переругаются (21, 484 — исторія Государственной Думы 1906—1917 г.).

Если социалистическая революція не достигаетъ прямо поставленныхъ ею цѣлей—свободы и благоденствія своихъ послѣдователей, то для отечества своего она никогда не бываетъ благопріятна, а въ Россіи, конечно, всего менѣе, но и не въ одной Россіи, а вездѣ, и это потому, что при революціи, какъ пишетъ Достоевскій, форма жизни (республика и коммуна) становится выше всего, выше отечества (20, 101); пусть не будетъ Франціи, но да будетъ у насъ республика, кричали и писали французы послѣ Наполеона III-го. Но если такъ было во Франціи, то у насъ дѣло шло, идетъ и пойдетъ гораздо дальше: Достоевскій противопоставляетъ нашего либерала (добро, не революціонера), либералу западному въ томъ смыслѣ, что послѣдній не любитъ настоящаго строя отечества, желая ему другого, лучшаго, по его мнѣнію, строя, а русскій либераль прежде всего ненавидитъ самую Россію; къ этой мысли Достоевскій обращается не

однажды въ „Идіотъ“ и въ „Бѣсахъ“ (рѣчь профессора на благотворительномъ вечерѣ); таковы русскіе либералы, а социалисты наши, заявляетъ писатель, — одержимы странною ненавистью къ Россіи: если бы она благоденствовала, они были бы несчастны (12, 187). Главною причиною сему Достоевскій считаетъ не злую волю, а совершенное незнаніе Россіи русскими же; ихъ привычка руководиться чужимъ, заморскимъ умомъ и самоувѣренность свойственны невѣждамъ. Глупая гордость революціонеровъ 60-хъ годовъ и ихъ невѣжество поражали автора (19, 26). Собираясь вмѣстѣ, они толковали о дѣленіи Россіи на мелкія государства, объ упраздненіи въ ней религіи, объ отдачѣ нашихъ земель Польшѣ до Днѣпра (12, 27). Корень же такого умственного и нравственного потемнѣнія заключался въ модной утилитарной философіи и социологіи, которыя авторъ жестоко высмѣиваетъ (5, 23-31).

ГЛАВА II.

ГДѢ ИСКАТЬ ИЗБАВЛЕНІЯ ОТЪ НАСТОЯЩИХЪ БѢДСТВІЙ И ОТКУДА ЖДАТЬ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Мы изложили главныя мысли Достоевскаго о русскихъ революціонерахъ и о послѣдствіяхъ ихъ дѣятельности, т. е. о характерѣ ожидавшейся имъ за 50—60 лѣтъ русской революціи. Нашей цѣлью было отнюдь не обличеніе кого-либо или чего-либо, потому что дѣйствительность обличала истину и ложь краснорѣчивѣе всякаго Савонаролы, и наши современники нуждаются теперь не въ обличеніяхъ, а въ ободреніи и утѣшеніи, съ каковою цѣлью и предпринята эта работа. Если же мы привели здѣсь мрачныя предсказанія нашего писателя, то для того, чтобы читатели, вспомнивъ послѣднія, убѣдились въ томъ, съ какой фотографической точностью Достоевскій предусмотрѣлъ постигшія нашу страну событія, отнеслись съ большимъ довѣріемъ, или точнѣе — вниманіемъ, къ тѣмъ любимѣйшимъ идеямъ Достоевскаго, изъ которыхъ могутъ почерпать и утѣшеніе въ настоящей бѣдѣ, и указанія, какъ ее избыть.

Мы замѣняемъ слово довѣріе — словомъ вниманіе, потому что мы убѣждены, что воззрѣнія нашего писателя такъ правдивы, жизненны и въ такой степени подтверждаются наблюденіемъ надъ людьми и жизнью, что всякій искренній, не предубѣжденный человѣкъ съ

ними согласится, если только вдумается внимательно въ дѣло.

Читатель, конечно, понимаетъ, что ни Достоевскій, ни его истолкователь не имѣютъ притязаній прямо предложить выработанную программу дѣйствій для возстановленія нормальной жизни на равнинахъ нашего отечества. Нѣтъ, какъ причина его глубокаго упадка заключалась не въ нѣсколькихъ ошибкахъ послѣдняго царствованія и не въ нѣсколькихъ неправильныхъ шагахъ общественныхъ дѣятелей, а въ потерѣ самой общественной перспективы и правительственными сферами, и еще болѣе самимъ обществомъ: такъ и возрожденіе русской жизни, возрожденіе прочное и многовѣковое, возможно лишь подъ условіемъ возстановленія правильныхъ воззрѣній на нашу жизнь и на Русь въ умахъ передовыхъ дѣятелей, что въ настоящее время — время истиннаго покаянія и отрѣшенія отъ прежнихъ предразсудковъ—гораздо легче, чѣмъ было при жизни Достоевскаго и вообще въ дореволюціонный періодъ русской жизни.

Вотъ почему мы считаемъ чрезвычайно полезнымъ, прежде чѣмъ перейти къ какимъ-либо прямымъ выводамъ изъ твореній Достоевскаго о задачахъ современной общественной дѣятельности, напомнить читателю всѣ его убѣжденія и наблюденія надъ тѣми областями русской и общеевропейской жизни, которыя перечислены нами выше подъ рубриками и которыя по нашему убѣжденію, подтвержденныя сбывшимися предсказаніями великаго писателя, должны составлять нравственно-патріотическій катехизисъ русскаго человѣка.

Нечего таить грѣха: *Такого катехизиса русскій человекъ 20-го вѣка не имѣетъ.* Разумѣю не нигилистовъ, не западниковъ, не кадетовъ всѣхъ оттѣнковъ только, но и искреннихъ патріотовъ, монархистовъ, даже черно-

сотенцевъ, исключая очень немногихъ самостоятельныхъ мыслителей различныхъ партій и внѣпартійныхъ. Разумѣю далѣе подъ катехизисомъ не административную программу въ устроеніи будущей Россіи: о такихъ можно услышать множество увѣренныхъ и подробныхъ отвѣтовъ и, даже надѣюсь, отъ большинства, довольно однообразныхъ. Но забота наша не объ этомъ.

Конечно, тотъ или иной порядокъ въ государствѣ необходимъ, но если даже удастся установить такой именно административный строй, т. е. такое распредѣленіе власти, который всего болѣе подходитъ къ современнымъ нуждамъ народа: все же этимъ не будетъ обезпеченъ разумный ходъ общественной жизни, ни прочность и долговѣчность установленнаго порядка. Пора, давно пора отрѣшиться отъ того неразумнаго и безсознательно усвоеннаго убѣжденія русскихъ и вообще европейскихъ дѣятелей, будто бы разрѣшеніе всѣхъ народныхъ и общественныхъ нуждъ и затрудненій заключается въ правильномъ распредѣленіи власти между тѣми или другими классами. — Такой предрасудокъ загубилъ нашу общественность, онъ крайне принизилъ, даже опозилъ и западно-европейскую общественность, возвративъ ее къ нравственно безсодержательной, хотя и суетливой жизни языческихъ Афинъ и Рима и отрѣшивъ вниманіе дѣятелей отъ *содержанія* жизни къ ея внѣшнимъ *формамъ*. Безспорно, и послѣднія имѣютъ право на вниманіе и интересъ мыслителей, но это есть уже *спеціальность* законодателей и профессоровъ-юристовъ, а содержаніе жизни и положительные идеалы при такомъ всеобщемъ увлеченіи формой тускнѣютъ, меркнутъ и обрекаютъ жизнь на постепенное угасаніе и омертвѣніе. Пусть пожилые люди вспомнятъ, какъ горячо интересовалось общество 50 и 40 лѣтъ тому назадъ вопросами

педагогическими, лѣтъ 35—30 тому назадъ — религиозно-общественными и нравственно-философскими, какъ безкорыстно увлекалось задачами Россіи на Православномъ Востокѣ во время Русско-Турецкой войны, какъ горячилось изъ-за моральныхъ идей Толстого, Соловьева, Достоевскаго. Все это изумляло иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, почти также, какъ и ея древнихъ гостей въ эпоху „древняго благолѣпія“ при послѣднихъ Рюриковичахъ. Французскіе ученые, друзья Россіи — Леруа Боле и де-Вогюэ говорятъ, что всѣ русскіе суть религиозные философы и чѣмъ болѣе они принуждаютъ себя подъ вліяніемъ европейской моды казаться политико-экономистами, тѣмъ менѣе это имъ удастся и тѣмъ болѣе они подтверждаютъ приведенную характеристику. Какъ бы въ подтвержденіе подобнаго взгляда извѣстный профессоръ политической экономіи С. Н. Булгаковъ сталъ въ 1905 г. философомъ моралистомъ, а съ 1918 г.—священникомъ. Правда, и тогда въ русскихъ головахъ, начиная съ тѣхъ же Толстого и Соловьева, прыгали большіе зайцы, но убѣжденіе въ томъ, что жизнь народная опредѣляется разумными нравственными убѣжденіями народа, было общо большинству просвѣщенныхъ людей, и мало кто у насъ интересовался составомъ министерствъ и состояніемъ финансовъ, но избытокъ своей умственной и общественной энергіи передовые дѣятели старались переливать непосредственно въ общественное сознаніе, а не подбирать партіи для проведенія въ законодательныя сферы какого-нибудь тощаго, весьма условнаго закона о передѣлкѣ чьихъ либо правъ и привилегій. Теперешнее же увлеченіе административными формами жизни печально не только потому, что оно поневолѣ пропитывается, какъ губка водой, честолюбивыми и корыстолюбивыми исканіями и ин-

тригами общественныхъ карьеристовъ, каковыми становятся постепенно почти всѣ граждане; но еще болѣе по той причинѣ, что дѣйствительныя нужды народа и юношества, нужды умственныя, нравственныя, бытовыя и даже экономическія или совершенно упускаются изъ вниманія всѣми, или разсматриваются опять-же съ узко-партійной точки зрѣнія подъ вопросомъ: какая партія можетъ усилиться отъ такого или иного рѣшенія даннаго вопроса, кому это будетъ приятно и неприятно и т. п.

Особенно печально то, что подобное измельчаніе общественной перспективы, такое общее помѣшательство на формахъ правленія, почитается реальною политикою, реальнымъ, т. е. дѣловымъ, практическимъ отношеніемъ къ народнымъ и государственнымъ нуждамъ и противопоставляется прежнимъ вѣковымъ, дѣйствительно созидательнымъ, какъ отвлеченнымъ, фантастичнымъ. Невольно припоминается Крыловскій квартетъ изъ четырехъ неразумныхъ животныхъ, захотѣвшихъ быть музыкантами и убѣжденныхъ въ томъ, что для успѣха въ этомъ дѣлѣ нужно не умѣніе играть на инструментахъ, а только правильное размѣщеніе участниковъ концерта.

„Мы вѣрно ужъ поладимъ,
„Коль рядомъ сядемъ“.

Позвольте, но развѣ у насъ нѣтъ принциповъ, развѣ нѣтъ даже славянофиловъ, консерваторовъ, наконецъ? — Есть-то есть, но и ихъ идеалы начинаются и кончаются теперь требованіемъ извѣстной формы правленія, а система дѣйствій у всѣхъ почти рассчитана на партійный или групповой эгоизмъ.— „Мы успокоимъ крестьянъ, обративъ ихъ въ мелкихъ собственниковъ и упразднивъ общину“. — Нѣтъ, господа, не успокоите; если

не откроете новыхъ перспективъ жизни, то этимъ ничего не возьмете. Пока будутъ считать эгоизмъ единственнымъ двигателемъ жизни, до тѣхъ поръ никакая разумная общественность не будетъ возможнаю.

Насколько неразумно такое увлеченіе административными проектами при собственной внутренней пустотѣ, при неспособности открыть и вызвать къ жизни такія начала, которыя бы подняли настроеніе народа, укрѣпили бы любовь къ отечеству и труду, и пробудили бы общественную совѣсть—все это ясно обозначилось въ послѣдніе годы. Административная машина, и выборная, и правительственная, и военная, и штатская, работали на всѣхъ парахъ, — и въ три дня лопнули, какъ лопаются паровозъ, да такъ лопнули, что теперь и не придумаешь, какъ ее наладить, и не потому только, что революціонеры все къ рукамъ прибрали. Революція всѣмъ давно надоѣла, и самъ Ленинъ заявлялъ готовность передать „власть болѣе довѣреннымъ лицамъ или учрежденію“. Но для созыва народа, для сплоченія его во-едино, для послушанія его кому-либо нужно знамя, нужно слово, которое всѣмъ было бы дорого и свято; вотъ такого-то знамени и нѣтъ ни у кого, такое-то слово забыли и найти не могутъ или не смѣютъ. Да, не смѣютъ, ибо сказать то, чѣмъ собирали Русь триста лѣтъ тому назадъ, конфузятся, стыдятся. И сознаютъ многіе, что сказать бы: за вѣру Христову! за православное христіанство! и весь народъ, кромѣ бывшихъ каторжниковъ, откликнется. Но слово это засохло, страха ради іудейскаго, а страхъ потому одолѣлъ, что изъ сердца это слово утеряно въ средѣ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Не только это слово, но и другія слова, которыя были своими родными и святыми для настоящаго русскаго народа въ продолженіе многихъ столѣтій: родина, семья,

община сельская, приходъ православный, бѣлый царь, правда святая, милосердіе, прощеніе кающихся, защита православныхъ отъ турокъ и австрійцевъ: все это сильнѣе и крѣпче вело нашу страну впередъ и къ свѣту, чѣмъ всякія земства и парламенты и учителя-нигилисты.

Мой словарь изъ Достоевскаго—не столько для народа, сколько для интеллигенціи, ибо она сдѣлала революцію, и хотя горько въ ней кается, но главная задержка наша въ когтяхъ анархіи зависитъ не отъ народа, а отъ той-же интеллигенціи. Чтобы призвать народъ къ объединенію вокругъ лучшихъ началъ жизни, мало объ нихъ восклицать: надо въ нихъ увѣровать, а притворная вѣра и притворный патріотизмъ „на показъ мужикамъ“, какъ хвалились наши земцы, думцы, даже губернаторы, даже многіе генералы, — все это отвратительнѣе и вреднѣе, чѣмъ откровенный нигилизмъ. Однако, увѣровать въ то, отъ чего отвернулись въ свое время такъ грубо и рѣшительно, не очень легко. Правда, насъ на половину уже научила этой вѣрѣ сама жизнь, показавши, какъ мы дошли до состоянія дикихъ людоѣдовъ, отвертившись отъ народныхъ началъ жизни: но этого мало, должно вникнуть во внутреннюю, жизненную и историческую правду христіанскаго и русскаго пониманія жизни, чтобы возродить ее увѣренно и твердо. Вотъ для чего намъ нуженъ Достоевскій, т. е. его идеи и наблюденія. Конечно, есть и другой, научно-философскій способъ изученія, но тѣхъ толстыхъ книгъ наша публика все равно читать не будетъ, а Достоевскаго перечитывать не откажется. Именно объ этомъ-то я и прошу читателей: удовлетвориться моими краткими выписками и толкованіемъ ихъ — кажется, недостаточно. Я прошу запастись его сочиненіями и прочитывать видимыя цитаты въ широкомъ контекстѣ. Не по одному

какому-либо частному вопросу, но по всѣмъ важнѣйшимъ идеямъ нашего писателя желалъ бы я провести читателей: тогда, я увѣренъ, ясно станетъ, что должно дѣлать, чтобы спасти Русь, даже въ томъ случаѣ,—замятъте это,—если ей не суждено быть самостоятельнымъ государствомъ, а только колоніей или провинціей другого или другихъ государствъ, каковою она была съ 13-го по конецъ 15-го вѣка въ одной части и по настоящее время—въ другой части, юго-западной и древнѣйшей.

„Но въ испытаніяхъ долгой кары,
„Перетерпѣвъ судьбы удары,
„Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
„Дробя стекло, куеть булатъ.“

Очень было бы грустно лишиться русскаго государства, но Русь была, росла и сіяла даже тогда, когда не была государствомъ, какъ за послѣдніе 450 лѣтъ росъ и развивался геній греческій, какъ умножалась его вѣра, его патриотизмъ, его энергія подъ властью турокъ и другихъ народовъ.

Впрочемъ, что много толковать?! Обратитесь къ воспоминаніямъ дѣтства, къ Священной Исторіи избраннаго народа. Онъ безсовѣстно измѣнялъ своему призванію, пока процвѣталъ въ государственномъ отношеніи: все стремился уподобиться жизни окружавшихъ его варваровъ. Но, когда государственность его пала, храмъ и столица подверглись разрушенію, а самый народъ разоренію и плѣну въ странѣ переселенія, тогда въ немъ воскресла внутренняя культура — религіозная и эстетическая, научная; онъ возвратился черезъ 70 лѣтъ на родину уже совершенно недоступный прежнимъ соблазнамъ и, хотя не былъ самостоятельнымъ государствомъ, но былъ самымъ самостоятельнымъ племенемъ во всѣмъ мірѣ и

остался таковымъ и понынѣ, хотя не имѣеть ни своей территоріи, ни іерархіи, ни даже своего языка. Такъ и русское православіе, русское искусство, русская рѣчь, русское сердце, русская открытость, самоотверженіе и широта духа не угаснетъ подъ игомъ ни японцевъ, ни американцевъ, ни англичанъ, ни французовъ. Можно надолго уничтожить Россію, нельзя уничтожить Русь. И если бы приходилось выбирать одно изъ двухъ, то лучше пусть погибнетъ Россія, но будетъ сохранена Русь, погибнетъ Петроградъ, но не погибнетъ обитель преподобнаго Сергія; погибнетъ русская столица, но не погибнетъ русская деревня, погибнуть русскіе университеты и замѣнятся англійскими или японскими, но не погибнетъ изъ памяти народной Пушкинъ, Достоевскій, Васнецовъ и Серафимъ Саровскій.

Впрочемъ, зачѣмъ такой роковой выборъ. Богъ дастъ, сохранится и первое, и послѣднее. Только надо крѣпко помнить, что Русь—это не просто русское государство; общественность не то, что государственность, и общественная русская жизнь совсѣмъ не то, что государственная или земская администрація. Все это ясно сознавалъ, хранилъ въ своемъ сердцѣ и проповѣдывалъ устами и перомъ величайшій писатель русскій Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

ГЛАВА III.

РУССКІЙ НАРОДЪ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО.

Не столько форму, сколько содержаніе нашей народной жизни должны мы возстановлять: таковъ нашъ отвѣтъ на заголовокъ настоящей главы.

Пусть, наконецъ, нашъ писатель заговорить самъ отъ себя. Отвлечемся, читатель, на время отъ гаданій о нашемъ будущемъ и обратимъ взоръ къ прошедшему. Отъ времени кончины Достоевскаго прошло уже 40 лѣтъ, а отъ его „Дневника Писателя“, если не считать послѣднихъ двухъ брошюрокъ этого журнала, — 42 года. Тогда еще не совсѣмъ забыто было крѣпостное право, да и интеллигенція въ значительномъ большинствѣ была дворянскаго сословія. Понятія и симпатіи читателей, публики много разнились отъ современныхъ. И, однако, исходной точкой всѣхъ призывовъ, крайнимъ обоснованіемъ всякой мысли у Достоевскаго было то знамя, которое съ меньшей искренностью, но съ такимъ же постоянствомъ поднимаютъ и современные намъ устроители революціи: „народъ! для народа! за народъ!“ Уже поэтому никто да не сочтетъ ученіе Достоевскаго несовременнымъ. Итакъ, начнемъ съ изложенія его центральной идеи, съ его ученія о русскомъ народѣ и объ отношеніи къ нему интеллигенціи и обратно.

„Народъ нашъ есть богоносецъ“, такъ приблизительно начинается свою страстную рѣчь раскаявшійся со-

ціалістъ Шатовъ въ „Бѣсахъ“. „Велики и святы идеалы русскаго народа“, поясняетъ Достоевскій въ „Дневникѣ Писателя“ (20, 49). „Велика Россія своимъ смиреніемъ“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (17, 60).

Жалкая критика высмѣивала эти выраженія, какъ будто бы общія и неопредѣленныя, но они не были таковы. Авторъ облакалъ ихъ въ весьма опредѣленную одежду и пояснялъ и то, въ какихъ свойствахъ души сказываются преимущественныя качества русскаго человѣка, и въ чемъ выражается достоинство его религіозности, и каковы его міровыя стремленія и чаянія, и каково его отношеніе къ различнымъ людямъ и народамъ.

Однако, для поясненія перваго отличительнаго свойства русской души я принужденъ снова отвлечься отъ нашего писателя. Право, я предпочелъ бы ограничиться собраніемъ его афоризмовъ подъ рубриками, но чувствую что безъ истолкованія важнѣйшія мысли автора для большинства читателей пройдутъ незамѣченными, какъ это доказала наша литературная критика, болѣе несправедливая къ Достоевскому, чѣмъ къ какому бы то ни было другому писателю.

Прошу, читатель, обратить вниманіе на такое изреченіе писателя: „народъ нашъ не считаетъ факта нормой и чуждъ самооправданія, а интеллигентское юношество наоборотъ“ (20, 47). „Народъ нашъ, если грѣшитъ, то сознаетъ грѣхъ и приноситъ покаяніе“ (21, 452). Поэтому русскій человѣкъ и чуждъ презрѣнія къ падшимъ. Народъ, пишетъ Достоевскій, великъ и тѣмъ, что преступниковъ онъ называетъ „несчастливыми“ (19, 168). — Къ этимъ мыслямъ о томъ, что, не будучи свободенъ отъ грѣха и пороковъ, русскій народъ никогда не одобряетъ зла и не оправдываетъ себя въ порокахъ, Достоевскій возвращается многократно, но съ особенной силой рас-

крываетъ эту мысль спившійся чиновникъ Мармеладовъ („Прест. и Наказ.“), когда предсказываетъ, какъ на судѣ Божіемъ послѣ смерти онъ и подобные ему падшіе люди примутъ обличеніе отъ Спасителя за свое глубокое паденіе, но тутъ-же и милостивое прощеніе, потому что они никогда не оправдывали своего паденія, но сознавали свою виновность и горько укоряли себя. Мармеладовъ, хотя и не былъ простолюдиномъ, но въ этомъ случаѣ и болѣе поверхностный (какъ Грибоѣдовскій Репетилловъ) сохранилъ чисто народное отношеніе къ себѣ и чисто народную ясность совѣсти.

Разумѣть ли читатель, какая великая черта духа найдена здѣсь Достоевскимъ у русскаго народа? Не думаетъ ли онъ, что это нѣчто второстепенное? Горе ему, если такъ. Пусть же онъ знаетъ, что этимъ признакомъ опредѣлялась погибель или спасеніе человѣческой души, когда къ ней обращалось слово Христово или апостольское. Многіе уважаемые люди отвергали это слово жизни и погибали навѣки; многіе порочные и презираемые его принимали и спасались: какими же свойствами души опредѣлялось у людей отношеніе къ словесамъ вѣчной жизни? А вотъ именно тѣмъ, которое Достоевскій указалъ въ русской душѣ. Люди, не оправдывающіе себя въ недобромъ, сознающіе себя грѣшниками, принимали проповѣдь евангелія, даже если были порочны и преступны, а люди, исполненные гордаго самооправданія, отвергали его, даже если и были одарены многими почтенными качествами и окружены общимъ уваженіемъ. Первая изъ десяти и главенствующая заповѣдь Ветхаго Завѣта была заповѣдь единобожія, а первая изъ девяти и главенствующая заповѣдь Новаго Завѣта гласить: „блаженны нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное“. И эту заповѣдь русскій народъ исполнилъ и наполнилъ ею свою

душу, и уже по одному этому онъ есть народъ евангельскій, народъ богоносець.

Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, будто сказаннымъ свойствомъ опредѣляется только чисто религіозное сознание или религіозная только жизнь рускаго народа. Нѣтъ, готовность всегда признать свою вину и стать выше самолюбиваго оправданія обнаруживаетъ высокую нравственную культуру души, какъ выражается Достоевскій, — не желающей признавать фактъ нормой и быть *работомъ* обстоятельство, и нести на себѣ укоризну Пушкина:

„О люди. Жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
„Рабы минутнаго, поклонники успѣха“.

Достоевскій любитъ въ этомъ смыслѣ противопологать западно-европейскаго челоуѣка русскому въ томъ же духѣ, какъ противопоставилъ Л. Толстой П. Безухова тому самодовольному французику, которому онъ спасъ жизнь. Вспомните „Игрока“ съ партнерами Бабушкой, съ самозваннымъ французскимъ графомъ и торговкой Жюли, или перваго жениха Грушеньки въ „Карамазовыхъ“ и т. д. Впрочемъ, къ сравнительной характеристикѣ русскихъ и иностранцевъ у Достоевскаго мы еще возвратимся, а пока скажемъ, что не только въ области жизни чисто религіозной, но и въ общественной, семейной, школьной и какой угодно, если вы встрѣтили челоуѣка, исполненнаго духомъ самооправданія, то знайте, что ни на какое серьезное и трудное дѣло онъ не годится и въ близкихъ отношеніяхъ совершенно не выносимъ. Напротивъ, встрѣтивъ челоуѣка, готоваго признать свою ошибку и вину, беритесь за него обѣими руками, — вы нашли сокровище, — сокровище въ русскомъ народѣ встрѣчающееся постоянно, въ обществѣ — довольно рѣдко, а въ западномъ мѣрѣ—почти никогда. Тамъ фактъ отожест-

вляется съ нормой. Тамъ современное состояніе умовъ и управленіе считается образцомъ, и историческія эпохи цѣнятся не по существу, но по степени ихъ сходства съ современностью. Отсюда выработалось ложное ученіе о прогрессѣ: что было недавно, то болѣе похоже на современность, а слѣдовательно, оно лучше того, что было раньше, ибо тогда этого сходства не было.

Также неглубоко и сужденіе европейцевъ при оцѣнкѣ чужихъ культуръ; они обнаруживаютъ полную неспособность понять послѣднія и общаться съ ними. Культивированіе Европою Америки, Австраліи и Африки выразилось въ томъ, что основное населеніе двухъ съ половиною материковъ было истреблено почти поголовно.

Упоминаемъ обо всемъ этомъ, чтобы показать, какое огромное значеніе имѣеть указанная Достоевскимъ *ясность совѣсти русскаго человѣка*, сохранившаяся даже у пропойцы Мармеладова и у героев Мертваго Дома (ихъ бредъ во время сна) и у развращеннаго социалистами каторжника Федьки, который обличаетъ своего повелителя-социалиста Верховенскаго за его „безсердечіе и безбожіе“ (13, 303). Здѣсь противоположность русскаго характера европейскому или европсизированному. Наши каторжники, пишетъ Достоевскій, сознаютъ свою виновность, а Биконфильдъ и европейцы оправдываютъ жестокость (21, 143). Эта ясность совѣсти, это постоянное преднесеніе предъ собою идеи должнаго и недовольство собою обуславливаетъ въ русскомъ человѣкѣ не мало и нравственныхъ, и умственныхъ, и общественныхъ талантовъ, о коихъ говоритъ нашъ писатель.

И прежде всего, всегда различая сущее отъ должнаго, русскій человѣкъ по Достоевскому никогда не бываетъ рабомъ въ душѣ, — ни въ крѣпостной зависимости,

ни въ состояніи крайней бѣдности. Чѣмъ бѣднѣе и ниже человѣкъ, заявляетъ авторъ, тѣмъ болѣе въ немъ боголѣпной правды (17, 60). Русскій человѣкъ сохраняетъ достоинство и въ рабскомъ положеніи и всегда спокоенъ (14, 193). Типъ такого величественнаго въ своей бѣдности характера представляеатъ собою Макаръ Ивановичъ въ „Подросткѣ“. Самъ подростокъ, почти студентъ и почти невѣрующій, проникся къ нему такимъ благоговѣніемъ, что почиталъ его „исцѣленіемъ отъ всякаго душевнаго недуга“ (для его собесѣдниковъ — 15, 140). Особенно его поражало отсутствіе въ старикѣ всякаго самолюбія и „постоянное умиленіе“ (15, 162). Последнее не только не отступало предъ страхомъ надвинушагося смертнаго часа, но еще свѣтлѣе озарило старческую душу, и Макаръ Ивановичъ съ сердечною ласкою, умирая, пригласилъ своихъ близкихъ придти къ нему на могилку и повѣрять тамъ ему свои думы.

Наряду съ сохраненіемъ внутренней свободы при послушаніи и внѣшней зависимости у русскаго человѣка преимущественно предъ всѣми народами развито чувство милосердія и состраданія, тоже тѣсно связанное съ указанною ясностью совѣсти и способностью отрѣшиться отъ своего эгоизма. „Мужикъ Морей“ является типичнымъ представителемъ такого евангельскаго свойства русской души.

Кромѣ внутренней свободы и жалостливости, русское смиреніе и его далекость отъ самооправданія прививали русской душѣ честность, правдивость и откровенность, которой болѣе всего удивляются въ конецъ изолгавшіеся сыны Западной Европы. Нѣтъ шпажной чести у русскаго, говоритъ Достоевскій: но онъ чище душою, нежели интеллигенція (21, 149). Въ старину и у нашихъ бояръ не было европейской чести (это—понятіе

чисто языческое, враждебное нашей религии), но была своя нравственная (21, 148).

Русская душа, исполненная недовольствомъ собою и смиренномудріемъ, отражаетъ вліяніе этого основного свойства своей души и на всѣхъ своихъ общественныхъ понятіяхъ и чаяніяхъ; не только для себя, но и для своего отечества, и для всего міра она желаетъ, чтобы фактъ излился въ норму, чтобы воцарилась Божья правда и побѣдила бы неправду. Сердце русскаго чело-вѣка, пишетъ Достоевскій, всегда лелѣетъ въ себѣ великую жажду благообразія (общаго — 15, 159). Народъ и сказки потому любятъ, что тамъ открывается возможность иного, лучшаго міра (19, 132). При семъ народъ нашъ совмѣщаетъ въ своемъ сердцѣ и горячій патріотизмъ, и космополитичность симпатій. Объ этомъ нашъ писатель упоминаетъ многократно. Идея народа — благо и миръ всего чело-вѣчества (21, 21). Однако, это чело-вѣческое всеединство русскіе понимаютъ не мечтательно, какъ нѣмецкіе піетисты, а весьма реально. Первый шагъ къ тому — освобожденіе царемъ страдающихъ православныхъ братьевъ отъ власти иновѣрцевъ, а дальше — умноженіе и расширение православной вѣры и церкви. Войну русскіе признаютъ только одного рода — за святую вѣру, и идутъ на нее вовсе не для славы или корысти; это отличительное свойство русскаго взгляда на ратный подвигъ отмѣчаетъ и покойный генералъ Драгомировъ въ своихъ книжкахъ о русскомъ солдатѣ. — Русскій народъ ищетъ подвига на войнѣ; онъ непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ (20, 335), читаемъ мы у Достоевскаго. „Православное дѣло“ — вотъ что располагаетъ сердце народа къ Восточному вопросу (20, 275). Авторъ съ умиленіемъ описываетъ, какъ магометане замучили солдата Фому Данилова (въ Средней Азіи) за

вѣру, и онъ не отрেকся отъ нея, хотя могъ бы тѣмъ спасти свою жизнь; мученія были медленны и ужасны. Изъ общества никто бы этого не выдержалъ, замѣчаетъ авторъ (21, 15).

Идея народа, заключаетъ Достоевскій: вселенская церковь, это и есть нашъ социализмъ (21, 498).

На этомъ положеніи намъ достаточно остановиться, ибо Достоевскій развиваетъ его настойчиво и въ этомъ видитъ сущность того гибельнаго отдѣленія общества отъ народа, въ коемъ онъ находитъ источникъ всѣхъ бѣдствій Россіи, какъ цѣлаго, и всѣхъ душевныхъ недуговъ общества, всей меланхолии русскаго интеллигента. — Списывая исторію своего отечества съ нѣмецкихъ образцовъ, авторы коихъ — иконоборцы — взираютъ на православіе (и на католичество), какъ на идолопоклонство, мы усвоили то въ высшей степени нелѣпое и несогласное съ исторіей предубѣжденіе, будто наши предки, какъ и современные русскіе крестьяне, приняли отъ христіанства только ритуаль, а не его нравственное ученіе. Достоевскій со всей энергіей утверждаетъ противоположное. Онъ говоритъ: народъ нашъ понимаетъ христіанство гораздо лучше, чѣмъ наше общество (вспомнимъ о первой заповѣди блаженства, совершенно отринутой въ Европѣ и ея подражателями — 20, 134). Начала народной жизни взяты цѣликомъ изъ православія (20, 135 — наша сельская община это сокращенный русскій монастырь). Народъ нашъ давно просвѣщенъ разумѣніемъ христіанства (21, 449). Поэтому намъ нечему учить русскій народъ (21, 16), а надобно у него поучиться. Общество потому не понимаетъ народа, что не понимаетъ православія (20, 134). Кто не понимаетъ православія, никогда не пойметъ русскаго народа (21, 498); и такого народа никогда не признаетъ своимъ чловѣ-

комъ (21, 499). Невѣрующій талантъ ничего не сдѣлаетъ съ русскимъ народомъ. Народъ встрѣтитъ атеиста и поборетъ его, ибо народъ сей есть богоносецъ (17, 58). Невѣрующій Толстовскій Левинъ не дошелъ до ясныхъ убѣжденій, онъ еще вопросъ (21, 240), народомъ онъ не сдѣлается, сколько бы времени ни прожилъ съ народомъ. (21, 243). „Атеистъ не можетъ быть русскимъ“ (12, 345). Кто отрывается отъ народа, тотъ отрывается отъ Бога и наоборотъ (12, 49). Мода на Редстокизмъ (штунду) — проявленіе отчужденности отъ народа (20, 115). Это основная тема Достоевскаго во всѣхъ его повѣстяхъ, къ которой мы еще возвратимся, а пока продолжимъ его афоризмы о народѣ.

Мы сказали, что въ народномъ идеалѣ совмѣщается широко конфессіональное (вѣроисповѣдное) начало съ общечеловѣческимъ и жажда общаго мира съ стремленіемъ къ ратному подвигу въ священной войнѣ. Въ осуществленіи этого единства между торжествомъ истинной вѣры и всеобщаго благоустройства на землѣ народъ нашъ, по Достоевскому, видитъ призваніе Россіи, свое призваніе. Великій народъ, заявляетъ намъ писатель, долженъ вѣрить въ свое мессіанское (всемирное) призваніе (21, 18). — И русскій народъ въ это вѣруетъ и въ горячія времена охватываетъ сею вѣрою даже сердца общества.

Вотъ что писалъ Достоевскій въ эпоху Славянско-Турецкой войны 1876—1878: колоссальныя жертвы на Герцоговинѣ показали, что дѣло сіе наше, общенародное (20, 239). Религіозный подъемъ въ виду возстанія славянъ объединилъ всѣ слои русскаго общества и народа. (20, 277—278). Война Турецкая въ глазахъ народа — защита христіанства, и ради него то идутъ люди на ратный подвигъ (20, 416), — и не славянъ только, но и всѣхъ

православныхъ христіанъ (20, 417), такъ что если бы Россія отказалась отъ войны за вѣру, то отказалась бы отъ себя самой (20, 417) и сила войны 1877 года — союзъ царя съ народомъ; проглядѣли это наши западники (21, 110). Истина этого афоризма, скажемъ кстати, художественно освѣщена писателемъ изъ совершенно другого лагеря, бывшаго добровольцемъ на той войнѣ — В. Гаршинымъ въ его очеркѣ „Четыре дня“. — Народъ взираетъ на Царя, — продолжаетъ Достоевскій — какъ на защитника православнаго христіанства отъ восточнаго магометанства и западныхъ ересей (21, 74); эту же идею онъ воплотилъ въ древнемъ героѣ своихъ былинъ Ильѣ Муромцѣ — заступникѣ за обиженныхъ (21, 76). Вообще же, выступая на историческое дѣло (1877 г.), народъ нашъ представляетъ собою единомысліе, чего нѣтъ у европейскихъ народовъ (21, 426); въ этихъ и въ подобныхъ событіяхъ народъ вбираетъ въ себя и общество, и правительство, и не послѣднія, а онъ самъ диктуетъ рѣшенія правителей. Такъ было, прибавимъ отъ себя, и въ 1812 г., и въ 1877 г., и въ 1914, ибо и эта война предпринята исключительно съ религіозно-благотворительной цѣлью охранить Сербію отъ разрушенія ея Австріей. Приводимъ выраженіе нашего писателя о войнѣ 1877 г.: Россія народна и въ важные моменты исторіи ее выражаетъ именно народъ (а не правительство — 21, 80). Россія сдѣлаетъ это (освобожденіе восточныхъ христіанъ) ради подвига любви и будущаго блага племенъ (21, 362).

Да, хотя убѣжденія и стремленія нашего народа строго вѣроисповѣдныя, и въ народѣ нашемъ, кромѣ православія, нѣтъ никакой идеи (21, 497), но идея эта широка и гуманна; это есть, какъ выражается Достоевскій, — „идея Вселенской Церкви“, а ея идея—соединеніе всѣхъ людей во Христѣ (21, 498). Соединеніе пред-

полагается свободное, соединеніе любовью по духу Христову, а образъ Христа, пишетъ нашъ авторъ, сохранился только въ православіи, у прочихъ же народовъ онъ затемненъ (20, 212); мы еще обратимся къ весьма опредѣленнымъ выраженіямъ Достоевскаго о протестантахъ, сектантахъ и католикахъ. Въ русскомъ христіанствѣ, заявляетъ онъ, нѣтъ даже мистицизма, а только проповѣдь любви (20, 309).

Послѣднее замѣчаніе, скажемъ кстати, особенно цѣнно въ наше время. Во времена Достоевскаго врагомъ вѣры нашей былъ въ Европѣ и Россіи псевдорационализмъ, а съ легкой руки Вл. Соловьева наше общество и даже нашу философскую мысль одолѣлъ суевѣрный мистицизмъ и хлыстовщина съ ея дикими суевѣріями и гнусными оргіями. Все это сроднилось съ теософіей и необуддизмомъ и составило такую безобразную кашу, что, взирая на подобныя извращенія религіозной мысли и чувства, готовъ бываешь пожалѣть о временахъ матеріализма: вѣдь матеріалистомъ никто не можетъ пробыть дольше 35-и-лѣтняго, много 40-лѣтняго возраста, а съ теперешнимъ хлыстовскимъ суевѣріемъ люди остаются до старости. Эти увлеченія Достоевскій тоже предвидѣлъ и писалъ: потерявъ истинную вѣру, человѣчество обратится къ грубому суевѣрію (16, 439); а въ частности русскіе дойдутъ до ужасныхъ безобразій (19, 307), и пришло уже время, говорить онъ, въ другомъ мѣстѣ, когда обманщики смущаютъ людей, говоря: се здѣсь Христось. Заявляя о немистичности христіанства, Достоевскій говоритъ то же, что и современные церковные учителя Еп. Феофанъ (1894) и Игнатій Брянчаниновъ, горячо обличавшій своихъ знакомыхъ за ихъ приверженность къ сочиненіямъ мистиковъ — Фомы Кемпійскаго, Терезы и проч. „сумасшедшихъ“.

— Но это между прочимъ.

Не то вѣра народная: тамъ приняты къ сердцу обѣ главныя всеобъемлющія заповѣди Евангелія— смиренномудріе и сострадательная любовь, и эти заповѣди сдѣлали близкимъ русскому сердцу всѣхъ православныхъ, а затѣмъ и все человѣчество.

Сила этой убѣжденности великая, и она захватываетъ собою всякаго искренняго человѣка, сближающагося съ народомъ. — Я вновь принялъ Христа отъ народа, свидѣтельствуешь Достоевскій, потерявъ его въ европейской школѣ (24, 416). Итакъ, европейская высшая школа въ Россіи убила вѣру въ юношѣ, а каторжники изъ простаго народа оказались для него миссіонерами, ибо обращеніе его произошло на каторгѣ, какъ свидѣлствуютъ его „Записки изъ Мертваго Дома“. — Не года ссылки сломили насъ, пишетъ авторъ, а уравненіе съ народомъ и близость къ нему (19,309). — А пока онъ былъ невѣромъ, каторжники его чуждались и почитали преступниѣ всѣхъ уголовныхъ; также они взирали на невѣровавшаго Раскольниково, съ которымъ они чувствовали себя, какъ люди разныхъ націй (9,380). Такъ не любить русскій человѣкъ ренегатовъ своей вѣры, но онъ не враждебенъ иновѣрцамъ.

ГЛАВА IV.

РУССКІЙ НАРОДЪ И ПУШКИНЪ ПО ДОСТОЕВСКОМУ.

„Русская идея, повторяетъ свою мысль Достоевскій въ другомъ мѣстѣ,— служеніе всему:человѣчеству.“ Эту мысль онъ освѣщаетъ послѣсловіями, которыя можно найти у другихъ писателей, даже у Толстаго. Русскій со всѣми уживется, заявляетъ авторъ: онъ всечеловѣкъ (19,20). Русскій самый общительный и стадный народъ на всемъ земномъ шарѣ (19,20).

Мысль о томъ, что русскій народъ способенъ къ нравственному родству со всѣми народами міра, можетъ понять ихъ душу, можетъ какъ бы перевоплотиться въ нихъ, не измѣняя себѣ и своимъ началамъ жизни, Достоевскій повторяетъ неоднократно въ “Дневникъ Писателя” и въ романахъ, но широко и блистательно развиваетъ ее въ своей Пушкинской рѣчи 1880 года, когда онъ на грандіозномъ общественномъ праздникѣ открытія Пушкинскаго памятника въ Москвѣ сдѣлался героемъ дня, даже не дня, а всего праздника. Представители литературы единодушно признали эту рѣчь *событіемъ* и средствомъ примиренія западниковъ съ славянофилами. Слушатели плакали отъ восторга и бросались другъ другу въ объятія; два человѣка, бывшіе 20 лѣтъ врагами, тутъ же примирились, о чемъ и заявили публично

(21,476). Достоевскій не прожилъ и года послѣ этого торжества, но успѣлъ издать вновь свой „Дневникъ Писателя“ въ видѣ одного отдѣльнаго выпуска за 1880 годъ и перваго выпуска за 1881-ый; выпускъ этотъ былъ и послѣднимъ. 29 Января его редакторъ и авторъ скончался въ дни самаго сильнаго расцвѣта своего таланта, съ сердцемъ, исполненнымъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на Россію.

Чтобы яснѣе себѣ представить мессіанское призваніе русскаго народа по Достоевскому, чтобы уяснить себѣ переходъ его мыслей отъ характеристики жизни народной къ его разумѣнію русскаго общества, задачъ и призванія послѣдняго, необходимо остановиться на этомъ съ перваго взгляда частномъ пунктѣ его міровоззрѣнія (который поставленъ въ заголовкѣ этой главы: Русскій народъ и Пушкинъ).

Горько сѣтуя о непониманіи нашимъ обществомъ своего народа въ продолженіе 200 лѣтъ, Достоевскій представляетъ Пушкина блестящимъ исключеніемъ среди своихъ современниковъ: онъ понималъ народъ и вѣрилъ въ него и носилъ въ своемъ геніи ту способность, зачатки которой хранятся въ душахъ русскихъ простолюдиновъ: онъ былъ и патриотомъ Россіи, и гражданномъ вселенной въ томъ смыслѣ, что могъ понять и сочувствовать всему прекрасному, что есть въ душѣ каждаго народа и въ его поэтахъ. Въ этой рѣчи своей и въ менѣе цѣнномъ „отвѣтѣ профессору Градовскому“ на его критику, Достоевскій собралъ вмѣстѣ и развилъ все то, что онъ за предыдущіе 20 лѣтъ говорилъ и писалъ о Пушкинѣ.

Что-же онъ говорилъ объ отношеніи Пушкина къ русскому народу? Пушкинъ первый объявилъ, что русскій народъ не рабъ (21,404 „увижу-ль я народъ осво-

божденный“ и пр.). Онъ преклонялся предъ правдою народа (21,406 — Пимень лѣтописецъ, „иныя нужны мнѣ картины“ и т. п.)

Посему онъ предугадалъ всемірное предназначеніе русскаго народа (21,445); онъ изобразилъ тоску русскаго беспочвеннаго интеллигента, внутренно чуждаго своему народу. — Онѣгинъ, говоритъ Достоевскій, первый созналъ, что онъ чуждъ русскому народу и русской жизни (19, 86); это первый сознательный страдалецъ русской общественной жизни, оторванной отъ народа (19, 87). Не напрасно Пушкинъ является знаменемъ или точкой соединенія всѣхъ русскихъ людей, ищущихъ просвѣтлѣнія (19,79). Не понимать Пушкина—значить не быть русскимъ (21,403). И хотя самому народу еще непонятенъ Пушкинъ и классики наши: ему нужна священная исторія въ школѣ, а не въ повѣсти (20, 24); но придетъ время и народъ его пойметъ и пойдетъ сознательно по стезямъ Пушкина, какъ онъ понялъ народъ и пошелъ сознательно по его стезямъ.— Это разумѣніе народа Пушкинъ обнаружилъ въ выраженной имъ надеждѣ, что крѣпостное право будетъ отмѣнено не чрезъ бунтъ крѣпостныхъ людей, а а „маніемъ царя“, и Достоевскій справедливо заявляетъ, что крестьянская реформа была бы невозможна, если-бъ царь не вѣрилъ *отечески* народу (21, 502). Да, по Достоевскому, царь есть всеобъединяющая сила, которую народъ выростилъ въ своемъ сердцѣ. Онъ мыслился народомъ, какъ воплощеніе всего народа (21,499). Таковъ и Петръ въ Пушкинской Полтавѣ въ день самой битвы.

Въ чемъ же выражалась способность Пушкинскаго гения перевоплощаться во всѣ народы? Въ томъ, какъ подробно описываетъ Достоевскій, что иностранцы разныхъ эпохъ, выведенныхъ въ его стихотвореніяхъ, являются дѣйствительными типами тѣхъ народовъ и эпохъ,

тогда какъ у Шекспира мавры и итальянцы являются переодѣтыми англичанами, у Шиллера испанцы—переодѣтыми нѣмцами и т. д. — Способность слиться въ мысли съ духомъ и характеромъ чужихъ націй и прежнихъ эпохъ есть исключительная способность русскаго генія, генія Пушкина (21,236) и, пожалуй, Жуковскаго — то же глубокаго русскаго патріота (19,75). Но эта способность перевоплощенія есть способность общерусская, народная (21,443); быть русскимъ значитъ стремиться внести примиреніе среди всѣхъ народовъ (21,446). Пушкинъ-же не только русскій человѣкъ: онъ всечеловѣкъ; такова же и Россія. (19,38) Русскіе имѣютъ всечеловѣчность (19,77). Въ частности, Пушкинъ вмѣстилъ въ свое сердце и русское отношеніе къ Восточному вопросу. Его „Пѣсни западныхъ славянъ“ являются пророчествомъ: здѣсь поэтъ всецѣло проникается великою идеею освобожденія славянъ отъ магометанскаго ига и, слѣдовательно, раздѣляетъ народную точку зрѣнія на историческое призваніе нашей Родины (21,49). Вообще, заключаетъ Достоевскій, Пушкинъ понялъ назначеніе русскаго народа въ такой глубинѣ, какъ никто другой; онъ понялъ, что народъ нашъ не рабъ (21,403—404), а носитель великой идеи“.

ГЛАВА V.

НАРОДЪ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

Пушкинъ и его идеалы есть тотъ мостъ, черезъ который наше денационализировавшееся общество можетъ воссоединиться съ народомъ. Мы упомянули уже о томъ, что разъединеніе это имѣетъ причиной разность душевныхъ расположеній: народъ православенъ и смиренъ сердцемъ, общество не любитъ своей церкви и гордо воспитано на рыцарскихъ романахъ.

Позвольте, наконецъ, вскрикнуть современный читатель: я понимаю, что идеализировать народъ могъ Достоевскій сорокъ лѣтъ тому назадъ, но идеализировать злодѣевъ, убійцъ, богохульниковъ, грабителей—вѣдь это дико, нелѣпо. Кажется, событія послѣднихъ двухъ лѣтъ должны навсегда похоронить славянофильскія фантазіи о Россіи и русскомъ мужикѣ. Но дѣло въ томъ, что и Достоевскій, какъ мы уже видѣли, не закрывалъ глазъ на возможность у насъ революціи и антропофагіи; мало того, онъ замѣчалъ, что „религія въ народѣ начинаетъ уже колебаться“ (13,40), что желѣзныя дороги оказываютъ развращающее вліяніе на народъ (20,33), отвлекая его отъ земли и отъ семьи на легкіе заработки; онъ предупреждалъ отъ книжной идеализаціи народа, отъ любви не къ дѣйствительному народу, а къ созданному въ нашей фантазіи, въ чемъ небезгрѣшны даже

славянофилы (20, 50); онъ прекрасно понималъ, что рас-
плѣніе нигилизма возможно впустить не только въ Смер-
дякова при помощи нѣмецкихъ милліоновъ, но и въ
значительные слои народной молодежи, и, однако, отъ
своихъ надеждъ онъ не отказался. Сверхъ того, не долж-
но смѣшивать народа съ толпой каторжниковъ, китай-
цевъ и латышей, завоевавшихъ Россію. Народъ тяго-
тится ими и всѣмъ, что произошло, не менѣе, чѣмъ ин-
теллигенція; онъ то тамъ, то здѣсь поднимаетъ возста-
нія, но что можетъ сдѣлать безоружная деревня противъ
вооруженной арміи? Желанія народа остались прежнія
и молитва его та-же, что и раньше; только пока ему
приходится помалкивать. Не самъ одинокій простой на-
родъ, но соединившись съ обществомъ просвѣщеннымъ,
осуществить онъ свое назначеніе и искупить свое вре-
менное паденіе; такова идея Достоевскаго, таковъ его
призывъ къ обществу—объединиться съ народомъ. Онъ
вѣрилъ въ возможность подобнаго объединенія, хотя и
не стѣснялся рѣзко обличать общество за отъединеніе;
впрочемъ, обличалъ съ любовью и надеждой, а надежду
основывалъ на томъ, что „идеалы всегда восторжеству-
ютъ надъ практической политикой (20, 235). Не ошибал-
ся ли онъ? Это покажетъ будущее; но во всякомъ слу-
чаѣ не ошибался въ такой степени, какъ его антаго-
нисты, напр. Струве и его лѣвые думцы. Послѣдніе,
когда думскимъ представителямъ заявляли, что они вовсе
не выразители народа и народныхъ желаній, о чемъ осо-
бенно горячо писалъ Л. Толстой 1905 г. въ статьѣ :
„о современномъ общественномъ движеніи“, уподобляя
всѣхъ земцевъ и депутатовъ самозванцамъ, отвѣчали :
„скоро народъ будетъ съ нами, скоро мы пойдемъ
рука объ руку“. Вторая революція была заготовлена
въ 1914 г., но ее пришлось отложить по причинѣ

войны, дабы уже потомъ двинуть ее, воспользовавшись военными неудачами и утомленіемъ, какъ это было устроено въ 1905 году; въ обоихъ случаяхъ выбирался моментъ общаго недовольства накануне благоприятнаго оборота войны, дабы предупредить послѣдній, уже совершенно подготовленный. Итакъ въ 1914 г. въ оппозиціонной „Русской Мысли“ ея редакторъ писалъ, что теперь народу уже открыты глаза; средостѣнію между интеллигенціей и народомъ пришелъ конецъ; разъединенія больше нѣтъ; въ „этотъ періодъ 1905 — 1914 годовъ народъ химически слился съ интеллигенціей.“ Послѣдняя фраза повторялась въ статьяхъ неоднократно и печаталась курсивомъ; характерны были хронологическія указанія, обозначающія закругленный девятилѣтній періодъ отъ первой революціи до второй, предназначенной къ лѣту 1914 г.; но еще раньше наши трибуны, газетные и митинговые, приняли обычай разумѣть подъ интеллигенціей только ея революціонное меньшинство, безошибочно положившись на дѣтскую довѣрчивость читателей, которые сразу такъ и повѣрятъ, что интеллигенція“ и „революціонеры“ два понятія, совпадающія по своему личному составу, и не дадутъ себѣ труда сообразить, что среди ихъ знакомыхъ близкихъ и дальнихъ едва ли десятая или двадцатая часть суть революціонеры. Въ подобныхъ случаяхъ указанная Достоевскимъ стадность русскихъ людей достойна уже не похвалы, а слезъ и смѣха. Впрочемъ къ дѣлу.

Итакъ, 1917 г. и слѣдующіе показали думцамъ и г. Струве, какъ нашъ народъ „химически слился съ интеллигенціей“, которой онъ началъ безцеремонно выпускать кишки. Процессъ, впрочемъ, если хотите, пожалуй химическій, даже фізіологическій, и ему подвергались по преимуществу тѣ, которые ждали химическаго сое-

диненія съ народомъ въ ниспроверженіи трона и храмовъ, т. е. кадеты и студенты; журналы и газеты, предсказывавшіе химическое соединеніе, тоже были упразднены, а интеллигентская оппозиція объявлена буржуями наравнѣ съ графами, камергерами, министрами и банкирами; но послѣдніе, впрочемъ, съумѣли откупиться, и живутъ себѣ.

Мнѣ приходилось неоднократно наблюдать и ту степень теперешняго ожесточенія противъ революціи, которое залегло въ сердца нашихъ недалководныхъ либераловъ; особенно откровенны въ этомъ отношеніи люди молодые, напр. студенты. Большинство ихъ, т. е. именно бывшихъ либераловъ, а не славянофиловъ, ужь вовсе не желаютъ не только химическаго слиянія, но даже и механическаго сближенія и болѣе склонны повторять надменный стихъ латинскаго поэта:

„Odi profanum vulgus et arceo“.

А слияніе то все таки нужно: это и Ленинъ уже сознаетъ, судя по его публичнымъ деклараціямъ; вѣдь съ насильно пойманными генералами, посаженными во главу арміи, далеко не уйдешь. — Такъ вернемся же поскорѣ къ нашему учителю Достоевскому и спросимъ: какъ въ самомъ дѣлѣ помочь бѣдѣ разъединенія общества и народа, чтобы дожидаться не полицейскаго, а дѣйствительнаго, не химическаго (съ выпусканіемъ кишекъ), а душевнаго, психологическаго. а слѣдовательно и бытоваго слиянія?

Достоевскій, какъ видитъ читатель, не только горячо любилъ народъ, но и благоговѣлъ предъ нимъ. — Но онъ также горячо, мучительнаго горячо любилъ интеллигенцію, не только въ ея благоразумной части, но и въ оппозиціонной; мы уже привели одно его изреченіе,

оправдывающее внутрення побужденія нашихъ юношей, замышлявшихъ перевороты. Приведемъ и другіе его афоризмы о томъ же предметѣ.

Вотъ что проповѣдуетъ нашъ писатель въ области самого дорогого для него вопроса — религіознаго. Не надо ненавидѣть атеистовъ, ибо среди нихъ есть и добрые. (16, 279). Бунтующіе противъ Христа часто бываютъ въ душѣ Христовы, ибо высшаго начала люди не имѣютъ (16, 291).

Раздѣленіе интеллигенціи съ народомъ Достоевскій вовсе не представляетъ, какъ дѣло сознательной, злой воли со стороны первой. — У всѣхъ болитъ сердце, говоритъ онъ, о раздѣленіи общества и народа (20, 299), и только у нѣкоторыхъ петербургскихъ франтовъ наблюдается остервенѣлое отвращеніе къ народу (20, 128); а презрѣніе либераловъ къ народу, по его мнѣнію, не болѣе какъ остатокъ крѣпостного права: такимъ типамъ никогда не сойтись съ народомъ (21, 497). Въ частности, Достоевскому очень надоѣли прописные либералы 60-хъ годовъ съ ихъ шаблонами по всѣмъ вопросамъ. Либералы 60-хъ годовъ устарѣли, пишетъ Достоевскій, но еще продолжаютъ считать себя передовыми (20, 301). Кстати, скажемъ отъ себя, что это писалось въ 1876 году, а тѣ старички и донынѣ ничему не научились и не подновили себя. Мечниковъ, Сѣченовъ, Ковалевскій, Боборыкинъ, Михайловскій и имъ подобные на много пережили Достоевскаго, а до смерти только и знали, что повторяютъ Писаревскіе: азъ, буки, вѣди.

Достоевскій не щадитъ въ своихъ обличеніяхъ и той части общества, которая сознательно не любитъ народа своего, и той части, которая, хотя и безсознательно повторяетъ ихъ глупыя фразы, но занимаетъ уже такое положеніе въ обществѣ, когда безсознательность непро-

стительна; въ этомъ смыслѣ Достоевскій отзывается такъ: наши профессора тѣ же русскіе мальчики (16, 402), т. е., они, ничего не понимая въ жизни, повторяютъ шаблонныя фразы. Самый либерализмъ подобныхъ болтуновъ внѣшній, напускной, а какъ дошло до дѣла, то наше земство и самоуправленіе (тоже оторванное отъ народной жизни) обратились всецѣло и произвольно въ прежнее чиновничество (21, 509). — Современные русскіе интеллигенты — фельдфебели цивилизаціи и презираютъ народъ (4, 429), будучи глупо увѣрены въ непогрѣшимости формъ европейской жизни (4, 432), причѣмъ еще хвалятся вмѣсто того, чтобы стыдиться, когда говорятъ: я не понимаю Россіи, я не понимаю религіи (19, 155).

Да и не мудрено, что этимъ хвастаются: отсутствіе практическаго знанія Россіи въ столичныхъ кругахъ считалось добродѣтелью для высокаго чиновника (11, 4), а если прибавить къ этому, что Петербургъ вообще коверкаетъ характеръ, и что „Россіей управляютъ петербургскіе характеры“ (9, 270), то понятно, что въ нашемъ чиновничествѣ и обществѣ и либералы, и консерваторы бываютъ „ненаціональны“ (11, 17); эти либералы-космополиты — продуктъ крѣпостнаго права (19, 159). Они были бы несчастны, если бы Россія была счастлива: они ее ненавидятъ (12, 187); да, русскій либераль ненавидитъ самую Россію и злорадствуетъ ея бѣдамъ (11, 20); иное дѣло либераль въ другихъ государствахъ: тамъ нѣтъ такой ненависти къ отечеству. Русская сатира, сказалъ одинъ французъ, боится хорошаго поступка, отраднаго явленія въ Россіи (21, 25 — таковъ, прежде всего, Щедринъ). Высшая дворянская школа, даже военная (вѣроятно, разумѣются три привилегированныя учебныя заведенія въ столицѣ), пишетъ авторъ, воспитывала юношество не на русскихъ, а на западныхъ идеяхъ

средневѣковыхъ рыцарей (12, 396). Мудрено-ли, что наша родовая интеллигенція чужда народной религіи и народному духу? — Но и „интсллигентные разночинцы“ не утѣшали Достоевскаго: они „образованы, но карьеристы и презирають родителей“ (20, 341). Таковы въ частности ренегаты церковной школы — семинаристы, покинувшіе свое призваніе: они особенно ненавидятъ Бога и религію (18, 132; 13, 71)—вложили порнографію въ продававшіяся евангелія. Самолюбіе у нихъ бѣшеное (18, 134); они поэтому никогда не понимаютъ шутокъ и вѣчно обижаются (18, 129), но мастера на карьеру (18, 130); Ракитинъ непременно наживетъ себѣ въ столицѣ домъ и редакцію; въ революціонныхъ идеяхъ пропаганды они ограничены (12, 39), но отличаются безпримѣрнымъ безстыдствомъ и нахальствомъ (13, 181). Вообще, нигилистами бывають либо только дворяне, либо семинаристы, но и тѣ, и другіе ненаціональны (11, 17).

Достоевскій неоднократно оплакиваетъ современное общественное безразличіе къ нравственнымъ запросамъ, современный индиферентизмъ (20, 40). Могутъ ли люди такого сорта цѣнить Россію, когда ея цѣнность есть по преимуществу цѣнность религіозная? Мудрено-ли поэтому, когда одинъ либеральный герой повѣстей нашего автора составилъ рефератъ о томъ, что русскій народъ призванъ быть только матеріаломъ для благоустройства какого либо другого народа (нѣмцевъ или евреевъ; 14, 72). Русскимъ стало такъ тѣсно въ либеральномъ обществѣ шестидесятыхъ годовъ, что раскаявшійся революціонеръ Шатовъ выражается о себѣ такъ: „за невозможностью быть русскимъ, я сталъ славянофиломъ“ (13, 319).

Злоба противъ Россіи и всего русскаго достигла такихъ предѣловъ къ 70-мъ годамъ, что когда одинъ полупомѣшанный профессоръ выступилъ на литератур-

номъ вечерѣ съ самымъ грубо-ругательнымъ памфлетомъ на Россію, то зала „завыла отъ восторга“: „могло ли быть для общества что либо пріятнѣе: безчестилось, обливалось помоями его отечество?“ восклицаетъ авторъ. Оратору сдѣлали шумную овацію и вынесли его на рукахъ (13, 203).

Какъ же вообще Достоевскій отзывается о такомъ обществѣ? весьма безотрадно; онъ говоритъ: „современный интеллигентъ—умственный пролетарій, беспочвенный межеумокъ“ (20, 257).

ГЛАВА VI.

ДОБРЫЯ НАДЕЖДЫ ДОСТОЕВСКАГО.

Гдѣ же авторъ находитъ болѣе отрадное явленіе въ нашемъ обществѣ? Во-первыхъ, среди славянофиловъ, во-вторыхъ, въ юношествахъ и, въ третьихъ, въ нѣкоторыхъ свойствахъ даже самого русскаго ренегатства.

Славянофилы, пишетъ онъ, во сто разъ образованнѣе западниковъ (20, 205). „Я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ,“ пишетъ Достоевскій. Подъ славянофильствомъ онъ разумѣетъ не шовинизмъ, какъ клеветуютъ на это направленіе противники, а соединеніе патриотизма съ космополитизмомъ. „Наша партія, заявляетъ онъ, или русская партія признаетъ всеевропейское призваніе русскаго народа“ (21, 428). Онъ превозноситъ симпатичнѣйшаго изъ славянофиловъ К. С. Аксакова (20, 48). При всемъ томъ знаменитая рѣчь, принесшая Достоевскому столько славы лѣтомъ 1880 года, съ выходомъ осеннихъ номеровъ толстыхъ западныхъ журналовъ была покрыта злобнымъ лаемъ журнальныхъ шавокъ, и авторъ сердечно скорбѣлъ объ этихъ людяхъ. „Теперь мажутъ меня грязью за Пушкинскую рѣчь, писалъ онъ незадолго до своей кончины, даже тѣ, которые тогда обнимали меня“ (21, 518). — Таковы и тогда были литературные нравы. Не даромъ авторъ высказывается подчасъ довольно пессимистично о нашемъ обществѣ вооб-

ще: „если-бъ всѣ стали откровенны, то отъ великаго нравственнаго смрада жить нельзя стало бы“ (7, 366).

Видя въ славянофилахъ зарю будущаго свѣтлаго русскаго дня, Достоевскій, однако, почитаетъ необходимымъ, чтобы они еще изучали Россію, чтобы быть ей дѣйствительно, а не въ фантазіи близкими; то же онъ рекомендуетъ столь близкому ему юношеству, но не лишаетъ себя надежды и на то, что къ нимъ примкнетъ значительная часть всего общества, въ виду нѣкоторыхъ особыхъ свойствъ его ренегатства, какъ мы упомянули выше, а также и по той причинѣ, что въ русскомъ европеизированномъ дворянствѣ много того благороднаго космополитизма, коего выразителемъ былъ патриотъ Пушкинъ, т. е. широты сердца (15, 292-292).

Приведемъ изреченія Достоевскаго о молодежи и о чаяніяхъ нашего писателя отъ нея. Быть можетъ, послѣднія осуществились бы въ большей степени, если бы у насъ не стали такъ вандадьски коверкать среднюю школу, на которую вообще, какъ и на подъемъ образованія при Д. Толстомъ, Достоевскій возлагалъ большія надежды. „Въ учебной реформѣ настоящаго царствованія вся будущность Россіи“, писалъ онъ (19, 311). „Образованность у насъ занимаетъ первое мѣсто теперь; въ ней вся слава будущей Россіи, а раньше даже въ военной школѣ прекрасныя дѣти портились до неузнаваемости“ (5, 80). Впрочемъ, и теперь „руководителей нѣтъ у нашей молодежи“ (21, 51). „Я не помню ни одного истиннаго педагога за всю свою жизнь“, жалуется авторъ (21, 43). Достоевскій одобрялъ классическую систему, но требовалъ усиленія въ школѣ національнаго образованія и, въ частности, расширенія курса родной словесности (20, 255), а то „юноши ничего не получали въ школѣ, кромѣ сатиры.“ (20, 404 — критика на все

въ курсѣ исторіи и словесности). — Классическую систему у насъ упразднили, угождая необразованной улицѣ, а національнаго элемента не ввели; образованіе пало очень низко, а потому мудрено-ли, что вышеприведенныя чаянія писателя осуществились въ очень малой степени.

Свѣтлымъ надеждамъ Достоевскаго на современное ему русское юношество, конечно, много содѣйствовало и то, что, будучи его любимцемъ, онъ постоянно получалъ отъ разныхъ студентовъ и курсистокъ письма съ исповѣдью души и требованіемъ совѣтовъ и разъясненій. Нерѣдко къ нему и лично являлись совершенно незнакомые ему молодые люди обоого пола съ такими же запросами. — Вотъ что онъ пишетъ о молодежи.

Я болѣе всѣхъ на молодость надѣюсь, ибо она исполнена исканіемъ правды (21, 504). Люди новаго поколѣнія искренно ищутъ истины, хотя еще не установились (21, 61). Таковъ и Толстовскій Левинъ. Тутъ цѣнно въ немъ сознаніе своей виновности (21, 62). Правда, философія исканія юнцовъ подчасъ и смѣшна по поспѣшности заключеній, но все же указываетъ на ихъ идеалистическое направленіе. — Наши желторотые только и дѣлаютъ, что вѣковѣчные вопросы рѣшаютъ, пишетъ онъ. (16, 93). Но все же онъ надѣется на это поколѣніе. — Юное поколѣніе, — пишетъ онъ, — лучше пойметъ душу и нужды нашего народа и сойдется съ нимъ (21, 151). Мы сказали, что эти оживленія Достоевскаго осуществились мало, но все же то поколѣніе дало обществу цѣлый рядъ высоко-полезныхъ дѣятелей, почитателей великаго писателя, и въ мірѣ литературы, и въ средѣ педагоговъ (учителей словесности особо), и ученыхъ, и даже священниковъ; послѣднее мало извѣстно обществу, но здѣсь почитателей Достоевскаго было очень

много, и болѣе послѣдовательныхъ и постоянныхъ, нежели въ свѣтской средѣ.

Достоевскій не совсѣмъ безнадежно смотрѣлъ и на оппозиціонную часть общества, особенно на молодую, не изолгавшуюся. Какіе же отрадные признаки возможнаго обращенія и объединенія онъ тамъ усматривалъ? Во-первыхъ, безкорыстную по большей части идейность, а не партійную карьеру, какъ это было тогда за границей, а въ 20-мъ вѣкѣ стало и у насъ, въ Россіи. Либерализмъ идейный, не практическій, въ Россіи только бываетъ, — заявлялъ онъ (12, 42), а теоретическую ошибку, по его мнѣнію, гораздо легче исправить, чѣмъ злую волю. Далѣе, онъ утверждалъ, что русскіе атеисты просто „увѣровали въ атеизмъ“, а потому и фанатичны (11, 345), т.-е. увѣровали безъ доказательствъ, а отдавшись довѣрчиво подъ чье-либо вліяніе. — Вспомнимъ притчу Щедрина: „Мальчикъ въ штанахъ“ и т. д.: „Вы, нѣмцы, за грошъ чорту душу продали. — А вы, русскіе, даромъ отдали. — Ну, коли даромъ отдали, такъ и назадъ взять можемъ“.

„Только русскій широкой характеръ, говорилъ Достоевскій, можетъ вмѣщать въ себѣ столько противорѣчій“ (5, 403). Отступничество общества отъ народа, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, произошло по недоразумѣнію: ошибки ума поправимѣе, нежели ошибки сердца (21, 3). „Общество желаетъ послужить родинѣ, да не знаетъ какъ (20, 46). — Конечно, эти сочувственныя слова автора относятся не къ тѣмъ слоямъ общества, которыя ненавидятъ народъ со злобою, ненавидятъ за его православіе: о тѣхъ приговоръ Достоевскаго намъ уже извѣстенъ. Здѣсь онъ имѣетъ въ виду людей, набившихъ голову чуждыми Россіи теоріями и быстро сбрасывающими свой кошмаръ по дѣйствительномъ ознакомленіи съ жизнью

Россіи и Европы, да и съ жизнью вообще, какъ это случилось и съ Шатовымъ въ его молодости, и со Ст. Тр. Верховенскимъ въ его старости, наконецъ, съ Раскольниковымъ на каторгѣ (9, 388), и съ другими героями нашего автора, и съ героями Тургеневскаго „Дыма“ и иныхъ повѣстей этого писателя и многихъ другихъ писателей, напр. Гончарова въ его „Обрывѣ“, Писемскаго и пр. Можно сказать, что типъ духовно-возраждающагося и возвращающагося къ народу и къ религіи героя есть типъ центральный въ русской литературѣ 19-го вѣка, т. е. самаго блестящаго періода.

Что касается Достоевскаго, то онъ одно только и описывалъ въ своихъ повѣстяхъ: покаяніе и возрожденіе души русскаго человѣка и ея обращеніе къ народу и стремленіе слиться съ нимъ. — При всемъ томъ нашъ писатель не скрываетъ, съ какими внутренними трудностями это соединено и какъ радикально долженъ для сего измѣниться русскій отщепенецъ. Первый его шагъ авторъ опредѣляетъ такъ: „стать русскимъ значить перестать презирать нашъ народъ“. (21, 24). Пропастъ между обществомъ и народомъ глубока и широка: даже доброжелатели народные не умѣютъ къ нему подступить. Глубокая пропасть, такъ выражается нашъ писатель, лежитъ между народомъ и обществомъ, которое даже не знаетъ, какъ, съ какою книжкою подойти къ нему (19, 81) Да, общество такъ отдалилось отъ народа, что никто даже не съумѣетъ составить книжки для народнаго чтенія (19, 137).

Итакъ, второй шагъ интеллигента къ народу, это добросовѣстное и сочувственное изученіе Россіи и русскихъ. Какъ видите, это не легко. Знаніе Россіи у насъ увеличилось, говоритъ авторъ, но чутье понизилось (20, 207, — т. е. пониманіе души русскаго человѣка и его

религии); впрочемъ, и теперъ Европа намъ вдвое, даже въдесятеро извѣстнѣе, чѣмъ Россія“. (4,403).

Познавъ свой народъ, образованный отщепенецъ долженъ „смириться“ (знаменитый возгласъ Достоевскаго въ его Пушкинской рѣчи: смиришь гордый челоуѣкъ и прежде всего поработай на родной нивѣ!); онъ долженъ, какъ блудный сынъ, вернуться къ народу и его вѣрѣ (20, 51). Тутъ важна рѣшимость: идти на подвигъ, а форму подвига подскажетъ тебѣ твое сердце (21,66); дѣло не во внѣшнемъ опрощеніи, а въ служеніи народу, чѣмъ мы можемъ (на любомъ поприщѣ — 21, 67); только никогда не говори, не оправдывай своего нерадѣнія, будто правительство мѣшаетъ тебѣ служить народу (21, 67); — поприще такъ широко, что и при стѣснительныхъ порядкахъ только поспѣвай работать. — Особенно деревня нуждается въ обезпеченіи правъ обывателя: Достоевскій стоялъ за уравненіе правъ для всѣхъ сословій (20, 35) и распространеніе грамотности и школьнаго образованія. Онъ стоялъ за широкое просвѣщеніе народа (20, 35). — „Да, есть что дѣлать на Руси образованному челоуѣку“, говоритъ въ этомъ смыслѣ любимый герой нашего автора, кн. Мышкинъ, возвратившійся въ Россію послѣ долговременной побывки за границую (10, 335). — Упомянувъ объ образованіи, мы обязаны отмѣтить и то мнѣніе Достоевскаго, что и женщинамъ должно быть предоставлено высшее образованіе (20, 191), ибо ихъ стремленіе къ таковому весьма интересно и благородно (19, 402).

Вообще Достоевскій — почитатель русской женщины: она менѣ лжива и болѣе трудолюбива, чѣмъ мужчины (19, 298); женщина въ Россіи настроена высоко, она жаждетъ серьезныхъ бесѣдъ и разъясненія жизненныхъ вопросовъ (19, 414), и ей принадлежитъ спасеніе общества

(20, 185) и не только въ семейной жизни, но и въ широкихъ кругахъ (20 190); ей прежде всего принадлежитъ самое обновленіе русской жизни (21, 301).

Но главное условіе нашего писателя для воссоединенія общества съ народомъ и его вѣрой основывается на неутерянной со стороны интеллигенціи способности дружно проникнуться идеей безкорыстнаго подвига и въ великіе моменты исторіи вдругъ слиться съ народомъ. Въ Европѣ путь нравственнаго объединенія людей потерянь, пишетъ Достоевскій (20, 90, — потому что тамъ всѣ пути жизни не выходятъ за предѣлы эгоизма лицъ и сословій), а мы его не потеряли, ибо вотъ мы и теперь, говоритъ онъ, идемъ на войну съ турками, какъ на священную жертву (20, 278). Значить, можетъ русскій интеллигентъ и смириться передъ народомъ и его вѣрой, и возвратиться къ тому и другому, какъ блудный сынъ. Представивъ себѣ такую картину, нашъ писатель восклицаетъ: о, какая бы сила была у насъ, если-бъ интеллигенція духовно объединилась съ народомъ! (21, 499). Въ настоящій моментъ исторіи мы видимъ сугубое раздвоеніе, но возможно, что конецъ его уже близокъ и даже очень близокъ.

ГЛАВА VII.

ПРИМѢРЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЕДИНЕНІЯ СЪ НАРОДОМЪ.

Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы обнадеживать читателя радостными ожиданіями, не лучше ли привести дѣйствительные примѣры изъ твореній Достоевскаго, примѣры душевнаго и бытового сліянія представителей общества съ жизнью народа. — За такими примѣрами дѣло не станетъ. Правда, не такъ ихъ много, но они разсѣяны по всѣмъ повѣстямъ нашего писателя и замѣчательно то, что объединенія съ народомъ герои Достоевскаго достигаютъ сразу же послѣ внутренняго перелома отъ роптанія и невѣрія къ вѣрѣ, и отъ европейской гордости къ христіанскому смиренію. Даже изъ этихъ двухъ условій—благочестія и смиреномудрія, — достаточно одного, чтобы сблизиться съ народомъ. Бабушка въ „Игрокѣ“ была типичная помѣщица-крѣпостническаго типа, но она была глубоко вѣрующей и безхитростнаго, прямого характера, и вотъ она своимъ прислугамъ — какъ своя, какъ родная, а ея лакеи и служанки для нея также родные люди, которыхъ она вводитъ въ свою личную жизнь, въ свои интересы, едва-ли не съ большею интимностью, чѣмъ своихъ родственниковъ, чуждыхъ ей по нравственному настроенію.

Степанъ Трофимовичъ въ „Бѣсахъ“, убѣжденный западникъ и безрелигіозный презиратель Россіи, еще раньше,

чемъ увѣровалъ въ Бога, чего онъ удостоился только въ смертный часъ, раскаялся въ своемъ сочувствіи революціонерамъ послѣ кровавыхъ картинъ ихъ жестокостей и рѣшилъ бѣжать отъ этихъ „омывающихъ руки въ крови“ освободителей, бѣжать къ народу, котораго онъ прежде дичился, въ домашніе учителя къ какому нибудь купцу.

Онъ еще не вполне христіанинъ, но душа его отеклась отъ тѣхъ гордецовъ и смирилась. Что-же? Одинъ его смиренный, безпомощный видъ сразу же располагаетъ къ нему весь народъ по большой дорогѣ и на деревенскомъ постояломъ дворѣ. Самые разнообразные простые люди его окружаютъ, заботятся о немъ и, услаждая послѣдніе дни его земной жизни, научаютъ его вѣровать и умереть христіаниномъ.

Смиренный сердцемъ полковникъ въ „Селѣ Степанчиковѣ“ до того любимъ своими крестьянами, что они слышать не хотятъ о передачѣ ихъ Фэмѣ Фомичу (самообольщенному гордецу) и умоляютъ всѣмъ селомъ, какъ о величайшемъ благодѣяніи, чтобы любимый баринъ оставилъ ихъ при себѣ крѣпостными. И не только благочестивые патріархальные крестьяне, но и самая порочная часть народа, сибирскіе каторжники, встрѣтившіе съ крайнимъ нерасположеніемъ радѣтеля равенства, но еще атеиста Раскольникова (они готовы его убить за невѣріе — 9,380), всѣмъ сердцемъ привязались къ его благочестивой и смиреннѣйшей невѣстѣ, бывшей подневольной проституткѣ, добровольно послѣдовавшей за несчастнымъ юношей въ страшную тогда Сибирь. Отзываясь участливо на всѣ ихъ просьбы, она входила въ ихъ нужды, писала имъ письма и прошенія, и они встрѣчали ее, какъ ангела, хотя никакой внѣшней обаятельности она не имѣла и сама не искала такого сближенія. Обращеніе самого Раскольникова къ любви, къ зачаткамъ

вѣры къ народу начинается тоже съ чтенія Евангелія его невѣстой.

Благочестивый и чистый сердцемъ, чуждый всякаго самолюбія, послушникъ Алеша Карамазовъ, по описанію автора, удалившись отъ міра въ обитель, оказался другомъ всѣхъ и уже не простыхъ только людей, но и интеллигентныхъ. Его вездѣ любили, куда бы онъ ни появлялся (16, 31); даже его отецъ, пропитанный развратомъ и цинизмомъ, не можетъ подавить въ себѣ нѣжнаго чувства къ этому юношѣ, будучи совершенно холоденъ къ двумъ старшимъ сыновьямъ, — онъ проситъ его молиться за отца, хотя самъ былъ только кощунникомъ (16, 40); любили его и товарищи по школѣ, и избалованные, плохо воспитанные городскіе мальчишки; никогда не заботясь о себѣ, онъ всегда оказывался пристроеннымъ, даже у чужихъ людей, которые не только не тяготились имъ, но всегда радовались его пребыванію у нихъ (16, 35). Это былъ юноша, желающій дѣятельнаго подвига съ самопожертвованіемъ (16, 43). — Правда, авторъ не приводитъ картинъ близкаго его общенія съ простымъ народомъ, но выражается такъ: иногда подобный „чудакъ“ носить въ себѣ сердцевину цѣннаго общественнаго объединенія (16, 4). И дѣйствительно, къ кому онъ ни придетъ, всѣ волнуются, всѣ исповѣдываются ему, всѣ требуютъ указаній и вразумленія себѣ — и оба брата его, и три гордая дѣвицы разныхъ круговъ, пожилая барышня, и даже озлобленный, завистливый нигилистъ Ракитинъ, колеблющійся между ненавистью и дружбой къ этому юношѣ, который являлся для него живымъ обличеніемъ, но все таки привлекательнымъ.

Однимъ словомъ, авторъ усваиваетъ своему любимому герою задачу гораздо труднѣйшую, чѣмъ объединеніе съ народомъ, которое писатель не раскрываетъ

уже въ подробности, справедливо убѣжденный въ томъ, что этотъ „ранній народолюбецъ“ Алеша Карамазовъ совершенно слился съ народомъ, сдѣлавшись послушникомъ и простымъ келейникомъ у великаго старца, обожаемаго народомъ, о. Зосимы. Зато въ біографіи послѣдняго онъ дорисовываетъ картину сліянія съ народомъ всякаго интеллигентнаго отшепенца, когда онъ утвердится на почву религіозной. Бывши въ молодости легкомысленнымъ офицеромъ и одумавшись въ день дуэли, этотъ впослѣдствіи схимникъ немедля вышелъ въ отставку и, готовясь къ монашеству, пошелъ предварительно странствовать, по русскому обычаю. Въ одномъ мѣстѣ онъ встрѣчаетъ своего деньщика Афанасія, котораго передъ днемъ дуэли наградилъ пощечиной; запуганный деньщикъ и тогда не обидѣлся на оскорбленіе, считая барина и офицера существомъ иного порядка, чѣмъ тѣ, которые обязаны къ справедливости; но когда онъ встрѣчаетъ его смиреннымъ странникомъ, то принимаетъ, какъ своего собрата, какъ родного и, угостивъ его, какъ равнаго, не стѣсняется предложить ему отъ своей бѣдности полтинникъ на дорогу.

Въ этомъ эпизодѣ, какъ и въ заключительной главѣ „Бѣсовъ“, авторъ представляетъ общество и народъ, какъ двѣ націи, какъ два лагеря, хотя и не враждебныхъ другъ другу, но настолько чуждыхъ, что люди, только покинувъ одинъ, немедленно, какъ-то само собою оказываются въ другомъ, и только посвятившіе себя Богу и церкви могутъ безъ труда пребывать одинаково близкими тому и другому, какъ Алеша и старецъ Зосима. — Послѣдняя мысль автора не означаетъ того, что только иноки могутъ быть одновременно близки и обществу, и народу, но она поясняетъ мысли старца Зосимы о будущемъ призваніи русскихъ монастырей и

монашества, которое, впрочемъ, въ извѣстной степени осуществлялось всегда, отъ времянь древнихъ и до настоящаго; но отъ него ожидается авторомъ нѣчто гораздо большее.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду предсмертныя наставленія старца Зосимы въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, представляющія исповѣдь всей его жизни и торжественный гимнъ Христу, какимъ Онъ пребываетъ на небесахъ, и въ сердцѣ русскаго народа. Старецъ говоритъ, и совершенно справедливо, что русскій монастырь всегда былъ съ народомъ (17,58); въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ онъ сущность монашескаго подвига (мы ихъ повторять здѣсь не будемъ) и, наконецъ, выражаетъ надежду, что отъ инока придетъ спасеніе всей Руси. Живое подтвержденіе всѣмъ этимъ убѣжденіямъ и упованіямъ приводитъ нашъ писатель раньше въ главѣ: „Вѣрующія бабы“, гдѣ рассказываетъ съ какимъ обожаніемъ, съ какимъ восторженнымъ, исполненнымъ непоколебимаго довѣрія чувствомъ взираетъ нашъ народъ на монастырскихъ старцевъ, съ какимъ примиреніемъ возвращается онъ отъ нихъ и какой духовной мудростью отъ нихъ обогащается. — И не только благочестивые богомольцы, странствующие по обителямъ, но и почти оторванный отъ народа и нравственно извращенный барскій лакей Смердяковъ еще хранить въ своей душѣ общенародное убѣжденіе въ томъ, что праведная, истинная жизнь — не въ міру, а у отшельниковъ пустыни, и что такіе отшельники живутъ еще и донинѣ, хотя и далеко гдѣ-нибудь, хотя бы и въ небольшомъ числѣ, но все же два или три должны быть. (16, 224).

Чтобы кончить рѣчь о монашескихъ симпатіяхъ нашего писателя, скажемъ что онъ изучалъ монашество

и старчество самолично въ Оптиной Пустынѣ, старцы которой Макарій и его ученикъ Амвросій (скончался въ 1892 г.) послужили ему оригиналомъ для типа о Зосимы.

Пусть никто не думаетъ, что надежда Достоевскаго на такое апостольское призваніе русскаго монашества явилась плодомъ его собственной фантазіи. Напротивъ, не только русскіе иноки, всегда мыслившіе себя пастырями народа, но и древнѣйшіе основатели пустыннаго монашества смотрѣли такими же очами на свое призваніе. Такъ, преп. Ниль Синайскій (ск. 694) писалъ — „монахъ есть тотъ, который отъ всѣхъ удаляясь, пребываетъ въ духовномъ общеніи со всѣми, и въ каждомъ человѣкѣ видитъ самого себя“. Было упомянуто, что въ высокіе торжественные моменты своей исторіи иногда все общество сбрасываетъ съ себя иноземныя наслоенія и сливается съ народомъ; таковы были годы 1812, 1877. Что же испытываетъ въ эти священныя години общество, что обнаруживаютъ въ моменты своей личной жизни его отдѣльные представители того и другого пола, и въ чемъ примѣръ? Въ поясныхъ или даже земныхъ мужицкихъ поклонахъ, совершенно неожиданно для окружающихъ, а можетъ быть, и для самихъ себя. Такъ Катерина Ивановна, пораженная великодушіемъ и цѣломудреннымъ благодѣяніемъ Дмитрія Карамазова, вдругъ кланяется ему въ ноги (16, 197); кланяется въ ноги Сонѣ и Раскольниковъ, впервые когда узнаетъ, какой тяжелый крестъ самоотверженія, и притомъ самага унизительнаго, она понесла въ своей жизни, а въ другой разъ, когда совершился рѣшительный переломъ въ его душѣ подъ вліяніемъ ея примѣра и собственныхъ его страданій. — Свидригайловъ передъ смертью посылаетъ свой поклонъ почти незнакомому ему Разумихину, понявъ, что онъ

одинъ идетъ по правильному пути жизни — смиренія и самоотверженія.

Замѣьте, что этотъ обычай земныхъ и поясныхъ поклоновъ по преимуществу различаетъ народъ и общество, Россію и Европу; тамъ охотно становятся на колѣна или на колѣно, но главы не наклоняють, а тѣмъ паче въ землю, даже предъ Богомъ; совершая такой поклонъ русскій человѣкъ на время какъ бы отрекается отъ общества и переходитъ къ народу.

ГЛАВА VIII.

ДОСТОЕВСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

Мы остановились на монашествѣ съ нѣкоторою спеціальною цѣлью: мы желали показать, что даже о такомъ многовѣковомъ и не національномъ только, но древне-христіанскомъ учрежденіи, которое многіе почитаютъ отрѣшеннымъ отъ жизни, нашъ писатель разсуждаетъ все съ той же точки зрѣнія, какъ и о всѣхъ предметахъ своего наблюденія, — съ точки зрѣнія народной, съ точки зрѣнія служенія народу. Вотъ исходной центръ всей, такъ сказать, проповѣди Достоевскаго.

Пишетъ ли онъ о Пушкинѣ, или о революціи, или по Восточному вопросу, или о просвѣщеніи, или о вѣрѣ и безвѣріи, или по вопросамъ педагогическимъ: все это его интересуетъ со стороны пользы для народа, со стороны тѣснѣйшаго общенія съ народомъ. — Совершенно не понимаютъ нашего писателя тѣ критики, которые хотѣли его представить поборникомъ того или иного политическаго направленія или партіи. Отзываясь на всѣ вопросы дня въ своемъ журналѣ и въ повѣстяхъ, онъ, конечно, долженъ былъ высказываться по многимъ предметамъ и вопросамъ, въ коихъ выражается то или иное политическое направленіе или даже партія. Но иное дѣло сужденія о семъ Достоевскаго, и сужденія партизановъ современныхъ лагерей. Для большинства

послѣднихъ извѣстный политическій взглядъ является сущностью его міровоззрѣнія (напр. монархизмъ, или конституція, или панславизмъ, или украинофильство), съ точки зрѣнія которой онъ даетъ оцѣнку всѣмъ встрѣчающимся идеямъ, хотя бы послѣднія имѣли безконечно болѣе цѣнное значеніе, чѣмъ само его политическое знамя. Такъ, я понимаю, что можно быть за религію и противъ, за русскую поэзію и противъ. Но когда болгарскій шовинистъ отказывается отъ православія только для того, чтобы разорвать общеніе съ ненавистными ему греками, когда наши украинофилы завѣдомо неискренно стараются убѣдить учениковъ гимназіи, что Шевченко выше Пушкина, а послѣдній вообще ничтожень, когда монархистъ защищаетъ подчиненіе царю нашей Церкви и т. п., то въ этомъ я усматриваю полную дегенерацію и говорящихъ такъ, и самой ихъ идеи, подавившей ихъ разумъ и совѣсть.

Конечно, по большей части такая вывороченная логика неискренна; по большей части, когда вашъ собеседникъ ставитъ выше всего какую нибудь цѣнность весьма условную, какъ, напр., современные Достоевскому французы — республику (хоть пропадай сама Франція), а наши въ 1917 г. революцію (хоть пропадай Россія): то мы понимаемъ, что здѣсь не увлеченіе идеей, а связь послѣдней съ личными выгодами, а затѣмъ съ личной безопасностью адепта.

Въ странахъ, гдѣ уже давно вся общественная жизнь исчерпывается борьбою партій, борьба эта уже перестаетъ быть политической, а становится персональною или групповою, руководимою корыстолюбіемъ партизановъ, а политическіе лозунги произносятся только для приличія, и всѣ это отлично понимаютъ. Такъ въ Сербіи боролись 40 лѣтъ либералы, радикалы и напред-

няки (прогресисты); принципъ выставленъ былъ всѣми одинаковый, а борьба шла за министерскіе и другіе портфели. Но бываетъ и иное, особенно у насъ въ Россіи. Бываетъ, что иного человѣка его идея совершенно подавила, пишетъ Достоевскій, и какъ бы проглотила (12, 37). Таковы въ большинствѣ увлеченія революціонныя у юношей (какъ у Эркеля въ „Бѣсахъ“) и у простолюдиновъ. Съ сильными умами такіе случая невозможны на долго. Тѣмъ менѣе могъ подлежать подобному увлеченію самъ Достоевскій. Упоминаемъ о семъ потому, что великую досаду причинили намъ тѣ критики, которые объясняли его высшя созерцанія религіознаго характера, его психологическія наблюденія и выводы о жизни народа его принадлежностью къ славянофильскому направленію, его монархизмомъ, его націонализмомъ и т. п. Зависимость идей у него, какъ и у всякаго крупнаго и честнаго мыслителя, была совершенно обратная. Но бѣда нашей критики, — скажу болѣе нашей эпохи, — заключается въ томъ, что люди и въ другихъ представить себѣ не могутъ иной логики, кромѣ партійной. Наши историки всѣхъ міровыхъ геніевъ изображаютъ партизанами; даже для апостоловъ Петра и Павла выдумали партіи и съ этой нелѣпой точки зрѣнія изъясняютъ ихъ вдохновенные псалмы. Судя обо всемъ по себѣ, какъ Даламберова мамка, наши современники представляютъ себѣ даже лучшихъ людей такъ, будто они прежде всего подбираютъ себѣ какой нибудь партійный мундиръ, а потомъ разсуждаютъ: я теперь монархистъ, и долженъ буду отстаивать: 1) религію, 2) патріотизмъ, 3) крупную собственность, 4) строгую школу для юношества, 5) милитаризмъ, 6) дружбу съ Германіей, 7) классическое образованіе и т. д.,—а о томъ, учить ли религія истинѣ, или она есть

застарѣлое суевѣріе, достойна ли Россія самостоятельной жизни или стоитъ пожалѣть о томъ, что она не была навсегда поглощена Франціей въ 1812 г., какъ жалѣлъ Смердяковъ, полезно ли для развитія классическое образованіе, или оно, напротивъ, тормозитъ развитіе мысли, какъ утверждалъ со словъ Ракитина Коля Красоткинъ, — объ этомъ членъ современной партіи и думать не желаетъ и позѣрить не хочетъ, чтобы другихъ все это интересовало и волновало. — Вотъ въ чемъ погибель нашего общества и всей современной культуры; вотъ въ чемъ объясненіе тому, что съ 1917 г. наша интеллигенція почти поголовно превратилась въ „перелетовъ“ смутнаго времени.

Почитая своею обязанностью освободить Достоевскаго отъ того партійнаго мундира, который старались, хотя и неуспѣшно, и на него набросить его злостные и недалекіе критики, мы напомнимъ читателю, что онъ не щадитъ и консерваторовъ, и даже славянофиловъ, когда находитъ ихъ неправыми или неглубокими; не говоримъ уже о томъ, что круги правительственные, на которые, конечно, прежде всего опирался тронъ, онъ, какъ мы видимъ по его изреченіямъ, совершенно безцеремонно бичуетъ, какъ презрителей русскаго народа, а то и самой Россіи.

Теперь упомянемъ о томъ, что и представителей самой вершины своихъ идеаловъ, т. е. религіи и Церкви, онъ тоже вовсе не склоненъ защищать въ ущербъ правдѣ и, отдавая честь идеѣ, не скрываетъ грѣховъ и промаховъ ея носителей, а иногда и цѣлаго направленія послѣднихъ. Такъ, начертавъ прекрасный образъ старца Зосимы и окружающей его монастырской жизни, нашъ авторъ не стѣсняется въ такихъ же яркихъ краскахъ представить изнанку монастырской жизни и разыг-

равшійся у гроба монашескій скандалъ, приче́мъ описы́ваетъ не просто личные пороки отшельниковъ, а цѣлое ложное, самообольщенное направле́ніе религіозной мысли и жизни, имѣвшей мѣсто около живой святыни. Также откровенно выражается онъ о ложной религіозности среди просвѣщенныхъ мірянъ. Нѣкоторые гордецы, говорить, онъ, признають Бога только для того, чтобы не чтить ближняго (14, 85—86).

Съ другой стороны, мы предлагали вниманію читателей сочувственные отзывы Достоевскаго о наивныхъ атеистахъ, о совершенно юныхъ революціонерахъ, а въ своемъ мѣстѣ ознакомимъ съ его самыми симпатичнѣйшими отзывами о Западной Европѣ, т. е. о своихъ къ ней чувствахъ, да, наконецъ, и о человѣческой душѣ вообще, по которымъ увидимъ, что Достоевскій былъ убѣжденный оптимистъ, всегда увѣренный въ побѣдѣ добра надъ зломъ, и на злыхъ взиралъ такъ, какъ врачъ взираетъ на больного, но не безнадежнаго пациента.

Заботясь со своей стороны о раскрытіи передъ читателемъ правильнаго понятія не о формѣ, а о содержаніи русской жизни, которое могло бы сохраниться и развиваться даже въ томъ случаѣ, если бы Россіи не было суждено продолжать свое существованіе въ качествѣ самостоятельнаго государства, а пришло бы быть колоніей чужого государства или чужихъ государствъ, мы такъ высоко цѣнимъ нашего писателя не только какъ геніальнаго знатока или діагноста отечественной жизни, но и какъ учителя жизни—терапевта, который въ состояніи помочь намъ даже и при условіи, если бы у нашего пациента, у Россіи, оказались ампутированы обѣ руки, т. е. государственная самостоятельность. — Въдь, что такое государство? Это, собственно, полиція народа съ тройнымъ шпіонажемъ и удешаженными казнями,

какъ показала исторія коммунъ французской и русской. Вбивать всю политику общественной жизни въ государственный мундиръ, хотя бы и самый республиканскій, это прежде всего въ высшей степени нелиберально, и Достоевскій былъ совершенно правъ, когда въ своемъ эпилогѣ къ Пушкинской рѣчи убѣждалъ проф. Градовскаго, воздыхателя о правовомъ порядкѣ, что наши патриархально-народныя начала жизни не только гораздо нравственнѣе, но и либеральнѣе, чѣмъ порядки конституціонныя или республиканскіе, ибо тамъ личному почину и нравственной правдѣ остается несравненно меньше мѣста, чѣмъ было у насъ, въ современной тому моменту Россіи. Оппозиціонный Алеко и пессимистъ Онѣгинъ, бѣжавшіе, по мнѣнію Градовскаго, не отъ европейской лжи, а отъ русскаго общества, сами очень сродны послѣднему, по мнѣнію Достоевскаго, ибо расправились съ цыганкой и съ другомъ — Ленскимъ болѣе, чѣмъ безцеремонно. — Не считайте же Достоевскаго представителемъ ни партій, ни политическихъ направленій: онъ былъ гораздо выше этихъ второстепенныхъ областей жизни и мысли, хотя, какъ мыслящій человѣкъ, не могъ не имѣть опредѣленнаго мнѣнія и по этимъ предметамъ.—Вслѣдъ за нашимъ писателемъ и мы призываемъ читателей къ тому, чтобы, во-первыхъ, не смѣшивать понятія общественности съ понятіемъ государственности, а во-вторыхъ, не возводить идеи государства въ абсолютъ, не считать его самой высшей цѣнностью, съ точки зрѣнія которой оцѣнивалась бы всякая другая цѣнность, всякая иная идея. Должно помнить, что именно въ этомъ заключается ложь древняго языческаго Рима и въ этомъ была причина его непримиримой трехвѣковой злобной вражды противъ христіанства, повторившаго первую заповѣдь Ветхаго Завѣта. Римское госу-

дарство само желало быть высшимъ божествомъ для всѣхъ людей и потому съ безпримѣрною у варварскихъ народовъ жестокостью казнило христіанъ, и не за ихъ догматы, а за то, что они нравственную правду и добродѣтель, а не государство почитали за высшую цѣнность жизни и за высшій долгъ челоуѣчества. Достоевскій подтверждаетъ подобное понятіе о древнемъ Римѣ. — Нѣтъ болѣе враждебной христіанству культуры и идеи, какъ идея древняго Рима (21, 492), пишетъ онъ.

Такой же фанатизмъ представляютъ собою государства, секуляризованныя отъ религіи, а особенно социалистическія, которыя въ гоненіяхъ на религію поступаютъ всѣми своими юридическими нормами и даже приличіями, когда, напр., признавая Церковь только частнымъ обществомъ, лишаютъ его того права, которое имѣютъ всѣ частныя общества, т. е. права собственности, и безцеремонно отнимаютъ у нея и капиталы, и земли, и даже учебныя заведенія, а подчасъ и прямо закрываютъ монастыри и храмы.

И, если Достоевскій, какъ и Л. Толстой (въ 1905 г.) предпочиталъ монархическое самодержавіе всякимъ республикамъ, то именно потому, что прежняя форма государственной жизни оставляла больше чисто общественныхъ, внѣгосударственныхъ отношеній среди людей, гдѣ было мѣсто свободному, нравственному воздѣйствію таланта и генія на общественную мысль и волю. Вотъ почему Достоевскій сохранить свое значеніе для русскаго народа даже въ томъ случаѣ, если бы Россія перестала существовать, какъ самостоятельное государство.

ГЛАВА IX.

ВЫСШАЯ ЦѢННОСТЬ ВЪ ЖИЗНИ ПО ДОСТОЕВСКОМУ.

Намъ могутъ сдѣлать касательно Достоевскаго возраженія съ другой стороны, и сказать такъ: — Допустимъ, что ты совершенно оправдалъ Достоевскаго отъ обвиненія въ партійности, хотя бы даже чисто идейной; мы готовы согласиться съ тобою и въ томъ, что государство не есть понятіе самой высшей цѣнности; но, если такое понятіе нельзя принимать, какъ конечную ссылку мысли, какъ ея *ultima ratio*, то справедливо ли ставить въ такое господствующее положеніе въ своей логикѣ и своей морали понятіе народа? Конечно, это понятіе болѣе симпатично, чѣмъ понятія республики или монархіи, и притомъ болѣе прочно сравнительно съ послѣдними; но вѣдь Достоевскій въ своихъ созерцаніяхъ и въ своихъ совѣтахъ восходилъ значительно выше идеи народа: онъ пишетъ о вѣчности, о Богѣ, о Христѣ и Церкви; законно ли призывать людей къ такимъ началамъ, исходя только изъ идеи единенія съ народомъ? Неужели всѣ эти начала не имѣли бы цѣнности и помимо русской народности? вѣдь онѣ существовали въ жизни, и притомъ со всею силою, еще тогда, когда русскій народъ вовсе не существовалъ, т. е. не былъ извѣстенъ.

Наконецъ, если Достоевскій ко всѣмъ этимъ вершинамъ мысли и чувства знаетъ дорогу только черезъ любовь къ русскому народу, то какое значеніе можетъ имѣть онъ и его творенія для нѣмца и француза?

На это мы отвѣтимъ, что Достоевскій вовсе не ставилъ религіозныхъ и нравственныхъ идей въ зависимость отъ началъ русско-національныхъ *по существу*: онъ былъ конечно, по преимуществу, проповѣдникомъ христіанства, а потому доступенъ и понятенъ для просвѣщенныхъ читателей всякаго народа. Послѣднее можно видѣть изъ того, что его сочиненія, переведенныя на разные языки, читаются за границей съ увлеченіемъ, а во Франціи существуетъ цѣлая школа писателей его направленія. И Поль Бурже, и Эдуардъ Родъ и, думается, Анатоль Франсъ и другіе могутъ быть названы его послѣдователями. Достоевскій, конечно, писатель не только народный, но и міровой; не напрасно писалъ Л. Толстой незадолго до его смерти философу Страхову: „Я читалъ „Братья Карамазовы“; эта повѣсть лучше всего, что когда либо было написано въ Европѣ и въ Америкѣ; если увидите Достоевскаго, скажите ему, что я его люблю. . .“

Однако, пора дать прямой отвѣтъ на предлагаемый вопросъ. — Достоевскій ставитъ вѣру въ Бога и призывъ къ нравственному подъему въ связь съ любовью къ русскому народу и близость къ нему считаетъ безусловно обязательной для просвѣщеннаго человѣка; всякое почти ученіе, а особенно ученія революціонныя, старались обосноваться на этой общественной нравственной аксіомѣ любви къ народу. Для большинства—тогда, по крайней мѣрѣ,—не было здѣсь лицемѣрія. Даже тѣ русскіе люди той и предыдущей эпохи, въ родѣ, напр., Базарова, которые почти совершенно потеряли евангель-

скую вѣру, не дерзали, однако, отрицать то нравственное правило евангелія, которое гласило: „большій въ васъ, да будетъ всѣмъ слуга“, и хотя такое правило является ни на чемъ не обоснованномъ при отрицаніи христіанскихъ догматовъ (что Достоевскій постоянно напоминалъ читателямъ — 14,8 и др.; мы къ этимъ мыслямъ его скоро возвратимся), но вѣдь все общество, вплоть до философа Ницше не хотѣло замѣчать своей непослѣдовательности, и, благодаря Богу, продолжало считать вторую заповѣдь закона Христова для себя обязательною, отвергнувъ первую: даже болѣе, оно думало монополизировать эту вторую заповѣдь и посылало вѣрующимъ укору въ забвеніи ея ради „отвлеченныхъ“ догматовъ.—Итакъ, то обстоятельство, что Достоевскій исходнымъ началомъ для своихъ высшихъ призывовъ къ человѣку и человѣчеству ставилъ принципъ любви къ народу и единенія съ нимъ, вовсе не суживаетъ его идеи и не измѣняетъ порядка высшихъ цѣнностей нашей души и мысли, а только указываетъ путь, по которому его современники могутъ восходить къ совершенству съ того нравственного уровня, на коемъ они находились. Слѣдовательно, логика его — логика педагогическая. Подобно ей вѣдь было и первое христіанское увѣщаніе іудеямъ — чрезъ толкованіе древнихъ пророчествъ, а эллинамъ черезъ толкованіе ихъ поэтовъ и мифовъ; такъ поступалъ и Апостоль Павелъ (Дѣян. 17, 23-29; Евр. I, 4-14; I Кор. 9, 20-22). — Итакъ, народническій духъ высшихъ философскихъ и религіозныхъ призывовъ Достоевскаго вовсе не ставитъ безусловнаго и вѣшаго въ зависимость отъ современнаго, условнаго, но указываетъ только порядокъ постепеннаго къ нему восхожденія, какъ и Господь указывалъ въ своихъ притчахъ.

Кромѣ сего, должно принять во вниманіе, что, по

убѣжденію Достоевскаго, самое русское народничество, т. е. усвоеніе духа русскаго народа, есть усвоеніе духа вселенской, общечеловѣческой любви и признанія и принятія всего добраго, что имѣется въ другихъ цивилизаціяхъ и племенахъ. Чтобы кончить объ этомъ, приведемъ изреченіе Достоевскаго объ его отношеніи къ Европѣ, которую онъ постоянно обличалъ и объ отношеніи къ ней истинно русскихъ людей. — „Никогда западники не любили такъ Европу, какъ мы, славянофилы“ (21, 234). Правда, современная Европа, по его мнѣнію, „есть только кладбище, хотя и самое дорогое“ (16, 394); но Шекспира, Байрона и др. писателей Европы въ Россіи знаютъ лучше, нежели въ другихъ европейскихъ странахъ. (20, 193). Нѣкоторыхъ европейскихъ писателей мы, русскіе, любимъ больше, чѣмъ ихъ соотечественники, напр., Диккенса (19, 231).

Европа, — пишетъ Достоевскій въ „Дневникѣ Писателя“, --наше второе отечество; я люблю Европу (21, 24). Только Америку, лишенную священныхъ традицій и живущую единственно для чрева и кармана, не любятъ герои нашего писателя: ненавижу Америку машинистовъ, восклицаетъ Д. Карамазовъ; люблю Русь, Русскаго Бога. (18, 429).

Итакъ, Достоевскій былъ общечеловѣческимъ проповѣдникомъ и мыслителемъ. Онъ, собственно, былъ проповѣдникомъ христіанства, нравственнаго совершенства, но не отрѣшалъ личной морали отъ патріотическаго подвига и общечеловѣческихъ интересовъ, а все соединялъ въ своей душѣ, въ своей свѣтлой мысли. Къ нему можно съ сугубой силой приложить то, что было сказано поэтомъ въ честь другого поэта Жуковскаго :

„Будь намъ путеводной,
„Будь вдохновительной звѣздой,
„Духъ цѣломудренно-свободный,
„Умъ:вшій все совокупить
„Въ ненарушимомъ цѣломъ строѣ
„Все человѣчески благое
„И русскимъ чувствомъ закрѣпить.“

Понявъ идею нашего писателя о томъ, что религія не только не есть личное дѣло каждаго человѣка, но и главная созидающая общественная сила, и что, въ частности, въ жизни русской безъ религіи, безъ искренняго религіознаго, даже церковно-православнаго убѣжденія невозможно войти въ общеніе съ русскимъ народомъ, мы должны остановиться повнимательнѣе на религіозномъ ученіи Достоевскаго, какъ живой противоположности общественному предразсудку, низводящему религію на степень туманно-мистическаго чувства или внѣшняго ритуала, совершенно отрѣшеннаго не только отъ жизни общественной, но почти безразличнаго къ области личной нравственной жизни просвѣщеннаго человѣка.

Правда, кое-что изъ этихъ идей мы уже изложили, когда приводили его взглядъ на русскій народъ и на общество и на связь духа народнаго съ православіемъ; но теперь обратимся къ его болѣе широкимъ обобщеніямъ.

ГЛАВА X.

БЕЗЪ ВѢРЫ НЕВОЗМОЖНА ПО ДОСТОЕВ- СКОМУ ДОБРодѢТЕЛЬ.

Прежде всего должно указать, что Достоевскій, чуть-ли не первый вообще, громко и твердо возсталъ противъ нелѣпаго предразсудка, который въ его время и раньше повторяли съ настойчивостью тупого дятла наши либералы, даже вообще интеллигенты,—въ Германіи со времени Канта, а у насъ, вѣроятно, со времени вольтерьянства и особенно гегельянства. „Можно не вѣрить въ Бога и Христа и быть высоконравственнымъ человѣкомъ, благороднымъ, честнымъ и гуманнымъ, не исполняя никакихъ религіозныхъ обрядовъ и молитвъ.“ Тотъ, кто не на словахъ, а на дѣлѣ старался быть такимъ человѣкомъ, знаетъ по опыту, какъ трудно пребывать имъ даже и при искренней вѣрѣ и молитвахъ, какой борьбы съ самимъ собой это стоитъ. — Но не напрасно было написано въ одной заграничнаго изданія еврейской брошюрѣ, что достаточно любой парадоксъ смѣло и настойчиво трижды повторить во всеуслышаніе, чтобы не только люди, но и всѣ воробьи на крышахъ стали убѣжденно его повторять. Такъ и тотъ лживый и лицемѣрный парадоксъ о безрелигіозной добродѣтели стали громко и смѣло повторять не только публицисты и профессора, но и студенты, и офицеры, и гимназисты, и гимназистки, и уже

такъ давно, что положительно запугали болѣе разумныхъ и искреннихъ людей, и они сами готовы были признать, что христіанская религія есть только собраніе отвлеченныхъ вѣрованій и условныхъ обрядовъ, и были благодарны, когда и за послѣдователями вѣры общественные авторитеты признавали правоспособность къ разумной и просвѣщенной жизни и дѣятельности.

Такъ обстояло дѣло, но Достоевскій съ горячностью возвысилъ свой голосъ противъ такой лжи и во многихъ типахъ своихъ повѣстей раскрывалъ логическую связь между невѣріемъ и безнравственностью, на вершинѣ которой является уже и преступленіе. Впрочемъ, кромѣ типическихъ изъясненій сей истины имѣются и прямыя изреченія нашего писателя. — Невѣрующій не можетъ различать добро и зло, пишетъ онъ (16,119) Если Бога нѣтъ, то дѣлай всякую пакость,—многіе стали говорить, даже отцы дѣтямъ (21, 211). Идея безсмертія, пишетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, есть главное и единственное (т. е. незамѣнимое) побужденіе человѣка къ нравственной жизни (20,400). Безъ этой идеи невозможна и любовь къ человѣчеству (20, 401). — А слѣдовательно, заключаетъ вполнѣ правильно авторъ, безсмертіе существуетъ, ибо оно есть логическое условіе (философски выражаясь—постулатъ) разумной жизни человѣка (20, 402). — Въ томъ же „Дневникѣ Писателя“ авторъ приводитъ письмо одного самоубійцы, пришедшаго къ своему гибельному рѣшенію только потому, что потерялъ вѣру въ Бога. Письмо его представляетъ собою краткій трактатъ о томъ, что такъ долженъ поступить съ собою всякій послѣдовательный отрицатель вѣры въ Бога. (20, 329 — 332). Тѣ-же мысли въ болѣе краткомъ изложеніи авторъ поясняетъ въ другомъ номерѣ журнала (20, 399 — 402). Въ частности, по его убѣжденію, при отрицаніи

Бога и будущей жизни безсмысленна и любовь къ ближнимъ (14, 80),—ибо она и вообще не легко дается, хотя говорить о ней всѣ любятъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ эти люди сами сознаются, любить ближняго не могутъ, а любятъ только „дальнихъ“ (16, 405), т. е. не дѣйствительныхъ людей, а воображаемыхъ, что ихъ ни къ чему не обязываетъ.

Какъ мирятся такіе афоризмы нашего автора съ приведенными раньше изреченіями, въ коихъ указывается на то, что атеисты не всѣ злы, а многіе изъ нихъ даже Христовы люди, хотя сами того не знаютъ? Такъ и „Подростокъ“, когда заявилъ о себѣ своему мнимому отцу, старцу Макару, что онъ не вѣритъ въ Бога, то тотъ, засмѣявшись, сказалъ: „нѣтъ, ты не безбожникъ, ты веселый человѣкъ“. (15, 148). Вообще онъ былъ убѣжденъ, что настоящій безбожникъ непременно мраченъ и озлобленъ, а вѣрующій, даже бѣднякъ, веселъ.

Теряя вѣру, большею частью, подъ вліяніемъ нелѣпыхъ книгъ или злыхъ людей, какъ Коля Красоткинъ, почти сбитый съ толку злобнымъ нигилистомъ Ракитинымъ, люди, конечно, не сразу принимаютъ въ душу всѣ логическіе выводы и послѣдствія такого отрицанія, и вотъ иногда эта временная непослѣдовательность у нихъ длится десятки лѣтъ, и въ ней ихъ спасеніе, т. е. возможность остановиться передъ страшными, но неизбѣжными выводами изъ отрицанія, и вернуться къ вѣрѣ.— Да и самую вѣру человѣкъ отталкиваетъ отъ себя много времени спустя по объявленіи себя атеистомъ „на пробу“. Выражая отрицательныя мысли, онъ какъ бы только прикрѣпляетъ ихъ къ своему уму и сердцу на подобіе покупателя „въ магазинѣ готоваго платья“, а въ душѣ по прежнему таитъ вѣру, а иногда даже и молитву, какъ судья въ „Ревизорѣ“ Гоголя. Вотъ почему часто бы-

заесть достаточно рѣшительнаго перелома *воли*, чтобы люди вновь исповѣдали вѣру во всю полноту и догматовъ, и преданій. Думается, что именно сюда относится такое изреченіе нашего писателя: есть нѣсколько убѣжденій, которыя тайно почти всѣ раздѣляютъ, но стыдятся въ томъ сознаться (19, 16).

Однако, относясь столь терпимо и небезнадежно къ атеистамъ мнимымъ или просто неустановившимся, нашъ писатель предупреждалъ людей о тѣхъ роковыхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ, какъ мы видимъ изъ письма того самоубійцы, атеизмъ послѣдовательный, убѣжденный. Мы предложили уже вниманію читателя слова Достоевскаго, изъ коихъ видно, что для послѣдовательнаго отрицателя вѣры въ Бога и въ безсмертіе не остается никакой разницы между добромъ и зломъ въ отношеніи къ ближнимъ, а въ отношеніи къ себѣ ему остается только отчаяніе и самоубійство. Однако, плоды невѣрія не оканчиваются этими отрицательными выводами: не только безразличіе къ ближнимъ, но непременно еще и преступленіе, и убійство, физическое или нравственное, совершить послѣдовательный атеистъ. Такъ Верховенскій съ наслажденіемъ совершаетъ нѣсколько убійствъ, развращаетъ каторжника Федьку и склоняетъ его къ убійству; развращаетъ и полусознательно склоняетъ къ убійству и Иванъ Карамазовъ Смердякова, будучи по душѣ вовсе не злодѣемъ, но желая быть послѣдовательнымъ въ своемъ отрицаніи; совершаетъ практически почти безцѣльное убійство Раскольниковъ, ставши на тотъ-же путь безбожнаго своеволя, который приводилъ къ самоубійству Кириллова, Ипполита, Ставрогина, также успѣвшаго нравственно убить или развратить нѣсколько молодыхъ жизней, хотя его собственная натура была не только симпатична, но и обаятельна.

Довольно, думается, всѣхъ этихъ примѣровъ неразрывной связи послѣдовательнаго невѣрія и преступности, хотя они далеко не исчерпываютъ всѣхъ картинъ, начертанныхъ авторомъ съ тою же идеей. А идея его была та, какъ мы сказали, чтобы разубѣдить общество въ установившемся нелѣпомъ предразсудкѣ, будто можно оставаться добрымъ и нравственнымъ человѣкомъ, отвергнувъ истины христіанской вѣры. И какимъ надо быть нежизненнымъ мыслителемъ, какимъ фальшивымъ фантазеромъ, чтобы подобно одному отрицательному типу Достоевскаго утверждать, будто съ потерей религіи люди, постоянно трепеща за свою жизнь, будутъ больше другъ друга любить и „беречь“, чѣмъ когда вѣровали, и больше наслаждаться жизнью, зная, что за гробомъ уже ничего больше не будетъ; и тогда-де явится вмѣсто небснаго Бога земной идеаль — чело-вѣко-богъ (18, 234—236). На самомъ дѣлѣ, разсуждая такъ, подобные резонеры всѣхъ ненавидѣли и тяготились жизнью.

Но это еще не все: Достоевскій зналъ первое, Базаровское поколѣніе невѣрующихъ: оно не сразу и не во всѣхъ своихъ адептахъ (послѣдователяхъ) рѣшалось осуществить въ своихъ дѣлахъ практическіе выводы изъ невѣрія, о которыхъ такъ рѣшительно говорить нашъ писатель. Усвоенныя съ дѣтства въ христіанской семьѣ и хотя бы въ полухристіанской школѣ правила честности и чело-вѣколюбія, вошедшія во всѣ изгибы нашихъ душъ, препятствовали современникамъ Достоевскаго быть послѣдовательными отрицателями, но ихъ дѣти, воспитанныя уже въ безрелигіозной обстановкѣ, кромѣ уголовного карательнаго закона не имѣютъ никакихъ помѣхъ къ тому, чтобы стать жестокими, безчело-вѣчными злодѣями, какими они явились въ эти послѣд-

ніе три года русской жизни. Павли, и это предсказаль Достоевскій, утверждая, что его дѣти доживуть до кровавой страшной революціи, когда народъ обратится въ людоѣдовъ. Но, конечно, эти событія предсказаны въ общихъ чертахъ, а мы просимъ читателя остановить на нѣсколько секундъ вниманіе на детальной картинѣ такой эволюціи безнравственности, которую въ слѣдующемъ послѣ Достоевскаго поколѣніи наблюдалъ его послѣдователь французскій романистъ Поль Бурже въ романѣ „Этапъ“. Здѣсь представленъ учитель гимназіи, невѣрующій, но честный человѣкъ и ученый, страстный классикъ и образцовый семьянинъ, загипнотизированный идеями прогресса и внѣрелигознаго патріотизма, и горячо любившій своихъ уже взрослыхъ сыновей и дочку; онъ размечтался о томъ, какъ одинъ скоро выступить на поприще писателя и ученаго, другой — адвоката, третій — инженера, а дочь выйдетъ замужъ за такого же полезнаго гражданина. Вдругъ онъ сразу узнаеть, что одинъ его сынъ живетъ на содержаніи у старухи, другой — воришка, дочь-дѣвица — беременна и собирается вытравить своего ребенка. — Онъ въ ужасѣ и отчаяніи, а одинъ изъ сыновей со смѣхомъ ему говоритъ: чего ты горюешь? Тебѣ нужно радоваться, что мы оказались болѣе послѣдовательными въ твоихъ же убѣжденіяхъ, которыя ты не рѣшался проводить въ дѣйствительную жизнь, а поступалъ согласно тѣмъ поповскимъ суевѣріямъ (т. е. христіанскому ученію), которыя ты же самъ отвергалъ въ теоріи. — Что могъ бы отвѣтить на это несчастный отецъ?

Намъ мало приходилось слѣдить за русской беллетристикой послѣднихъ лѣтъ, но нѣчто подобное представляетъ собою одинъ литературный шаржъ на довольно талантливую драму: „Дѣти Ванюшина“, озаглавленный:

„Внуки Ванюшна“. — Если хотите, поколѣнія Верховенскихъ, т. е. отецъ и сынъ, тоже преуказываютъ такую эволюцію полнаго нигилизма и самой наглой преступности изъ безрелигіозности теоретической. Конечно, Степанъ Трофимовичъ не внушалъ сыну безбожнаго міровоззрѣнія, но онъ виновенъ въ его развращенности тѣмъ, что пренебрегая по своему безвѣрію родительскими обязанностями, отдалъ сына на воспитаніе въ чужія руки и совершенно забылъ о немъ, пока онъ не явился къ своему папашѣ уже совершенно сложившимся молодымъ человѣкомъ, даже не юношей, а отъявленнымъ негодяемъ, негодяемъ убѣжденнымъ, нарочно убивавшимъ и убившимъ въ себѣ стыдъ и совѣсть.

Наши предки съ удивленіемъ прочитали бы всѣ эти разсужденія и философскія доказательства очевидной нерасторжимости нравственной жизни отъ религіи, но въ нашу глупую эпоху, приходится тратить время на доказательство и такихъ положеній, которыя давно доказаны вѣками жизни человѣческой и здравымъ смысломъ. Ради окончательнаго уясненія истины укажемъ еще на то, что не только личное нравственное совершенство, но и вообще осмысленная жизнь и дѣятельность совершенно не давались тѣмъ героямъ Достоевскаго, которые, хотя и были одарены природными талантами и образованіемъ, но, не имѣя въ душѣ своей высшаго и безусловнаго обязательнаго регулятива (или правила), т. е. твердыхъ религіозныхъ вѣрованій, не могли приняться ни за какое постоянное и полезное дѣло, а всѣ годы жизни своей оставались праздными, никчемными межеумками. Таковъ былъ Версильовъ въ „Подросткѣ“, — хотя и интересовавшійся иногда религіозными вопросами, но такъ и не подчинившій своей воли опредѣленному ученію вѣры. И чѣмъ крупнѣе натура такихъ людей, тѣмъ труднѣе имъ

живется, тѣмъ безтолковѣе и преступнѣе протекаетъ ихъ жизнь и дѣятельность. Вотъ эти типы: Иванъ Карамазовъ, Николай Ставрогинъ, Свидригайловъ, Версиловъ, Кирилловъ и много другихъ второстепенныхъ персонажей.

Напротивъ, когда нѣкоторые изъ героевъ автора устанавливаются на началахъ религіозности, то не только обрѣтаютъ полное примиреніе съ жизнью, но и ощущаютъ радостный приливъ энергіи къ дѣятельности общественной и вступаютъ въ жизнь, какъ убѣжденные созидатели, какъ смѣлые борцы. Таковъ Шатовъ въ „Бѣсахъ“ и Подростокъ послѣ ихъ обращенія, таковы Алеша Карамазовъ, Коля Иволгинъ и князь Мышкинъ въ „Идіотъ“, Разумихинъ, другъ Раскольникова, „Смѣшной Человѣкъ“ послѣ своего пробужденія и т. д.

Когда къ Шатову неожиданно притащилась изъ-за границы бросившая его жена и стала тутъ-же разрѣшаться отъ бремени незаконнымъ ребенкомъ, то онъ не только ни единымъ словомъ не укорилъ несчастную женщину, не только ухаживалъ за нею съ нѣжностью матери, но искренно признавалъ себя виновнымъ передъ нею, хотя ничѣмъ виновенъ передъ нею не былъ (13, 316, 382). Ея ребенку онъ радовался такъ, какъ не всякій отецъ своему собственному ребенку, и осыпалъ родительницу нѣжными ласками. Эта чудная картина евангельскаго всепрощенія, съ одной стороны, и смягченіе ожесточеннаго сердца, съ другой, возвышаетъ перо нашего писателя до кисти Рафаэля и Нестерова, хотя для акушерки-нигилистки она явилась предлогомъ смѣха.

Здѣсь Достоевскій превзошелъ себя самого, потому что въ этой реальной картинѣ провелъ свою идею о неразумности человѣческаго самолюбія, о томъ, что смѣшнымъ въ свѣтской жизни почитается нерѣдко все самое великое въ жизни и что не надо бояться быть

смѣшнымъ въ глазахъ неразумныхъ. Не только въ личной жизни, но и въ общественной дѣятельности человека добрая энергія, устойчивость и необходимое для сего одушевленіе имѣетъ религіозную идею; безъ нея невозможна никакая народная созидательная дѣятельность, а только разрушающая. — Народность, пишетъ Достоевскій въ „Дневникѣ“, всегда создавалась религіозной идеей; послѣдняя опредѣляетъ собою всѣ культуры (21, 467), а неразумніе религіозной идеи разрушаетъ и культуру такого народа (21, 468), Даже всѣ народныя войны Достоевскій объясняетъ, какъ борьбу за религіозные идеалы.—Оставьте вашихъ боговъ, — говоритъ нападающій народъ, — и примите нашихъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ. Въ частности, примѣнительно къ жизни русской, какъ мы видѣли, по Достоевскому, всѣ заграничныя отношенія Россіи народъ понимаетъ, какъ выступленія на защиту православія, за угнетенныхъ братьевъ или какъ самозащиту. Волна народного воодушевленія (конфессіональнаго и нравственнаго) постепенно охватываетъ и интеллигенцію, захватываетъ и волю правительства, и тогда въ геройскомъ порывѣ войны какъ бы исчезаетъ вѣковое раздѣленіе Россіи на общество и народъ, и на подвигъ устремляется уже нераздѣльная православная народная Россія или Русь Святая.

Теперь, переходя снова съ чисто религіозной нравственно-философской почвы на общественную и культурную или, какъ выражаются наши современники, реальную, мы должны раскрыть ту картину международныхъ отношеній культурныхъ и политическихъ, которыя тоже не мало занимали Достоевскаго, но не какъ важнѣйшія въ общественной жизни, а какъ примѣненіе идейныхъ убѣжденій къ наличной дѣйствительности.

ГЛАВА XI.

ЕВРОПА И РОССІЯ ПО ДОСТОЕВСКОМУ.

Объявивъ себя другомъ Европы, ея исторіи и культуры, Достоевскій не закрываль, однако, глазъ передъ глубокимъ расхожденіемъ современныхъ, наличныхъ верховъ европейской жизни какъ съ ея прежними высокогуманными и просвѣщенными традиціями, такъ, въ особенности, съ культурой русской; не скрываль нашъ писатель, насколько насъ въ Европѣ ненавидятъ, какъ осторожно, и въ состояніи какой военной готовности должна себя держать Россія, какъ она должна цѣнить свои нравственныя преимущества передъ вырождающеюся нравственной жизнью Европы и не увлекаться изящною внѣшностью послѣдней.

Приводимъ изреченія автора, выражающія такія мысли. — Европа насъ очень не любитъ и считаетъ насъ революціонерами (20, 143, 203 — какъ римскіе язычники древнихъ христіанъ); поэтому намъ нельзя безнаказанно побѣждать въ Европѣ (20, 145; — вспомнимъ спасеніе Европы Александромъ I-мъ и затѣмъ столь унижительный для Россіи священный союзъ 1815 г. съ возвращеніемъ Австріи трехъ русско-галиційскихъ уѣздовъ съ полумилліоннымъ православнымъ населеніемъ, послѣ того насильно отторгнутымъ отъ Церкви; вспомнимъ позорный Берлинскій конгрессъ 1878 г. послѣ русскихъ побѣдъ въ Турціи). Посему

Россія не должна довѣрять прямотъ европейской дружбы, но должна быть въ состояннн военной готовности и усиливать армію, ибо она всегда не свободна отъ опасности на границахъ и на инородческихъ окраинахъ. (19, 258).

Кстати сказать, у Достоевскаго былъ своеобразный взглядъ на войну. — Война не бичъ человѣчества, пишетъ онъ, а лекарство (20, 144); подъемъ духа воюющей націи несетъ не озвѣрѣніе ея, а толчекъ впередъ (12, 111). Долгій миръ, а не война понижаетъ духъ націи и можетъ ее озвѣривить. Въ своемъ Разговорѣ съ Оригиналомъ Достоевскій подробно излагаетъ подъ видомъ послѣдняго свои собственныя мысли по сему предмету. Мы не будемъ ихъ ни приводить въ полнотѣ, ни опровергать, ни подтверждать, а упомянемъ и подтвердимъ только одно изъ его наблюдений, которое подтвердили намъ за послѣдніе мѣсяцы очень многіе недавніе наши враги. Именно нашъ писатель подтверждаетъ, что война не разъединяетъ народы, но сближаетъ, знакомитъ и даже, въ лучшемъ случаѣ, дружить ихъ между собою, а въ худшемъ всегда поучаетъ взаимно уважать другъ друга. Долгое время находясь въ предѣлахъ бывшей Австріи, мы только и слышимъ похвалы Россіи и русскимъ отъ всѣхъ, особенно отъ бывшихъ военноплѣнныхъ-украинцевъ, и притомъ Мазепинской партіи, затѣмъ поляковъ, нѣмцевъ, австрійскихъ евреевъ, чеховъ, словаковъ и румынъ. Многіе изъ нихъ заявляли, что нигдѣ такъ хорошо не живетъ, какъ въ Россіи, что нѣтъ людей добрѣе, чѣмъ русскіе, что они по водвореніи порядка непременно переселятся въ Россію. Особенно насъ заинтересовалъ одинъ рассказъ юнаго сѣчевика-украинца. „Когда приближались къ нашему селу русскіе въ 1914 году, говорилъ онъ, то насъ заранѣе предупреждали противъ нихъ. Говорили, что русскіе казаки и съ однимъ только окомъ (всѣ кривые), и что они разставятъ котлы на пло-

щади и будутъ хватать дѣтей, варить и ѣсть. При вступленіи ихъ войскъ мы всѣ прятались въ овесъ, въ каналы, но потомъ мало по малу стали вылѣзать, и, встрѣчая отъ нихъ только ласку и угощеніе, привязались къ нимъ всей душой.“ „И неужели вы, грамотные люди, и ты, юноша, бывший тогда гимназистомъ среднихъ классовъ, повѣрилъ такимъ баснямъ?“ — „Всѣ вѣрили въ деревнѣ, потому что намъ долго толковали такъ.“ — „А знаете, мнѣ въ 1886 году совершенно то же самое рассказывалъ о тѣхъ же басняхъ и страхахъ и смѣнлившей ихъ дружбѣ галичанъ съ русскими въ 1848 году одинъ старый протоіерей галичанинъ, бывший тогда школьникомъ въ Самборѣ, и про одно око, и про котлы, и про вывариваніе дѣтей, и о томъ, какъ они всѣ полюбили приходшихъ казаковъ и солдатъ Николая I-го; но тогда народъ вашъ былъ совершенно темный, а теперь вѣдь почти всѣ грамотные, да и село ваше отъ русской границы всего 25 верстъ, — какъ же вы могли повѣрить такой глупости?“ — „Ну, ужъ теперь наши никогда этому не повѣрятъ, даже черезъ сто лѣтъ.“ — „Дай Богъ.“ —

Представляя цѣлью нашихъ войнъ освобожденіе христіанъ православныхъ, Достоевскій съ изумительной точностью предвидѣлъ всѣ разочарованія въ этомъ святомъ дѣлѣ и враждебныя противъ него предпріятія Европы. — Англіи нужно, чтобы восточные христіане насъ возненавидѣли, — пишетъ онъ (21, 80); освобожденные славяне вмѣсто благодарности заявляютъ, что ничего добраго отъ Россіи не получили, что Европа и безъ насъ ихъ освободила бы (21, 358, 359), что ихъ парламенты и культура выше російскихъ (*ibidem*), и между собой будутъ биться изъ-за границъ (21, 360). Вразумленіе ихъ, и благодарность, и единство настанутъ только лѣтъ черезъ сто (21, 361); тогда они и намъ принесутъ

правильную пользу — расширять нашу душу (*ibidem*). Кто встрѣчался съ болгарскими и черногорскими дружинами, тотъ знаетъ, что эти предсказанія сбываются съ фотографической точностью. Вообще, Европа артистически обгадила наши освободительные подвиги среди православныхъ народовъ: у четырехъ вновь образовавшихся православныхъ государствъ, если не считать Черногоріи, оказались католическіе или лютеранскіе короли,—только сербамъ удалось получить православную династію; даже греки до послѣднихъ лѣтъ были подъ иновѣрцами. Послѣдніе вмѣстѣ съ Австріей всюду разводили католическую пропаганду — въ Румыніи, Болгаріи, Босніи, Черногоріи, подкупами и т. п. средствами. Но этого мало. — Непогрѣшимый папа, — пишетъ Достоевскій, — не стыдится выражать свою радость побѣдѣ турокъ (21, 143).

Вотъ какъ помогала Европа самоотверженному подвигу русскихъ. Впрочемъ, Европы, какъ чего-то цѣлаго, какъ просвѣщеннаго союза христіанскихъ народовъ, и нѣтъ; таковою она была только въ воображеніи Императора Александра I-го, тоже потомъ разочаровавшагося въ ней, да въ неумныхъ головахъ русскихъ западниковъ; а на самомъ дѣлѣ въ Европѣ осталось только кладбище великихъ людей и идей, уже сошедшихъ съ лица земли. Такое изреченіе Достоевскаго мы приводили раньше, а теперь приведемъ вотъ какое: въ Европѣ нѣтъ европейцевъ, а только національные шовинисты, европейцы теперь только русскіе (15, 290). Европа—только маленькій кусочекъ на земномъ шарѣ (21, 46). Эгими словами авторъ хочетъ выразить ту идею, что всемірные, общечеловѣческіе интересы чужды европейскимъ государствамъ; ихъ отвлекла, и поглотила эгонистическая борьба сословій, борьба чис-

то животная. — Теперь въ Европѣ хотятъ утвердиться на жалкомъ принципѣ: спасти животишки (21, 169). Въ Европѣ стараются устроить общественный муравейникъ на одномъ только эгоистическомъ началѣ (4, 445), а потому напрасно тамъ хвалятся прогрессомъ; теперь (1871 г.) кровь льется рѣкой и въ Европѣ, и въ Америкѣ (2, 117), Авторъ разумѣетъ безпринципную, чисто эгоистическую франко-прусскую войну. Современные волненія въ Европѣ, — писалъ авторъ въ 1876 году, — предвѣщаютъ громовыя событія (21, 4); онъ разумѣлъ социальную революцію, и хотя предсказывалъ ея начало въ Россіи, но, какъ мы уже знаемъ, Россія, по его мнѣнію, выйдетъ изъ этого испытанія, а Европа въ немъ утонетъ, и еще въ 19-мъ вѣкѣ, Исполненіе этого послѣдняго предсказанія автора, видимо, отсрочено: „спасать животишки“ европейскимъ политикамъ удалось до настоящихъ дней, но настоящіе дни ничего добраго ей не предвѣщаютъ.

Собственно, ненависть Европы противъ Россіи объясняется, пожалуй, ея полной неосвѣдомленностью о ней, но можетъ быть тутъ есть и обратная зависимость: непониманіе Россіи Европою имѣетъ причиною ненависть къ ней. Мы не нашли отвѣта на этотъ вопросъ у нашего писателя, но объ этой неосвѣдомленности онъ выражается достаточно сильно. — Россія—совершенно невѣдомая Европѣ страна, больше, чѣмъ Китай (19, 3). О томъ же писали, впрочемъ, и западники и, въ частности, самые крайніе, напр. Тургеневъ. Послѣ этого понятно, почему авторъ съ такимъ огорченіемъ отзывался о русскомъ пресмыкательствѣ передъ Европой.—Либералы 60 хъ годовъ желаютъ Россіи только аттестата зрѣлости отъ Европы (20, 321). Мы рабски виляемъ передъ Европой, а получаемъ въ отвѣтъ презрѣніе (21, 24). Съ

неудовольствіемъ упоминаетъ авторъ о преобладаніи въ нашей администраціи нѣмцевъ (12, 427).

Впрочемъ, наряду съ этимъ, навязаннымъ намъ отъ предковъ глупымъ заискиваніемъ, наряду съ другими противорѣчіями въ широкомъ русскомъ характерѣ, умѣщается и немалый запасъ отвращенія и къ европейской холодной и неискренней культурѣ, которая даже, собственно, неизвѣстна русской душѣ (20, 203); и русскій втайнѣ очень любилъ, когда обличали Европу, напр., у Фонъ-Визина (4, 410). И вотъ нашъ авторъ не скупится на такія обличенія современно измельчавшей, и даже уже не существующей въ качествѣ одного цѣлаго, Европы и, преклоняясь предъ ея прошлымъ, бичуетъ настоящую жизнь ея обособившихся другъ отъ друга народностей: отъ него достается и нѣмцамъ, и французамъ, и англичанамъ, которыхъ отечества онъ объѣзжалъ и затѣмъ описывалъ въ своемъ журналѣ, еще какъ сотрудникъ „Гражданина“. Отрицательный типъ нѣмца Достоевскій описываетъ въ рассказѣ „Крокодилъ“ (особенно характерный), затѣмъ въ лицѣ доктора, лечившаго Ильюшу въ „Карамазовыхъ“ и др.; онъ рисуетъ и симпатичную фигуру нѣмца другаго типа, обрусѣвшаго душою, но сильно коверкающаго русскій языкъ: это—Герценштуббе и докторъ, лечившій Нелли въ „Униженныхъ“. Но типъ чисто нѣмецкій былъ ему за границей не симпатиченъ.—Что такое нѣмецкая семья? Ея цѣль — нажива, ея идеаль—созданіе семейнаго капитала, который растетъ черезъ поколѣнія. Капиталъ этотъ —высшая цѣль послѣднихъ, а личности только приложенія къ капиталу (5, 245). Впрочемъ, не знаю почему, Достоевскій стоялъ за союзъ съ Германіей и утверждалъ, что союзъ этотъ будетъ долговѣченъ (21, 174), и что онъ нужнѣе самой Германіи, чѣмъ Россіи: ей нуженъ такой прочный союзъ...

Автору особенно не понравились картины жизни Лондонской. — Въ Лондонѣ 500.000 рабочихъ передъ воскреснымъ днемъ, вырвавшись на однодневный отдыхъ, всю ночь пьютъ въ пивныхъ (4, 448); тамъ бѣдные люди не могутъ ни войти въ церковь, ни тѣмъ менѣе повѣнчаться въ церкви, потому что и первое стоитъ денегъ, а второе даже большихъ. Авторъ считаетъ англичанъ самыми большими эгоистами, ко всему прочему безучастными; встрѣтивъ ихъ въ Италіи съ Бедкерами, онъ замѣтилъ, что они вовсе не любятъ красоты городовъ, а просто провѣряютъ свѣдѣнія этихъ печатныхъ путеводителей (4, 435). Автору, впрочемъ, и самому не нравятся многіе шедевры европейскаго искусства: „Рубенсъ рисуетъ только говядину“ (4, 435), а соборъ Парижской Богоматери—безыдейный: на немъ только множество каменныхъ кружевъ, а нѣтъ общей красоты (4, 407).

Что касается современныхъ французовъ, то они заслужили у Достоевскаго едва ли не менѣе еще уваженія, чѣмъ англичане. Намъ уже извѣстенъ его отзывъ о томъ животномъ самосохраненіи, къ коему сводится общественная дѣятельность ихъ образованныхъ классовъ, но Достоевскому не могло быть извѣстно то возмутительное гоненіе, которое подняло французское правительство противъ народной религіи и церкви, и которое продолжается тамъ понынѣ, вотъ уже около 20 лѣтъ.

Гоняясь за республиканской свободой, „французы ужасно любятъ лакейничать передъ властью, даже иногда безкорыстно“ (4, 471)—и при томъ всеи „даже самый подленькій французъ имѣетъ благородный видъ“— (4, 459), и тѣмъ кружатъ голову русскимъ дуракамъ, не умѣющимъ различать позолоты отъ золота. На подобный обманъ, разбившій ихъ жизнь, наткнулись Полина

въ „Игрокъ“ и Аглая въ „Идіотъ“. Между тѣмъ, женщины всего менѣе должны бы увлекаться, потому что тамъ исключительно чувственный, просто магометанскій, варварскій взглядъ на женщинъ (4, 490). Да и съ мужчинами они точно боятся заговорить о чемъ либо серьезномъ, кромѣ обыденщины: русскія, даже грубоватыя природы несравненно благороднѣй ихъ: у послѣднихъ общій шаблонъ и форма все замѣняетъ (5, 253, 271), а формы эти усвоены благодаря тому, что тамъ революція 18 вѣка и внѣшнее уравниеніе сословія сразу слѣдовали за дворянской эпохой, и всѣ переняли себѣ дворянскія манеры, конечно, при прежней торгашеской и себялюбивой настроенности. (5, 307).— Искусство во Франціи мало поднимаетъ духъ націи; по крайней мѣрѣ въ театрѣ зрители не найдутъ возвышающихъ душу картинъ и словъ: сочинители пьесъ стараются только о томъ, чтобы угодить французской буржуазіи (4, 494) и помочь ей въ борьбѣ съ пролетаріями.

Нужно, однако, сказать, что, если-бъ Достоевскій прожилъ еще лѣтъ 20 или болѣе, то долженъ былъ бы нѣсколько улучшить своей отзывъ, по крайней мѣрѣ, о французской литературѣ, а то и о французской жизни вообще. Имѣемъ въ виду уже упомянутую нами „молодую школу“ его послѣдователей во французской литературѣ, которая въ лицѣ вышеназванныхъ писателей проводитъ идеи религіозныя, нравственныя и даже вѣроисповѣдныя, т. е., конечно, католическія. Впрочемъ, отзывы этихъ писателей о современномъ нравственномъ состояніи ихъ отечества еще болѣе пессимистичны, чѣмъ у Достоевскаго, который писалъ такъ: Бисмаркъ понялъ, что Франція отжила свой вѣкъ, ее ожидаетъ судьба Польши (21, 370. 371).

ГЛАВА XII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ОБЩЕСТВА КЪ ВѢРѢ И НАРОДНОСТИ.

§ 1. Помѣхи къ тому.

Приведа описаніе Достоевскимъ нашего народа въ столь привлекательныхъ очертаніяхъ и нашего общества и его неразумнаго пренебреженія къ своей Церкви и Отечеству съ еще болѣе неразумнымъ преклоненіемъ передъ Европой, которая того вовсе не заслуживаетъ, изложимъ главнѣйшія основанія свѣтлой надежды автора, что это возвращеніе Россіи *домой* все таки совершится. — Однако, прежде упомянемъ о тѣхъ помѣхахъ къ возрожденію, которыя уже успѣли вросли въ русскую почву, и въ нѣкоторомъ отношеніи перековеркали русскую душу, т. е. душу русскаго интеллигента, причастнаго къ извѣстнымъ областямъ жизни. Разумѣемъ тѣ области, которыя окончательно или почти окончательно объевропеились, т. е. лишились открытости, сердечности и широты, коими русское общество продолжаетъ разниться отъ похолодѣвшей и измельчавшей Европы, по поводу чего Достоевскій, наряду съ негодованіемъ на наше обезьянство, выражается такъ рѣшительно: мы совсѣмъ не похожи на прочихъ европейцевъ (20, 106). — Какія же это сферы жизни наименѣе національны, наиболѣе объевропеились?

Во первыхъ, наши суды. Достоевскій со вниманіемъ слѣдилъ за новыми судами; какъ бывшій осужденный старыхъ судовъ, онъ ожидалъ отъ нихъ только добраго, но разочаровался. Свое разочарованіе онъ обстоятельно выяснилъ въ описаніи судебного процесса Д. Карамазова, когда по всѣмъ правиламъ судебного дѣлопроизводства засудили невиннаго человѣка. Романъ „Братья Карамазовы“ печатался въ Русскомъ Вѣстникѣ и тогда еще было извѣстно, что столичные адвокаты и другіе юристы хотя и со злостью, но и съ напряженнымъ интересомъ слѣдили за описаніемъ помянутаго процесса, бывали часто не въ состояніи дождаться выхода книжки журнала и еще наканунѣ выхода ея забѣгали въ редакцію, прося дать имъ корректурный экземпляръ. — Подъ именемъ Оетюковича авторъ, говорятъ, описалъ извѣстнаго адвоката Спасовича, котораго, впрочемъ, онъ и прямо обличалъ въ „Дневникѣ Писателя“, какъ типичнаго представителя этого нерусскаго и несимпатичнаго ремесла, „дающаго эффектъ вмѣсто дѣла“ (20, 64). Адвокатура засушиваетъ совѣсть людей, писалъ Достоевскій (20, 84), а адвокатъ Утинъ позволялъ себѣ съ этой трибуны правосудія кощунствовать надъ словомъ Христовымъ: „прощаются грѣси ея мнози, яко возлюби много“, прилагая ихъ къ одному грязному процессу, едва ли не съ убійствомъ на эротической почвѣ (20. 170). — Вообще, заявляетъ авторъ: современный судъ не—русскій; адвокаты и прокуроры неправдивы; молодой Россіи нуженъ русскій судъ (21,328—т. е. менѣе казенно-формальный, а болѣе совѣстный).

Далѣе, самая любимая и самая уважаемая нашимъ авторомъ отрасль жизни—литература и наука тоже обращается на западный манеръ въ ремесло и совершенно удаляется отъ завѣтовъ Пушкина поэту и мыслителю:

„Ты царь, живи одинъ; дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ“. — Современные писатели, сѣтуетъ Достоевскій, пишутъ для новыхъ читателей (14,3), и литературныя занятія развращаютъ человѣка (14,4). — Не выношу, признается нашъ авторъ, когда изъ ученыхъ или литературныхъ занятій дѣлаютъ священнодѣйствіе (14,209), — т. е. важничаютъ и надуваются. — Достоевскій съ глубокимъ отвращеніемъ относится къ тенденціозно-обличительной прессѣ, нерѣдко продажной и во всякомъ случаѣ не останавливающейся ни предъ какою клеветой. Въ рассказѣ „Крокодилъ“ и въ повѣсти „Идіотъ“ онъ приводитъ примѣръ такой гнусной клеветы, соединенной съ жестокой безчеловѣчной диффамацией подъ видомъ прогрессивнаго увлеченія и священнаго негодования (11, 388). — Да и наукой, по его же наблюденію, занимаются уже не безкорыстно, какъ прежніе профессора-идеалисты, а эгоистично (20, 197). Но ученаго патріота-идеалиста не пощадитъ своя же пресса въ ущербъ всякой правдѣ. Достоевскій останавливается на возмутительномъ случаѣ, когда въ Австріи арестовали нашего историка Иловайскаго, изслѣдовавшаго древности въ русской Галиціи, а петербургскіе педагоги склонны были оправдывать этихъ политическихъ инквизиторовъ и „обвинять“ кабинетнаго ученаго въ русской пропагандѣ (21, 335). — Не напрасно бѣсенокъ въ гостяхъ у Карамазова оправдываетъ свою дѣятельность на землѣ тѣмъ, что, если онъ ее прекратитъ и вездѣ воцарится добродѣтель, то люди перестанутъ выписывать газеты и журналы, такъ крѣпко, слѣдовательно, связанные съ грѣхомъ и порокомъ), и произойдетъ остановка въ прогрессѣ и просвѣщеніи (18, 233). Но просвѣщеніе и такъ не прогрессируетъ, по справедливому даже въ то время мнѣнію автора (а послѣ его смерти оно упало еще ниже,

особенно въ 20-мъ вѣкѣ), и вмѣсто прежняго типа широко-просвѣщеннаго русскаго интеллигента у насъ теперь, пишетъ Достоевскій, — подняли носъ необразованные техники, инженеры и другіе спеціалисты (15, 112), а оригинальныхъ мыслителей — говорить онъ — у насъ до странности мало (8, 370).

Лгущая пресса, наемническаго духа наука, подражаніе хвастунамъ иностранцамъ создаетъ у насъ типы врачей, которые особенно теперь отличаются при новыхъ средствахъ обращенія съ людьми, не могущими провѣрить ихъ показаній, т. е. съ сосѣдями въ вагонахъ и пароходахъ; выработался типъ „русскаго интеллигента, который вретъ безъ конца и не стыдится“: это типъ лгуна совершенно безсовѣстнаго (19, 297). Такіе типы особенно любятъ лгать и представляться въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходахъ (19, 417), хотя такъ же не трудно встрѣтить и другое, совершенно безвредное явленіе — русскихъ людей, которые, какъ замѣчаетъ авторъ, вдругъ расскажутъ вамъ, совершенно незнакому человеку, всю біографію (19, 414). Это уже чисто русское явленіе.

Однако, въ общемъ пореформенная Россія не очень радуется автору, такъ какъ накладываетъ на все петербургскій, нерусскій духъ.

Благодаря ему и вождедѣнная всѣмъ русскимъ народомъ воля 1861 года не исправила прежнихъ нелѣпыхъ сторонъ жизни (19, 263). — Да, Петербургскій духъ не русскій. Характеръ Петербургской жизни, говоритъ авторъ, мрачный и фатальный (7, 249), и самый лучшій ея видъ, т. е. видъ Петербурга съ Невы, пишетъ онъ, носить духъ холода, нѣмой и глухой (8, 162). Онъ мертвитъ присущую русской душѣ открытость и искренность, и если прежде это былъ духъ богатыхъ крѣпостниковъ-

самодуровъ, то послѣ реформы онъ еще болѣе отрѣшилъ столичное общество отъ народа и лишилъ его естественности. Ненавижу, писалъ Достоевскій, великосвѣтскіе приемы дѣлать видъ, что не слышишь неприятныхъ тебѣ словъ и, не стѣсняясь, перемѣнять разговоръ (7, 330). Вполнѣ современная эпохъ петербургская барышня Аглая горячо укоряетъ идеалиста князя Мышкина въ томъ, что составляетъ высшую евангельскую добродѣтель: „зачѣмъ въ васъ гордости никакой нѣтъ.“ (11, 31).

При всемъ желаніи умолчать еще объ одной укоризнѣ современной автору русской жизни, не считаю себя на то въ правѣ, хотя и увѣренъ, что онъ выразился бы объ этой средѣ болѣе благопріятно, если бъ лучше ее зналъ, — разумѣю приходское духовенство. Освобожденный и предоставленный себѣ народъ нуждается болѣе всего въ духовномъ руководствѣ. Гибель народу безъ слова Божьяго, восклицаетъ нашъ писатель устами старца: должно быть и ученіе, но съ добрымъ примѣромъ (17, 23); однако, только истинные іереи-подвижники о томъ стараются, а прочіе безучастны къ народу (21, 204); лишь вѣчное нытье о жалованіи и неохота учить народъ (20, 25). При всемъ этомъ авторъ обезпеченію духовенства вполнѣ сочувствуетъ, но желалъ бы, чтобы духовные отцы независимо отъ сего занялись усерднѣе своимъ дѣломъ. — Причинъ равнодушія авторъ здѣсь не указываетъ, но ее искать должно въ ненародности и нецерковности семинарскаго и академическаго образованія, что дало автору право называть семинаристовъ, наряду съ дворянами, людьми отъ народа отрѣшенными.

Наконецъ, въ числѣ печальныхъ явленій пореформенной жизни авторъ указываетъ на нѣкоторое развращеніе женскаго пола, хотя въ общемъ онъ преклоняется предъ русской женщиной, какъ мы видѣли раньше, и

стоитъ за предоставленіе ей высшаго образованія. Здѣсь же онъ, повидимому, разумѣетъ прежде всего велико-свѣтскихъ столичныхъ дамъ. — Свѣтскія дамы крайне развращены и для такихъ дѣлъ на все способны (15,255). Холодная распутница не потеряетъ себя до брака, но для нея мужъ только первый любовникъ (5,453); вообще же она предается слѣпой, безумной ревности (7, 60). Впрочемъ, послѣднее въ нѣкоторой степени присуще вообще женской природѣ, а иногда и дѣтству. (7,415). — Какъ видите, нашъ писатель не закрываетъ глазъ на мрачныя стороны русской жизни и даже современныхъ ему русскихъ характеровъ, а потому, читая далѣе его изреченія и мысли о близкой возможности нравственнаго возрожденія русской души, не сочтите его за мечтателя, видящаго все только въ розовомъ цвѣтѣ. Нынѣ, намъ открываетъ свѣтлыя перспективы человѣкъ, извѣдавшій зло жизни, изучившій человѣческую злобу и преступность и все таки не потерявшій вѣры въ человѣка.

§ 2. Благопріятствующія условія, заложенныя въ душѣ человѣческой.

Читатель уже знаетъ изъ всего предыдущаго о томъ, что призывъ Достоевскаго къ обществу указывалъ послѣднему путь нравственнаго возрожденія чрезъ отказъ отъ языческаго взгляда на жизнь, чрезъ сознаніе своей виновности предъ Богомъ и ближними и борьбу съ духомъ гордыни и самооправданія; отсюда и возникаетъ уже вѣра въ слова Христовы и въ будущую жизнь, а затѣмъ сочувствіе и уваженіе къ тому народу, который руководится этою вѣрой уже почти тысячу лѣтъ и

усвоилъ себѣ на жизнь, воззрѣнія, предложенныя въ Евангеліи.

Какъ знаетъ читатель, Достоевскій учитъ, что хранить непоколебимую вѣру и утверждаться въ ней можетъ только тотъ русскій человѣкъ, который будетъ искать сердечнаго и бытового сближенія съ народомъ и пожелаетъ служить ему преимуществами своего образованія и общественнаго положенія. Это не очень легко для исковерканнаго ненаціональнымъ бытомъ и чуждыми народу нехристіанскими и германскими предразсудками интеллигента, но въ сердцахъ и умахъ русской интеллигенціи осталось, не взирая на многія препятствія, не мало и благопріятныхъ условій для нравственнаго возрожденія и сліянія съ вѣрующимъ и любящимъ всѣхъ народомъ нашимъ. Тѣ изъ этихъ благопріятствующихъ условій, которыя представляютъ собою отличительныя черты русскаго человѣка отъ прочихъ европейцевъ, приближающія его къ обще-русскому народному типу, мы по Достоевскому уже указывали, но есть еще и другія, которыя нужно скорѣе признать общечеловѣческими, зовущими людей ко всему высокому и прекрасному вообще, а къ своему родному и святому въ особенности.

Должно, конечно, признать, что Достоевскій, вопреки мнѣнію о немъ противниковъ, былъ оптимистъ, оптимистъ послѣдовательный, вполнѣ установившійся въ своемъ міровоззрѣніи какъ въ философскомъ, такъ и въ національномъ вообще. По нѣкоторымъ своимъ изреченіямъ онъ можетъ показаться, какъ мы сказали, даже оптимистомъ наивнымъ, слишкомъ хорошо думающимъ и слишкомъ легко представляющимъ возможность перехода отъ зла къ добру, почитающимъ сліяніе общества съ народомъ и переходъ Россіи къ жизни по національнымъ и нравственнымъ началамъ слишкомъ близкимъ.

Но мы надѣмся показать, что это не такъ просто по Достоевскому, а проста только первоначальная рѣшимость. Впрочемъ, чтобы не отпугнуть читателей отъ своихъ идей и упованій, Достоевскій усваиваетъ ихъ то „Смѣшному Человѣку“, то „Идіоту“, то спившемуся алкоголику Мармеладову, то полоумному маниаку Кириллову и т. п. персонажамъ, къ которымъ читатель отнесется съ большей терпимостью и снисхожденіемъ, чѣмъ если-бъ все это авторъ говорилъ отъ себя или отъ положительнаго типа. Къ тѣмъ уродцамъ читатель отнесется безъ предубѣжденія и удостоитъ ознакомиться съ ихъ мыслями, какъ бы съ бредомъ, а ознакомившись, призадумается, и, призадумавшись, пойметъ, что не Смѣшной Человѣкъ глупъ, и не Идіотъ, а тѣ, которые ихъ такими почитаютъ.

Затѣмъ, заручившись уже авторитетомъ въ глазахъ читающаго общества, нашъ писатель началъ вырисовывать предъ нимъ, тоже съ осторожной постепенностью, положительный типъ русскаго интеллигента, нормальнаго въ физическомъ отношеніи, но на второстепенныхъ и и даже третьестепенныхъ роляхъ своихъ повѣстей. Они малымъ чѣмъ отличаются отъ Идіота и Смѣшнаго Человѣка, потому что тоже подавили въ себѣ самолюбіе (въ этомъ заключается половина или даже девять десятыхъ нравственнаго возрожденія) и живутъ не для себя, а для другихъ. Съ современной, гвардейской точки зрѣнія они тоже смѣшны, но послѣдовательность событій, среди которыхъ они являются добрыми геніями своихъ близкихъ, показываетъ, что смѣшны не они, а тѣ, которые надъ ними смѣялись. Таковъ Ваня, самолично отведшій охладѣвшую къ нему невѣсту къ ея ничтожнѣйшему любовнику; таковъ и Разумихинъ, нянчившійся все время съ Раскольниковымъ; таковъ и Шатовъ, съ восторгомъ принимающій измѣнившую ему жену и рождаемаго ею не-

законнаго ребенка; таковъ и старецъ Макаръ, отецъ Подростка, уступившій свою жену барину-любовнику. Впрочемъ, авторъ давно писалъ такъ: „самый великій подвигъ человѣка — ограничиваться положеніемъ второго лица въ жизни“ (7, 366); въ послѣдствіи онъ выражался еще опредѣленнѣе о подобныхъ типахъ. — Приниженные натуры иногда носятъ въ себѣ больше нравственныхъ сокровищъ, чѣмъ всѣ прочія (14, 256); таковъ и его Макаръ Дѣвушкинъ, и „Кроткая“, и несчастный женихъ въ „Слабомъ Сердцѣ“, и Нечочка Незванова и ея патронесса въ эпилогѣ повѣсти, и героиня „Маленькаго Героя“ и много другихъ подобныхъ типовъ, особенно въ первыхъ томахъ его твореній. И только за нѣсколько лѣтъ до смерти, когда все общество было подъ обаяніемъ генія Достоевскаго, онъ рѣшается вывести тотъ же типъ, какъ центральный въ своей послѣдней большой повѣсти, и уже безъ всякихъ комическихъ къ нему атрибутовъ; разумію Алешу Карамазова и старца Зосиму, до котораго онъ долженъ возрасти.

Такимъ образомъ, Достоевскому, единственному изъ русскихъ, а можетъ быть и изъ міровыхъ писателей, удалось не только привести своего героя къ покаянію, чѣмъ занимались съ успѣхомъ всѣ наши романисты, но и начертить положительный типъ русскаго человѣка и народнаго дѣятеля, сперва прикрытаго облакомъ болѣзни, а потомъ и во всей его обаятельной духовной красотѣ. Это одно уже показываетъ, что Достоевскій не былъ строителемъ воздушныхъ замковъ, не идеализировалъ людей, а зналъ ихъ слабости и порочность, и зналъ, къ чему призывалъ ихъ и какимъ путемъ-дорогою придется имъ идти къ высокой цѣли. Легкимъ почиталъ Достоевскій, да и то не для всѣхъ, только первую рѣшимость обратиться къ добру и къ народу. Въ такомъ

смыслъ прошу читателя разумѣть большую часть афоризмовъ нашего писателя, которые мы сейчасъ начнемъ приводить.

Свой призывъ къ любви и правдѣ Достоевскій основываетъ на томъ, что и любовь и правда сами по себѣ дороги всякому человѣку.— Зачѣмъ я бываю золъ, спрашиваетъ онъ, когда такъ хорошо быть всегда добрымъ (4, 308). — Вѣдь во всякомъ человѣкѣ добра больше, чѣмъ кажется по началу (4, 312). — Люди смотрятъ суровѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, а только они стыдятся своихъ добрыхъ чувствъ (2, 358). На этомъ основывается такое оригинальное наблюденіе автора. Портретъ не то, что фотографія, схватывающая ваше случайное выраженіе, ибо человѣкъ рѣдко бываетъ самъ на себя похожъ (15, 280—только въ лучшія минуты), но художникъ умѣетъ угадать и написать васъ такимъ, какой вы есть по существу, т. е. лучше, чѣмъ въ разные моменты вашей жизни, въ минутномъ раздраженіи и т. п.

Авторъ нашъ признаетъ въ человѣкѣ присутствіе болѣе добраго и умнаго содержанія ума и души, чѣмъ это кажется окружающимъ. Писатели предпочитаютъ изображать типы рѣдкіе, пишетъ онъ: а ты найди рѣдкое (т. е. цѣнное) въ шаблонномъ человѣкѣ (11, 213, 215).

Отсюда видно, сколь неправы шаблонные критики, усвоившіе себѣ нелѣпное заключеніе, будто герои Достоевскаго поголовно психопаты, истерики, эпилептики и т. п. Это одна изъ нелѣпостей, сдѣлавшаяся трюизмомъ. Правда, въ твореніяхъ нашего писателя вы часто наталкиваетесь на трагическія картины, но въ чьей жизни ихъ не бываетъ? Кто не оплакивалъ смерти близкихъ? Измѣну жены или мужа? Разореніе и безславіе? Кто не выходилъ часто изъ себя—дома и въ обществѣ? Кто не

мучился своими проступками? и т. д. Разница между Достоевскимъ и „писателями для гостинныхъ“ не въ выборѣ героевъ, а въ томъ, что онъ описываетъ ихъ болѣе глубокия переживанія, а вторые—ихъ свѣтскую жизнь или грѣхи молодости. Здѣсь надо вспомнить анекдотъ Чичикова: полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Наконецъ, едва ли какой писатель избѣгалъ и трагическихъ событій изъ жизни своихъ героевъ, но мало кто изъ нихъ описывалъ ихъ внутреннія переживанія столь подробно и мастерски, какъ Достоевскій: большинство прочихъ ограничивалось описаніемъ событій.

Авторъ выражаетъ сомнѣніе, что люди сами не знаютъ, насколько крѣпко въ нихъ заложено стремленіе къ правдѣ и любви. Когда, наконецъ, всѣ поймутъ, что напрасно отдалялись другъ отъ друга, тогда явится и знаменіе Сына Человѣческаго (17. 39). — Вѣдь рай вокругъ насъ и въ насъ самихъ: только пойми сіе (17, 12; 17, 38). Поэтому по Достоевскому, „кто внутренно счастливъ, тотъ исполнилъ предназначеніе Бога о человѣкѣ“ (16, 93). И только ожесточеніе, доведшее до современной невозможности любить, есть знакъ гибели души, и потому вѣчное мученіе будетъ удѣломъ только тѣхъ, которые возненавидятъ Бога и дарованную Имъ жизнь (17, 73—а не явится просто карою за содѣянные грѣхи). — Къ такому настроенію былъ близокъ ренегатъ изъ семинаристовъ Кирилловъ, говорившій, что его всю жизнь Богъ мучилъ (12, 159). Впрочемъ, и ему—самоубійцѣ Достоевскій не отказываетъ въ добрыхъ чувствахъ и прекрасныхъ мысляхъ, которыя и самъ писатель разделяетъ: люди бываютъ злы только потому, что сами не знаютъ, что они хороши (12, 330).

Возвратившійся къ вѣрѣ Степанъ Трофимовичъ го-

ворить, умирая, что жизнь есть безконечная радость. (13, 444). Такого же духа исполнены предсмертныя рѣчи старца Зосимы и старичка Макара Долгорукова. Читатели повѣстей Достоевскаго и сами знаютъ, что одна изъ главныхъ его идей, къ которой онъ постоянно возвращается, заключается въ томъ, что въ каждомъ, даже въ злодѣѣ, много добраго, и добро сроднѣе его душѣ и глубже виѣдрено въ нее, чѣмъ зло. Таковы даже печальные герои Мертваго Дома, такъ искренно и горько каявшіеся передъ причащеніемъ Святыхъ Тайнъ. — Люди, даже злодѣи, заявляетъ нашъ писатель, гораздо наивнѣе, чѣмъ это кажется по началу, да и мы сами также (16, 14 — т. е. писатели и вообще передовые люди).

Такъ Достоевскій облегчаетъ возвращеніе отщепенцевъ отъ вѣры и народности къ роднымъ началамъ: онъ убѣжденно внушаетъ человѣку: ты лучше, чѣмъ тебѣ казалось, и Богъ и Россія къ тебѣ ближе, чѣмъ ты думалъ; твое горделивое пренебреженіе вѣрою и народностью граничило съ отчаяніемъ, но не отчаивайся: ты добрѣе, чѣмъ самъ о себѣ думалъ. Эту послѣднюю мысль нашъ писатель выясняетъ съ разныхъ сторонъ во многихъ своихъ твореніяхъ: по послѣднимъ можно перечислить и причины, по которымъ люди и сами себя не понимаютъ, и съ ближними ладить не умѣютъ, и потому ожесточаются. Первая причина—привычка представляться, вторая—застѣнчивость. — Любятъ люди представляться даже иногда въ ущербъ своимъ выгодамъ (16, 14) Такимъ способомъ исковеркали окончательно свой и безъ того развращенный характеръ старый Карамазовъ, Версиловъ, Ставрогинъ, Свидригайловъ, юноша Ипполитъ, Ползунковъ, Лебедевъ въ „Идіотъ“, генераль Иволгинъ и мн. др. Психологія ихъ такова: я испорченный человѣкъ и меня можно презирать, такъ пусть же презираютъ до

конца; не хочу человѣческихъ похвалъ, ни даже благословенія Божія: не явился я праведникомъ, такъ и погибай душа моя съ демонами. Такова же и Настасья Филипповна и Грушенька, признававшіяся, что онѣ по нѣсколько лѣтъ жили злобою на людей за свою обиду (10, 250) и др. типы обоого пола. Особенно свойственно подобное настроеніе бываетъ людямъ, озлобленнымъ какою либо тяжкою бѣдою, которая разбила ихъ жизнь; таковы въ большинствѣ своемъ сейчасъ поименованные типы. — Есть люди, пишетъ о Настасѣ Филипповнѣ авторъ, находящіе злобное наслажденіе въ полученіи оскорбленій (11, 120, 174). Человѣкъ, особенно женщины, любятъ считать себя, и даже быть на самомъ дѣлѣ, оскорбленными (9, 6). Такія натуры, будучи огорчены, придираются къ ближнимъ и незаслуженно обижаютъ лучшихъ друзей (7, 1012). Таковъ отецъ Наташи въ „Униженныхъ“, сама Нелли, Катерина Ивановна въ „Преступленіи“ и мн. др. Если окружающіе понимаютъ значеніе такихъ вспышекъ, то домашній миръ не нарушается. Да и вообще по Достоевскому человѣческія ссоры больше недоразумѣнія, чѣмъ злая воля. Люди бранятся, по его мнѣнію, больше потому, что не умѣютъ толкомъ объяснить другъ другу своихъ мыслей; по сей послѣдней причинѣ и дѣти постоянно дерутся другъ съ другомъ (20, 46).

§ 3. Достоевскій и байронизмъ. Но и эти условія встрѣчаются съ помѣхами.

Честь и слава тому члену семьи или общества, который все это понимаетъ и умѣетъ предотвратить такое неразумное раздраживаніе человѣкомъ самого себя или

своихъ ближнихъ; но горе даже добрымъ людямъ, если они, не борясь со своимъ раздраженіемъ, изъ ложнаго стыда подавляютъ въ себѣ или скрываютъ свои добрыя расположенія къ ближнимъ.

Жребій геніевъ—открывать людямъ то, что было близко ихъ умамъ и сердцамъ, но чего они сами не умѣли замѣтить и сознать. Застѣнчивость и ложный стыдъ, конечно, явленія, давно извѣстныя всѣмъ: противъ ложнаго стыда имѣются наставленія еще въ глубокой древности, напр. въ библейской книгѣ Іисуса, сына Си-рахова; но никто до Достоевскаго не придавалъ такого рокового значенія ошибкамъ человѣческаго сердца. Нашъ же писатель въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“ поясняетъ, что даже самые любящіе и безупречной жизни родители, стѣсняющіеся обнаруживать свою любовь къ дѣтямъ, могутъ этимъ совершенно разстроить семью, такъ что она подвергнется фатальнымъ бѣдствіямъ. Добрѣйшая и чистая дѣвица, не встрѣчая ласки отъ отца, отдалась и отдала свою честь пустѣйшему мальчишкѣ, обладавшему нѣжнымъ обращеніемъ, и надолго бросила свою достойнѣйшую семью. Сдержанное отношеніе мужа „Кроткой“, нежеланіе показать женѣ свою сердечную любовь, довело эту религіозную и честную женщину до самоубійства. Достоевскій вообще неоднократно возвращается къ той мысли, что болѣзненная застѣнчивость, свойственная людямъ, мѣшаетъ имъ обнаруживать свои чувства. (5, 87) Бываютъ мужскіе и женскіе характеры, исполненные любви, но не могущіе по застѣнчивости ея обнаружить. (21, 389). Даже о женщинахъ авторъ выражается подобнымъ же образомъ. — Нѣкоторыя очень нѣжныя натуры не могутъ никогда обнаружить чувствъ, и кажутся черствыми и безучастными, что весьма губительно вліяетъ на семью. Ожесточенію семейныхъ ссоръ

содѣйствуетъ еще и то, что женщина обыкновенно не сознается въ несправедливомъ поступкѣ, но потомъ (когда уже поздно) готова каяться горько (7, 259).

Таковъ современный челоувѣкъ, точнѣе современный интеллигентъ, не русскій только, но вообще всякій, усвоившій европейскую языческую культуру, унаслѣдованную отъ древнихъ римлянъ и германскихъ варваровъ. Она была наполовину смягчена въ эпоху рыцарей, но эти же рыцари придали ей долговѣчность, облекли многіе предразсудки язычества въ форму христіанскихъ вѣрованій и истолковали самый догматъ искупленія въ формѣ дуэли. Что же побуждаетъ самолюбиваго тщеславнаго европейца, старающагося болѣе всего о томъ, чтобы нравиться людямъ и собирать похвалы за достоинства, которыхъ у него даже нѣтъ, скрывать свои дѣйствительныя достоинства и стыдиться ихъ даже передъ родителями? Въ холостой юной средѣ такое извращеніе понятій идетъ еще дальше: въ обществѣ юнкеровъ, студентовъ, прапорщиковъ хвалятся тѣмъ, чего должно стыдиться, и стыдятся того, что достойно похвалы; хвалятся развратомъ, пьянствомъ, задоромъ, непослушаніемъ родителямъ, а стыдятся цѣломудрія, трезвости, уступчивости, послушанія, ласки. Школьники, говоритъ Достоевскій, порознь — ангелы, а вмѣстѣ — чертенята: они жестоки, они замучаютъ товарища, если обиженный жалуется (21, 43). Поэтому никогда не должно допускать подобія дѣтскихъ республикъ съ самосудомъ (20, 22). — Впрочемъ, не только тупые подростки могутъ такъ сбиться съ пути, но и взрослые любятъ иногда клепать на себя, какъ дѣлалъ, напр., писатель Гейне (5, 47). Подобное же свойство, прибавимъ кстати, обнаруживаетъ одинъ изъ героевъ Идіота, когда общество у Настасьи Филипповны сговорилось, чтобы каждый признался въ самомъ безнрав-

ственномъ поступкѣ своей жизни. Тотъ типъ надѣялся этимъ способомъ вызвать и другихъ на откровенность, но это ему не удалось. Думается, что подобный опытъ произвелъ однажды и самъ Достоевскій надъ помянутымъ уже Страховымъ, а тотъ повѣрилъ и написалъ скверную статью Л. Толстому, которая не такъ давно проникла въ печать.

Возвращаемся къ вопросу: почему люди стыдятся добрыхъ чувствъ? почему хвалятся скверными? Потому, что европейская культура проповѣдуетъ, хотя и не ясно, но всѣмъ своимъ укладомъ, — поклоненіе силѣ, власти, своеволю, гордости. Мы уже читали слова Достоевскаго о томъ, что не было культуры враждебнѣе христіанству, чѣмъ культура римская; но она же есть и европейская, и сатанинская въ нѣкоторомъ смыслѣ. Не удивляйся, читатель: вѣдь ты знаешь, что поклоненіе сатанѣ происходитъ теперь во всѣхъ столицахъ Европы и притомъ въ самыхъ передовыхъ слояхъ общества. Если бы о семъ кто либо предсказалъ лѣтъ 70 тому назадъ, то люди бы ужаснулись и не повѣрили, но на самомъ дѣлѣ и тогда уже, и еще раньше, съ конца 18-го вѣка, — правда, въ нѣсколько прикрытой формѣ, — почитаніе начало переходить отъ Спасителя къ Его врагу.

Съ этого времени дьяволъ становится однимъ изъ любимыхъ героевъ первоклассныхъ поэтовъ — Гете, Шиллера и др., сперва какъ олицетвореніе соблазна и протеста противъ Бога, но затѣмъ уже, какъ благородное существо, не пожелавшее рабствовать Промыслу. Такой типъ сталъ любимымъ въ поэзіи Байрона, если не въ формѣ дьявола, то во всякомъ случаѣ подобнаго ему по характеру — мрачный, непокорный, гордый, холодный и насмѣшливый. Такимъ же онъ перешелъ въ поэзію Лермонтова и даже Пушкина въ болѣе молодомъ

періодъ его жизни. При этомъ замѣчательно то, что эта эпоха, скажемъ—эпоха современная, лишила дьявола и той единственной добродѣтели, правда, въ его существѣ чисто формальной, которою его надѣляетъ богословіе, — т. е. цѣломудрія. У европейскихъ поэтовъ онъ является то сводникомъ, то даже влюбленнымъ. — Впрочемъ, бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что это погибельное существо или это погибельное состояніе души, столь отвратительное для послѣдователей ученія Христова, является не то идеаломъ, не то нормою для европействующаго интеллигента. Правда, все подобное проходитъ не въ ясномъ сознаниіи человѣка, а усваивается незамѣтно и полусознательно, но довольно глубоко, хотя и не безъ постояннаго внутренняго протеста сердца, особенно сердца русскаго. Но, если въ своей внутренней и даже семейной жизни современный интеллигентъ и не примиряется съ подобнымъ настроеніемъ и отталкиваетъ его отъ себя, то въ жизни общественной онъ готовъ рабствовать ему во всякомъ случаѣ гораздо исправнѣе, чѣмъ заповѣдямъ Евангелія. — Кто же возразить противъ того, что гнусный обычай дуэлей всецѣло основанъ на такомъ поклоненіи силѣ, гордости и злобѣ? А какъ жестоко поработилъ этотъ обычай нашу общественную жизнь и въ консервативныхъ, и въ либеральныхъ кругахъ!

Указанное поклоненіе протесту, злобѣ и отрицанію усилилось особенно съ тѣхъ поръ, какъ огромная часть силъ ученыхъ перешла въ лагерь профессиональных враговъ религіи, враговъ Христа; это во первыхъ, а во вторыхъ, когда повсюду запахло революціей. Смирненіе, послушаніе, всепрощеніе стали представляться чѣмъ-то, хотя и милымъ, но слабымъ и глупенькимъ, а зло, или гордыня—чѣмъ-то могучимъ, величественнымъ и разумнымъ. Нѣмецкій философъ Ницше уже безъ всякаго

укрывательства и смягченія объявилъ себя и міровой разумъ врагомъ евангельской любви и милосердія, и прославилъ жестокость въ борьбѣ за существованіе. Онъ только болѣе искренно договорилъ то, что вытекало логически изъ эволюціонныхъ теорій, изъ дарвинизма и социализма. Но до сихъ поръ люди не рѣшались на такую откровенность и замазывали безнравственный духъ своихъ системъ лицемѣрнымъ заявленіемъ, будто они сомнѣваются только въ догматахъ религіи, а нравственное ученіе Евангелія принимаютъ съ благоговѣніемъ. Ницше снялъ эту маску, и его съ восторгомъ читали 25 лѣтъ, особенно въ Россіи, гдѣ меньше умѣютъ лицемѣрить, чѣмъ за границей. Онъ и его популяризаторы не мало помогли кровавымъ разстрѣламъ и безобразнымъ кошунствамъ послѣднихъ двухъ лѣтъ; а потомъ также и прежній байронизмъ.

И вотъ одною изъ огромныхъ и еще не оцѣненныхъ заслугъ Достоевскаго было *развѣнчаніе байронизма* и діавола. Вопреки величественному, хотя и мрачному облику діавола, въ которомъ его представляли нѣмецкіе классики и особенно байронисты, нашъ писатель представляетъ его ничтожнымъ приживальщикомъ (18, 214, 231). Такимъ онъ является Ивану Карамазову, и такимъ онъ чувствуется Раскольникову (9, 270), да пожалуй и Версикову (15, 351). — Онъ былъ именно мелкій бѣсъ (замѣчательно, что таковъ діаволь и въ нашей народной поэзіи); онъ являлся въ видѣ господина, желавшаго казаться элегантнымъ, но выглядѣлъ поношеннымъ неудачникомъ, изгоемъ; послѣднее не сразу бросалось въ глаза при видѣ его моднаго костюма, но выяснялось внимательному взору. Исполнявшій волю діавола челоуѣкъ—Ставрогинъ—тоже казался своей юродивой женѣ чѣмъ то великолѣпнымъ (онъ былъ красивъ, но имѣлъ мертвое выраженіе), а по-

томъ — поддѣлкой, двойникомъ, и она, прозрѣвъ ничтожность его души, кричала ему въ слѣдъ: самозванцу Гришкѣ Отрепьеву анафема.

Да не подумаетъ читатель, будто я ввожу его въ область мистическую или, какъ онъ, пожалуй, сказалъ бы, мифологическую: Достоевскій не о томъ заботился, чтобы сообщить свое ученіе о настоящемъ діаволѣ, а представляетъ въ его лицѣ то настроеніе, которымъ проникается человѣкъ, утвердившійся въ діавольскомъ намѣреніи, т. е. человѣкъ, гордо отрицающій послушаніе Богу и преклоняющійся передъ отрицаніемъ и своеволіемъ, которыя онъ возводитъ въ своего рода апофеозъ, и иногда дѣйствительно симпатизируетъ діаволу. Но, если онъ отрицаетъ даже самое существованіе послѣдняго, а равно и бытіе Божіе, то онъ все таки рисуетъ въ своемъ воображеніи отрицателя сверхчеловѣкомъ, гордымъ, сильнымъ и прекраснымъ, но таковымъ онъ кажется только тупымъ дѣвицамъ и то лишь на нѣкоторое время, какъ Ставрогинъ, на самомъ же дѣлѣ скоро *протухаетъ*, т. е. поддается мелкимъ ничтожнымъ страстишкамъ — разврата, какъ Ф. П. Карамазовъ, запоя, какъ Степанъ Трофимовичъ, или въ старости мелкому лакейскому тщеславію, какъ Карамазиновъ. Иногда такіе демоническіе типы уже и вовсе не могутъ скрыть своего ничтожества, — оказываются альфонсами и подлипалами, какъ Ракитинъ, и даже воришками, какъ гордый женихъ Грушеньки. Чтобы, служа страстямъ, сохранять независимый авторитетный видъ, они должны скрывать многое, а для сего обманывать и лгать и даже мошенничать, какъ и поступалъ другой демоническій типъ, князь Вальковскій въ „Униженныхъ.“ Онъ величественно издѣвался надъ людьми, свысока осмѣивалъ добродѣтель и никого не боялся. Но когда послѣ одной гадости получилъ отъ смиреннаго

Вани оплеуху и плевокъ въ фізіономію, то проглотилъ все это и ретировался.

Величіе и красота не можетъ принадлежать злу, ибо красота, по Достоевскому, есть норма, здоровье, почему всѣ къ ней и стремятся (19, 43); а если женщины временно увлекаются якобы красотой порока, то потому, что, поддаваясь фантазіи, онѣ, по Достоевскому, въ подобныхъ случаяхъ видятъ передъ собой не дѣйствительнаго человѣка, а совсѣмъ иного, воображаемаго. — Женщина, — пишетъ авторъ, обожаетъ свою мечту, хотя и въ ничтожномъ человѣкѣ; такъ поступала Грушенька, Аглая, Наташа (5, 408, 468).

Въ подтвержденіе того, что внѣшняя красота неотторжима отъ нравственной, можно привести нѣсколько оригинальныхъ наблюденій Достоевскаго. Онъ пишетъ: женщина, сохранившая ясность духа, носить на лицѣ своемъ до старости отпечатокъ красоты (8, 289). — Правда, бываетъ у людей чисто животная красота, какъ выраженіе страстности; она тоже привлекаетъ къ себѣ страсти другихъ, но это не истинная любовь, и не красота: въ этихъ случаяхъ страстная привязанность, судя по героямъ Достоевскаго, перемѣшивается съ ненавистью и бываетъ причиной преступленій. Такова любовь Иволгина къ Настасьѣ и Рогожина къ Екатеринѣ Ивановнѣ, любовь Версилова; да и много другихъ примѣровъ подобныхъ двоякихъ отношеній представляетъ авторъ въ своихъ герояхъ, — отношеній, приводящихъ къ фатальному исходу.

Итакъ, нашъ писатель сокрушаетъ ту мнимую твердыню, которая удерживала образованныхъ по-европейски людей отъ усвоенія духа Христова и духа народнаго: онъ низвелъ „печальнаго демона, духа изгнанія“ на положеніе мелкаго бѣса и предупредилъ всѣхъ богопротивниковъ, что, удаляясь по гордости отъ Христа и отъ народа, они

обратятся не въ лордовъ Байроновъ, не въ Наполеоновъ, а въ Федора Карамазова или въ самого убійцу Ставрогина, который съ перваго взгляда кажется героемъ, богомъ протеста, а на самомъ дѣлѣ оказывается просто развратнымъ хулиганомъ-скандалистомъ. Пусть же люди не стыдятся своихъ добрыхъ чувствъ, ихъ сердечнаго нѣжнаго проявленія, пусть устраиваютъ свою семью и всякую сферу своего вліянія любовью и на вопросъ своего ума: взять ли силою или смиренною любовью? — отвѣчаютъ словами старца Зосимы: „возьму смиренною любовью“.

§ 4. Въ чемъ авторъ видитъ дѣйствительную силу человѣческой души.

Безумцы мечтаютъ бороться съ Богомъ и въ противленіи ему стараются усмотрѣть красоту и величіе, но они не уразумѣли своевременно того, что бороться имъ приходится не только съ Богомъ и людьми, но и съ самими собою. Голосъ Божій заложенъ въ душѣ человѣка помимо того, хочетъ ли послѣдній ему повиноваться или нѣтъ. Ослушаться его можетъ человѣкъ каждую минуту: это даже легче, нежели постоянно ему повиноваться, но постоянное преслушаніе сему голосу или преслушаніе наглое, нарушающее самую главную заповѣди, дѣлаетъ человѣка не только врагомъ Божиимъ, но и врагомъ самого себя, и этотъ его врагъ неодолимъ. Какъ бы ни старался человѣкъ топить его въ винѣ, сжигать его въ пламени разврата, душить его жестокими злодѣяніями: онъ не можетъ его умертвить и, хотя можетъ все таки упорствовать и не подчиняться ему, но этимъ онъ только себя самага подвергаетъ но-

вымъ страданіямъ, получая отъ совѣсти неусыпающія угрызенія и уколы. Иногда ему кажется, что онъ нашель средство убить, усыпить по крайней мѣрѣ свою совѣсть: онъ достаетъ книги, онъ отыскиваетъ людей, которые увѣряютъ его, что его совѣсть есть только голосъ слѣпой привычки, что его невѣріе и жестокость оправданы наукой. Въ такихъ мысляхъ онъ можетъ пребывать нѣкоторое время, конечно, бережно уклоняясь отъ всего того, что наукою написано въ опроверженіе другой науки — дарвиновой и ницшеанской; грубо обрываетъ такой юноша совѣты прочитать ту или иную книгу, учащую согласно голосу человѣческой совѣсти: но все это онъ можетъ дѣлать до времени, пока самая жизнь не пробудитъ въ его душѣ цѣлую плеяду новыхъ настроеній, добрыхъ, сострадательныхъ и нѣжныхъ, или пока онъ, слѣдуя своимъ теоріямъ, не оскорбитъ своей совѣсти ужъ слишкомъ грубо какойнибудь уголовщиной или духовнымъ грѣхомъ, не менѣе тяжкимъ, напр. богохульствомъ. Тогда голосъ совѣсти поднимаетъ въ душѣ его такую бурю, что онъ въ настоящемъ своемъ нравственномъ состояніи не можетъ оставаться, но долженъ либо съ горькимъ раскаяніемъ возвратиться къ послушанію своей совѣсти, а, слѣдовательно, и къ вѣрѣ, а отсюда къ народу, — либо умертвить самага себя для вѣчной гибели.

Повѣсти Достоевскаго имѣютъ одною изъ центральныхъ своихъ идей, — можно сказать, своею центральною драмой, — эту борьбу совѣсти со злою волею чловѣка или же съ ложными воззрѣніями, усвоенными изъ книгъ по дозѣрію, либо нарочно отысканными для оправданія своей злой воли. Иногда эта борьба разрѣшается переломомъ воли подъ добрыми вліяніями: тогда софизмы, на которыя она опиралась, разлетаются

въ прахъ: такъ было съ Подросткомъ и, пожалуй, съ Ипполитомъ; иногда же укоренившіяся страсти не поддаются вліянію святыхъ чувствъ, просящихся въ душу человѣка; онъ является рецидивистомъ своихъ страстей, и погибаетъ; такъ было со Ставрогинимъ и съ Свидригайловымъ, къ тому же шло дѣло у соперника Вѣчнаго Мужа. Но бываетъ, что теоретическія заблужденія человѣка гораздо упорнѣе, даже и безъ наличности такой лжи, которая вросла въ его извращенный умъ; такъ было у самоубійцы Кириллова. А если удается отъ нихъ освободиться, то послѣ горькаго опыта жизни и тяжелыхъ длительныхъ страданій: такъ было у убійцы Раскольниковова. Но во всѣхъ случаяхъ голосъ совѣсти бываетъ побѣдителемъ самообоготворенія человѣка; даже въ томъ, когда ему кажется, что онъ по собственному своеволю приговорилъ себя къ самоубійству, ибо на самомъ дѣлѣ онъ просто задыхался отъ тоски по правдѣ, но не желалъ ей поклониться; сознавалъ тупость и ничтожество своихъ нигилистическихъ увлеченій, но не хотѣлъ въ томъ передъ всѣми сознаться; такъ Кирилловъ, глубоко презирая всякую революцію и нигилистовъ и умиляясь нравственному возрожденію Шатова, солгалъ въ своей предсмертной запискѣ, назвавъ себя социалистомъ.

Мы уже заявили, что Достоевскій не только діагностъ, но и терапевтъ. Онъ съ любовію изучилъ всѣ тѣ добрыя вліянія, которыми въ условіяхъ нашей современной, русской, жизни совершается вразумленіе и возрожденіе тѣхъ отщепенцевъ.

Авторъ прежде всего внушаетъ людямъ, что совѣсть сильнѣе ихъ мысли, сильнѣе ихъ воли. Онъ особенно любитъ описывать случаи, когда сознание человѣка не содержитъ въ себѣ ясныхъ воспоминаній о скверномъ поступкѣ, но какое либо случайное впечатлѣніе,

а иногда сонъ, пробуждаетъ въ немъ мучительное чувство, которое неотступно томить его иногда по нѣсколь-ко дней, пока онъ не вспомнить, чѣмъ, т. е. какимъ поступкомъ его жизни, временно совершенно забытымъ, оно вызвано. Такъ оболъститель жены „Вѣчнаго Мужа“ мучится какимъ то впечатлѣніемъ, ломаетъ себѣ голову о причинахъ своей тоски, и, наконецъ, припоминаетъ, что онъ встрѣтилъ кого-то, съ кѣмъ поступилъ скверно, но кого, гдѣ и какъ онъ не могъ вспомнить, пока снова не встрѣчаетъ лицомъ къ лицу „Вѣчнаго Мужа“. Старецъ Зосима, когда былъ еще легкомысленнымъ офицеромъ, проснувшись ночью, накануне своей дуэли, въ состояніи томительной тоски, не могъ дать себѣ отчета о своемъ настроеніи, только ясно сознавалъ, что оно зависитъ отнюдь не отъ ожидаемой дуэли; и, наконецъ, онъ припоминаетъ, что вчера ударилъ безъ всякой вины своего деньщика по лицу; онъ проситъ у него прощенія, а затѣмъ, понудивъ себя къ такому христіанскому, хотя и малому подвигу, сознаетъ бессмысленность и преступность дуэлей и, пренебрегая всѣми военными и свѣтскими предразсудками, подаетъ въ отставку и принимаетъ на себя подвигъ нищеты и странничества, а затѣмъ становится въ ряды иноковъ.

Названные два типа Достоевскаго даже и въ эпоху своего легкомыслія не были все таки злыми людьми: они не могли любить своихъ проступковъ и хотя легкомысленно забывали о нихъ, но съ совѣстью своей не боролись. Другое дѣло у людей, болѣе сроднившихся со зломъ или богоборчествомъ: эти восприняли злое начало въ себя самихъ и хотя временно протестуютъ противъ него, но временами отстаиваютъ его въ себѣ, оправдываютъ его по существу. Въ нихъ идетъ глухая, не всегда сознаваемая борьба; личная воля такихъ людей пере-

ходить то на сторону совѣсти, то противъ нея, и это постоянное раздвоеніе, обостряясь больше и больше, создаетъ около нихъ фантазму двойника или діавола (быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ не безучастнаго въ ихъ печальной жизни). Конечно, такой двойникъ или діаволь чувствуется только тѣми раздвоенными нравственно людьми, которые эту борьбу переживаютъ мучительно, которые стремятся къ лучшему, но впадаютъ въ сомнѣніе или подвергаются страстямъ, и снова падаютъ.

Напротивъ, такой типъ, какъ Ставрогинъ или Алеша Волховскій, совершенно легко и, видимо, безъ глубокихъ укоровъ совѣсти перебѣгавшіе отъ одного настроенія къ противоположному, не видятъ бѣсовъ и двойниковъ, но зато сами справедливо кажутся людямъ двойными, поражая ихъ неожиданными поступками, иногда очень жестокими, но для нихъ совершенно естественными. Другое дѣло такіе типы, какъ Версиковъ, Раскольниковъ, Иванъ Карамазовъ. Временами одобряя зло, впитывая его въ себя, они остаются такими постоянно все таки не могутъ и хотя они сами сознательно воздѣлали его въ себѣ и привили своимъ привычкамъ и настроеніямъ, но оно подчасъ востаетъ въ ихъ совѣсти во всей своей отвратительной наготѣ, какъ ихъ сердцу враждебное, чужое, а при крайней усталости или нервозности оно кажется имъ особымъ существомъ, навязывающимъ себя челоуѣку и требующимъ отъ него послушанія себѣ. Такъ Раскольникову казалось что около него діаволь (9, 270) У Ивана Карамазова, прежде чѣмъ онъ опозналъ діавола, „стояло предъ сознаніемъ существо или предметъ, котораго онъ не могъ вспомнить“,—какъ это случается со всякимъ поясняетъ авторъ: не можешь вспомнить, но мучительно

страдаешь (16, 456); затѣмъ, оглянувшись, Иванъ увидѣлъ бѣса въ томъ видѣ, о коемъ писалъ раньше, и старается увѣрить послѣдняго, да и себя самого въ томъ, что бѣсъ есть просто олицетворившееся въ больномъ воображеніи все низкое и злое, что поселилось въ его душѣ. — Также и Версильовъ чувствуетъ около себя двойника и какъ бы носить его въ себѣ самомъ (15, 351). Нѣсколько другое значеніе имѣетъ двойникъ г. Голядкина, появившійся уже въ періодъ его постепеннаго помѣшательства. Голядкинъ былъ человѣкъ безвредный, но предавался постоянно тщеславнымъ мечтамъ, въ душѣ желая разыгрывать роль особенно благороднаго, уважаемаго человѣка и полезнаго дѣятеля и въ то же время сомнѣвавшійся въ своихъ достоинствахъ и подозрѣвавшій свое ничтожество, и притомъ болѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ этотъ вовсе не худой человѣкъ. Помѣшался онъ по другой причинѣ, не отъ внутренняго раздвоенія, а по условіямъ наслѣдственности и т. п.; но при развитіи душевной болѣзни переживаемая борьба сказала въ немъ въ видѣ преслѣдовавшаго его двойника, за котораго онъ принималъ то увидѣнное имъ изображеніе свое въ зеркалѣ или въ стеклѣ кареты, то автора шуточнаго письма, посланнаго ему озорниками-сослуживцами. Мы уже упоминали, что эта повѣсть есть поправка „Носа“ и „Записокъ Сумасшедшаго“, написанныхъ Гоголемъ, который видѣлъ въ этихъ жалкихъ герояхъ только отрицательныя свойства; Достоевскій дорисовалъ и ту внутреннюю борьбу, и укору совѣсти, которые переживаются такими типами. — Такъ вотъ какое значеніе имѣютъ у Достоевскаго бѣсы и двойники; являющіеся людямъ. Самое уклоненіе человѣка отъ добраго пути его вразумляетъ, т. е. вразумляетъ его совѣсть, показывая ему ложный путь его жизни въ без-

образномъ видѣ и какъ бы говоря ему: вотъ кому ты себя уподобилъ, но знай, что ты не таковъ, не долженъ ты мириться съ твоимъ строемъ жизни: фатальный онъ и гибельный. Такимъ образомъ эти таинственныя видѣнія и эти смутныя и тягостныя томленія являются какъ предостереженія и угрозы сбившемуся съ пути человѣку. Но Достоевскому извѣстно и другое средство, которымъ человѣческая совѣсть призываетъ людей къ возрожденію и покаянію уже положительнымъ способомъ: это сонъ и болѣзни. Переломъ жизни героевъ Достоевскаго нерѣдко опредѣляется вѣщими снами. Таковъ Сонъ Смѣшного Человѣка, раскрывшій передъ нимъ цѣлое міровоззрѣніе и понудившій перемѣнить свою жизнь со злого на доброе; почти такое же вліяніе долженъ былъ оказать сонъ Верилова, но этотъ изломанный человѣкъ, хотя и былъ долго подъ вліяніемъ этого сна, по своему содержанию подобнаго сну Смѣшного Человѣка, но не пожелалъ подчиниться открывшейся ему истинѣ (15, 289). За то для Дмитрія Карамазова роковой сонъ имѣлъ всепримиряющее значеніе, раскрывъ ему призваніе человѣка среди тяжелыхъ страданій и лишеній нашего народа (отчего дите плачетъ?). Такое же вразумляющее и приводящее къ раскаянію значеніе имѣлъ и сонъ Раскольникова въ Сибири, когда ему раскрыто было, къ какимъ ужасающимъ послѣдствіямъ приведетъ Россію и вообще всю землю то начало своеволія и преступности, къ которому онъ было склонился: онъ видѣлъ во снѣ картину войны всѣхъ противъ всѣхъ, чѣмъ и подарилъ Россію 1918 годѣ, а Европу 1914 годѣ. Напротивъ его брату Алешѣ, смущенному „тлетворнымъ духомъ“ отъ тѣла умершаго старца и тяжелыми событіями въ его семьѣ, во снѣ открывается картина Брака въ Канѣ Галлилейской и старецъ въ числѣ ея блаженныхъ

участниковъ. Примиренный и исполненный непоколебимой вѣры въ силу и побѣду добра и Христовой правды, встаетъ онъ отъ сна, чтобы всюду вносить любовь, покаяніе и примиреніе. Но не вразумился вѣщимъ сномъ Свидригайловъ и въ отчаяніи застрѣлился. — Подобно сну, чело­вѣка вразумляетъ болѣзнь и особенно болѣзнь съ бредомъ. Такъ другимъ послѣ своей продолжительной болѣзни всталъ Подростокъ; его дѣйствительный отецъ— Версильовъ тоже долженъ былъ измѣниться послѣ постигшей его въ концѣ повѣсти болѣзни. Также смягчилось въ болѣзни ожесточенное сердце Нелли въ „Униженныхъ“. Степанъ Трофимовичъ духовно прозрѣлъ въ своемъ смертельномъ недугѣ, а люди праведные, какъ старецъ Зосима и Макарь Долгорукій, просвѣщаются въ этомъ состояніи чисто благодатнымъ свѣтомъ любви и разума. Не мало и еще примѣровъ можно привести изъ Достоевскаго для поясненія этой его идеи, но думается и этого довольно.

Теперь спросимъ, почему для просвѣщенія чело­вѣческой души нужно нѣкое ослабленіе сознанія — сонъ, бредъ, галлюцинаціи? Конечно, скептики злорадно выведутъ отсюда, что разумъ враждебенъ вѣрѣ и энтузіазму; но дѣло не въ разумѣ а въ той злой волѣ, которая борется съ совѣстью и закрываетъ передъ нею глаза разуму, хотя и защищается логическими софизмами. Но въ описанныхъ авторомъ состояніяхъ эта воля ослабѣваетъ, и совѣсть уже безпрепятственно рисуетъ чело­вѣку его самого и отвергаемую имъ истину, какъ Дядѣ Власу у Некрасова (это стихотвореніе привело въ восторгъ Достоевскаго). Еще Апостоль Петръ писалъ: страдающій плотью перестаетъ грѣшить (I, 4, 1), а жизнь подтверждаетъ, что злѣйшимъ врагомъ истины, врагомъ разума бываетъ злая воля, а совѣсть открываетъ ему себя самого только

тогда, когда ослабѣваетъ воля челоуѣка подѣ влияніемъ страданій. О послѣднихъ авторъ выразился однажды такъ: страданія единственная причина сознанія (5, 46). Воля здороваго челоуѣка можетъ бороться съ сознаніемъ, т. е. съ голосомъ совѣсти, и съ тѣмъ, что внушаетъ ему душа и непредубѣжденный умъ; но когда челоуѣкъ видитъ сонъ или бредъ, или подавляется страданіями и мыслью о близкой смерти во время болѣзни, — тогда душа и совѣсть вступаютъ въ свои права и раскрываютъ ему въ картинахъ то, что нашептывали ему на яву, но отъ чего онъ прежде упорно отклонялъ свое вниманіе или свое согласіе. Такъ каторжные, убійцы и грабители не любятъ говорить въ „Мертвомъ Домѣ“ о своихъ преступленіяхъ, а если приходилось все таки упомянуть о томъ, то всячески скрывали отъ собесѣдника всякое въ томъ раскаяніе, но въ сонномъ или въ горячечномъ бреду обнаруживали мученія совѣсти и память о всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ своихъ преступленій. Сонъ и бредъ договариваютъ намъ то, что мы не хотѣли или не могли разсмотрѣть внимательно въ бодрственномъ состояніи. Такъ, если мы имѣемъ возможность выплакать свое горе по умершемъ, то рѣдко увидимъ его во снѣ; но если заботы о погребеніи или объ устройствѣ сиротъ не дали намъ возможности опознать и оплакать свое горе, то въ первую же ночь мы увидимъ родного покойника. Такое же значеніе имѣютъ вѣще сны для героевъ Достоевскаго, не желавшихъ слушать голоса совѣсти и правды на яву.

Не задерживая читателя еще надолго на этомъ же предметѣ, скажемъ все таки два слова о томъ, почему мы здѣсь выражаемся: „совѣсть и душа“, т. е. почему прибавляемъ послѣднее слово. — Въ одномъ фантастическомъ разсказѣ Гоголя душа спящей дѣвушки отдѣляется отъ нея, идетъ бесѣдовать съ нѣкимъ сверхъестественнымъ

существомъ и, между прочимъ, говоритъ ему: „вѣдь Катерина и десятой части не знаетъ того, что знаетъ ея душа“.

Въ послѣднее время, т. е. за послѣднее полустолѣтіе, опытная психологія начала различать *центръ сознанія* отъ *поля сознанія* или отъ полусознательной области. Далеко не все богатство впечатлѣній и чувствъ, соприкасающихся нашему сознанию замѣчаются имъ и присваиваются себѣ, особенно при нежеланіи, а иногда вслѣдствіе разсѣяности или утомленія. Вѣроятно, чаще всего такое невниманіе выпадаетъ на то, что намъ неприятно, и прежде всего на укоры совѣсти. Но нерѣдко той же участи подвергаются и другія, даже мирныя, и очень тонкія и благородныя чувства, напр. симпатическія, которыя зато подъ какимъ нибудь сильнымъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ сразу организуются въ твердое настроеніе или направленіе воли. Такъ, напр., смерть или тяжелая болѣзнь матери или другого близкаго человѣка, которому вы нанесли много обидъ и оказали мало участія, вдругъ такъ поразить ваше сердце, что вы привязываетесь къ нему всей душой и восклицаете: я и не подозрѣвалъ, какъ дорогъ былъ мнѣ такой-то человѣкъ, какъ я его любилъ.

Иногда эти полусознательныя впечатлѣнія и не имѣютъ столь тѣсной связи съ совѣстью, но все же долго беспокоютъ человѣка, пока ему удастся дать себѣ въ нихъ отчетъ, т. е. ввести ихъ въ центръ сознанія. Изъ многихъ тому примѣровъ въ твореніяхъ Достоевскаго приведемъ одинъ. Князь Мышкинъ, готовясь къ своей почти невольной свадьбѣ съ Настасьей Филипповной, запомнилъ два устремленныхъ на него изъ толпы глаза и только потомъ догадался, что это глаза Рогожина (соперника; 10, 341).

§ 4. Состраданіе и Дѣти.

Таково самое очистительное и самое сильное средство возрожденія заблудшей души, ожесточившейся и оторвавшейся отъ ближнихъ, отъ своего народа и отъ своего Творца. Мы только что говорилн о сердцѣ-вѣщунѣ, о душѣ человѣка, которая въ десять разъ больше знаетъ, чѣмъ „самъ человѣкъ“. Вотъ въ этой то душѣ по самой ея природѣ, а также вслѣдствіе сохранившихся воспоминаній дѣтства, въ душѣ даже изуродованной страстями, ложью и богоборчествомъ, остаются глубокія наклонности къ святому, спасительному состраданію. Лишь бы человѣкъ не отталкивалъ грубо это святое чувство, послѣдовалъ его указаніямъ. Впрочемъ иногда, если даже отклонить, оно какъ бы противъ воли врывается снова въ его душу, даже во снѣ, и властно зоветъ его за собою. Такъ Смѣшной Человѣкъ оттолкнулъ просящую сиротку, продолжалъ было обдумывать злобный планъ самоубійства, но увидѣлъ тотъ вѣщій сонъ и, проснувшись, примиренный для новой жизни, уже и думать не хотѣлъ о самоубійствѣ, но воскликнулъ: а сиротинушку я разыщу сейчасъ же и устрою.

Достоевскій—оптимистъ, но въ то же время и реалистъ: онъ не хочетъ усыпить насъ сладкимъ убѣжденіемъ, будто всѣ люди по неволѣ добры, будто нѣтъ погибающихъ грѣшниковъ: оттолкнуть можно отъ злости или отъ развращенія сердца и это святое чувство состраданія. Такъ поступилъ герой подполья, такъ поступилъ въ своемъ вѣщемъ снѣ Свидригайловъ, и проснувшись, застрѣлился, тамъ поступали и Версиловъ, и Ставрогинъ, и Федоръ Павловичъ со святыми чувствами, врывавшимися въ душу. Авторъ—не проповѣдникъ Розоваго христіанства,

какъ обвинялъ его К. Леонтьевъ: его задача въ томъ, чтобы убѣдить людей въ доставляемой имъ Богомъ и собственной душою *возможности возрожденія*, а воспользоваться ею зависитъ уже отъ свободной воли.

Кто-же ею хорошо воспользовался изъ героевъ Достоевскаго, кромѣ приведенныхъ уже нѣсколькихъ примѣровъ? Воспользовался и отсталъ отъ своего жестокаго намѣренія обогатиться Подростокъ, когда въ ихъ домъ подкинули ребенка, и дѣти Карамазовскаго города около постели больного Ильющечки, котораго страданія и смерть ихъ совершенно переродили, и дѣти въ Швейцаріи, друзья князя Мышкина, пожалѣвшіе оскорбленную дѣвушку, смягчаютъ навсегда въ заботахъ о ней свои души. Наконецъ, мы въ томъ увѣрены, сюда же должно причислить всѣхъ слушателей и, надѣмся, многихъ читателей того умилительнаго разсказа Достоевскаго: „Мальчикъ у Христа на Елкѣ“, который иногда самимъ авторомъ, а иногда его другомъ, писателемъ Григоровичемъ, читался на литературныхъ вечерахъ, при чемъ на глазахъ многихъ слушателей даже мужскаго пола и у большинства слушательницъ навертывались слезы христіанскаго состраданія къ сироткѣ, замерзшему подъ освѣщеннымъ окномъ барскаго дома, гдѣ дѣти веселились около Рождественекой елки. Къ мальчику подошелъ Христосъ Спаситель и унесъ его на небо смотрѣть вѣчную елку; тамъ встрѣтила его мать, умершая за часъ передъ тѣмъ въ подвалѣ, лежа рядомъ съ дитятей и напугавшая его своимъ похолодѣлымъ трупомъ.

Вотъ какова сила состраданія. Не напрасно пишетъ нашъ авторъ: если пожалѣешь незащищенное существо, то привяжешься къ нему и привяжешься крѣпко (14, 14). Иногда такимъ незащищеннымъ существомъ, привлекающимъ къ себѣ крѣпкую волю, и нравственно

возрождающимъ ее являются у Достоевскаго не только милыя дѣти, объединившія, около постели умирающаго товарища столько взрослыхъ въ его послѣднемъ романѣ, и не только чистыя привлекательнаго характера дѣвушки, какъ въ Бѣдныхъ Людяхъ, или Соня Мармеладова, возродившая Раскольникова, но и типы отталкивающіе, напр. въ рассказѣ „Честный Воръ“. — И если даже холодные себялюбивые швейцарцы поддаются такому воздѣйствію состраданія (въ помянутомъ рассказѣ князя Мышкина), то людямъ русскимъ это служеніе слабѣйшимъ существамъ до того присуще, что даетъ поводъ одному спившемуся офнцеру въ очень талантливой современной драмѣ: „Сильные и Слабые“ изложить другому интеллигентному никудышнику цѣлую теорію о томъ, что у насъ на Руси „слабые“ т. е. лѣнтяи, пьяницы, шеромыжники и являются „сильными,“ потому что люди честные, трудолюбивые и талантливые только и дѣлаютъ, что на нихъ работаютъ, за нихъ хлопочутъ, мучаются за нихъ и всячески выручаютъ.

Какъ видитъ читатель, самымъ сильнымъ побужденіемъ къ святому состраданію являются дѣти. Ихъ особенно любилъ Достоевскій! Онъ обѣщалъ написать особую большую повѣсть о дѣтяхъ (20, 6) сверхъ того, что писалъ въ молодости („Елка и Свадьба“, „Нечочка Незванова“, „Маленькій Герой“) и сверхъ того, что мы сейчасъ изложили кратко изъ его послѣдняго романа. Приведемъ здѣсь еще двѣ три очень значителныя его мысли о нихъ. Дѣти страшно разнятся отъ взрослыхъ, они точно другой природы (16, 407). — Дѣти не бываютъ дурны лицомъ (*ibidem*). Поэтому драгоцѣннѣйшія наши воспоминанія — о семьѣ и о своемъ дѣтствѣ, если хоть малая любовь тамъ была (17, 16), ибо въдѣсь семья создается только подвигомъ и подвигомъ любви

постепенно скрѣпляется (20, 81). — Воспоминаніе, особенно дѣтское есть наиболѣе возвышающее душу (21, 203). — Дѣти лучше насъ, и не должно приходить въ ужасъ отъ ихъ проступковъ: если городскія дѣти (также школьные товарищи Алеши Карамазова) любятъ говорить непристойности, то вовсе не потому, что они уже развращены (17, 63), а скорѣе это напоминаетъ то какъ Адамъ и Ева не стыдились своей наготы, пока были невинны. Не приводимъ здѣсь ссылки на чудную рѣчь Алеши Карамазова, гдѣ такъ трогательно говорится о возрождающей силѣ святыхъ воспоминаній, потому что навѣрное читатель самъ ее помнитъ и цѣнить.

Не должно спѣшить выводить дѣтей и даже юношей изъ этого полуфантастическаго міра, въ которомъ они живутъ. — Давайте лучше юношамъ читать „Донъ Кихота“ взамѣнъ поклоненія глупой средѣ (21, 291), — пишетъ авторъ. — Но ничего и таить отъ дѣтей не слѣдуетъ, говорить онъ, — ни обманывать ихъ; они все понимаютъ (10, 102). — Не надо все облегчать для дѣтей (20, 8), ибо ничего не стоитъ человѣкъ, не знавшій съ дѣтства труда, лишеній и подвига; отъ работы человѣкъ дѣлается добрымъ и честнымъ (5, 49). — Но мечтательность, собственно поэтическое настроеніе, собственное юности, если оно не соединено съ праздностью, а съ благороднымъ трудомъ, особенно цѣнно въ жизни и настолько смягчаетъ душу, что, напримѣръ: „увлеченный наукой мечтатель горячо любитъ мрачныя стѣны своей конуры“ (2, 311). Таковъ былъ герой симпатичнѣйшаго разсказа нашего писателя: „Бѣлыя ночи“. Вотъ почему Достоевскій обратился разъ къ читателю съ такимъ пожеланіемъ: дай Богъ, чтобы молодыя свойства чаще посѣщали тебя, читатель (2, 304). Здѣсь разумѣется мечтательность. не чуждая жизни, но стре-

мящаяся преобразовывать жизнь къ лучшему, не закрывая глазъ передъ ея изъянами и ложью.

Люди взираютъ на дѣтей, какъ на существа почти неразумныя, которыхъ они должны учить и развивать; также взираютъ они и на простой народъ. Достоевскій велитъ намъ самимъ учиться у народа, а также учиться черезъ дѣтей, но, конечно, требуетъ и того, чтобы мы учили и дѣтей и народъ, но согласно съ природою однихъ и убѣжденіями другого. При всемъ томъ мы уже видѣли, что нашъ писатель не закрывалъ глазъ на недостатки народа; не отрицалъ онъ и дѣтскихъ недостатковъ, но былъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ прочихъ, оптимистомъ, только не ослѣпленнымъ, не одностороннимъ. Именно еще въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ написалъ очеркъ: „Елка и Свадьба“, гдѣ описывается начинающееся еще съ дѣтскаго возраста раздѣленіе въ играхъ между богатыми и бѣдными, угодничество послѣднихъ передъ первыми и т. д. Въ дѣтской повѣсти „Неточка Незванова“ описанъ дѣтскій деспотизмъ и мучительство ея подруги Кати; въ Братьяхъ Карамазовыхъ описана злоба и мстительность оскорбленнаго Ильюши, дѣтское тщеславіе Коли Красоткина и т. д. Исцѣленіемъ этихъ начинающихъ страстей являются *дѣтскія страданія*, напр. болѣзнь Неточки и, особенно болѣзнь, и смерть Ильюшечки, принесшая съ неба на землю всѣмъ окружающимъ большимъ и малымъ, благодать любви и примиренія. — Это отвѣтъ автора на „Бунтъ“ Ивана Карамазова, который не могъ примирить божественнаго правосудія съ наличностью страданія невинныхъ дѣтей. Увы, невинность, т. е. полная безгрѣшность — безгнѣвіе и смиреніе — теряются съ пробужденіемъ сознанія, дѣлающаго ощутительными страданія, такъ что страданія сознаются одновременно съ начинающеюся грѣховностью и очищаютъ

отъ нея сердца дѣтей добрыхъ. — Критика до сихъ поръ не поняла заявленіе автора о томъ, что эта послѣдняя его повѣсть была отвѣтомъ на „Бунтъ“ и на „Великаго Инквизитора“, — если не считать нашей статьи, напечатанной въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1893 года (потомъ въ П. Собраніи Сочиненій), но ея, конечно, незамѣченной. Въ той же статьѣ приведено объясненіе касательно отвѣта автора на „Великаго Инквизитора“: къ этому мы вернемся ниже.

§ 6. Рецидивы зла. Прямые указанія къ возрожденію себя и другихъ.

Если читатель еще не убѣдился въ томъ, что оптимизмъ Достоевскаго былъ не розовый, внѣжизненный, а самый реальный, основанный на личномъ опытѣ и широко изученіи жизни, то пусть ознакомится и съ тѣми картинами ея, по коимъ видно, что уже предпринятая рѣшимость стать на путь добродѣтели и нѣкоторые шаги, пройденные къ нему, далеко еще не обезпечиваютъ ея достиженія, какъ хочется вѣрить протестантскимъ проповѣдникамъ и богословамъ, по которымъ обращеніе человѣка къ покаянію и вѣрѣ есть уже совершившееся спасеніе, и дальше ему нечего сѣтовать и нечего бороться и напрягаться, — вопреки словамъ Апостола: „братья я не почитаю себя достигшимъ, а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли“ и проч. (Фил. 3, 13). — Такъ вель духовную борьбу съ собой Апостоль: мудрено ли, что глубоко падшіе нерѣдко снова падаютъ въ этой борьбѣ и возвращаются къ своимъ страстямъ. Достоевскій не закрываетъ глазъ передъ силою зла въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ. Читатель, конечно-

помнить, съ какою художественной правдой описываетъ онъ деспотическую несвязную власть грѣховныхъ страстей надъ своими жертвами: какъ неодолима пьяная страсть Мармеладова, какъ неукротимъ огонь распутства въ старомъ Карамазовѣ, какъ неподатливъ доброму влиянію другъ Алеши — Ракитинъ, какъ черство сердце дѣда Нелли—того полунищаго нѣмца, который не хотѣлъ простить своей дочери даже на ея смертномъ одрѣ. Да что толковать: едва ли найдется другой писатель, могущій столь правдиво описать упорство человѣческихъ страстей, какъ Достоевскій. Шекспиръ описываетъ преступления людей, внушаемая страстями, и ихъ борьбу со своимъ врагомъ, а Достоевскій описываетъ ихъ упорство противъ призыва ихъ къ любви и исправленію. Это также далеко отъ наивнаго оптимизма, какъ и отъ пессимизма и „жесточкаго таланта“, какъ осмѣлился назвать Достоевскаго озлобленный на его влияніе среди общества и юношества литературный критикъ западнаго направленія Михайловскій. Впрочемъ, не одинъ Михайловскій. Не зная, чѣмъ опачкать Достоевскаго, критика мало по малу усвоила себѣ такой пріемъ фальсификаціи его твореній, который напоминаетъ эпоху Магнитскаго и судьбу извѣстной кухонной книги съ Вольнымъ Духомъ; при всемъ томъ этотъ пріемъ до того пришелся по вкусу нашимъ литераторамъ, даже крупнымъ въ родѣ Мережковскаго, что они почти поголовно стали его повторять — изъ рѣчи Карамазовскаго прокурора, который говоритъ, что эта семья можетъ одновременно созерцать бездну вверху и бездну внизу, т. е. восхищаться и добродѣтелью и безбожнымъ порокомъ (18, 322). И вотъ художественное изображеніе Достоевскимъ человѣческихъ страстей дало поводъ его завистникамъ перенести такое подозрѣніе на самого автора, и даже на его ученіе. То, что можно ска-

зять о порнографіи, въ родѣ Куприна, Арцыбашева и т. п., не стыдятся говорить о Достоевскомъ и его произведеніяхъ, въ нихъ *никогда* порокъ и грѣхъ не изображаются въ привлекательномъ видѣ, а напротивъ обличается, и всякое ложное ученіе его героевъ опровергается или ходомъ событій или возраженіями ихъ собесѣдниковъ. Нашимъ критикамъ остается обвинять Гоголя въ проповѣди взяточничества и Ал. Толстого въ проповѣди пьянства, ибо они такъ мастерски изображаютъ эти пороки.

Мы желаемъ остановить вниманіе читателя на рецидивизмѣ злыхъ наклонностей и предубѣжденій у тѣхъ героевъ Достоевскаго, которые или уже стали на путь раскаянія, или, казалось бы, совсѣмъ готовы переменить свою жизнь въ сторону добра, правды и вѣры. Едва-ли не самый характерный типъ въ этомъ смыслѣ—Версильовъ. Человѣкъ широко образованный, любознательный, почти философъ, онъ, поддавшись благородному порыву подъ вліяніемъ переселившагося къ нему юноши-сына, его свѣтлой чистой души, добровольно отказывается отъ выиграннаго по тяжбѣ большого имуществва, и остается бѣднякомъ; осыпанный восторженными ласками сына, обвѣянный благодѣтельнымъ вліяніемъ пришедшаго къ нему умереть праведнаго старца, отъ котораго онъ прежде переманилъ жену, и, прощенный имъ, онъ, кажется, окончательно смягчился и является апостоломъ добродѣтели и патриотизма: но пріѣзжаетъ одна изъ многихъ его бывшихъ пріятельницъ, которыхъ доброе имя отъ него зависитъ и онъ старается вновь сдѣлать ее рабой своей страсти и въ своемъ злобномъ раздвоеніи разбиваетъ о печку образъ, завѣщанный ему помянутымъ старцемъ и уклоняется отъ брака съ оболъщенной имъ женой, матерью его сына. Таковъ и Мармеладовъ, человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ, женив-

щійся на заброшенной благородной вдовѣ исключительно изъ жалости. Послѣ многихъ неудачъ этой нищей семьи его, наконецъ, пристраиваютъ на мѣсто; чахоточная жена и оборванные дѣти готовы вернуть себѣ радость жизни, но онъ снова устремляется въ грязные притоны пьянства, погибаетъ самъ на улицѣ пьяный и тѣмъ добиваетъ жену, истекающую чахоточной кровью тоже на улицѣ. — И не только эти люди, погрязшіе съ молодю въ грѣхахъ, но и подростокъ Нелли, честная и чистая, не легко разстается со своей озлобленностью противъ людей всѣхъ вообще, которые на ея глазахъ обнаружили столько жестокости, и нѣсколько разъ раздраженно отвергаетъ самыя безкорыстныя услуги любившихъ ее новыхъ друзей, хотя сама оставалась въ нищетѣ и беспомощности. Смягчилась она не скоро, да и то не вполнѣ, даже передъ смертью.

Мы указывали уже, что Достоевскій не только діагностъ, но и терапевтъ душевныхъ недуговъ. Терапіей являются всѣ его творенія, разоблачающія тѣ ложныя воззрѣнія, теоретическія и нравственныя, на которыя опираются зло и неправда человѣческой жизни. Люди призываются имъ къ общенію съ Богомъ и своимъ народомъ для своего нравственнаго возрожденія. Но нашъ писатель утверждаетъ, что ошибки ума легче одолѣть, чѣмъ ошибки сердца, т.е. человѣческія страсти и злую волю людей, имъ преданныхъ и не желающихъ подчиниться добрымъ совѣтамъ и увѣщаніямъ. Если они согласятся говорить съ увѣщателемъ, то будутъ всякими софизмами оправдывать свое настроеніе и свое уклоненіе отъ праваго пути, а если замѣтятъ въ собесѣдникѣ сильную логику и настойчивость въ продолженіи бесѣды, то постараются ее прекратить либо благовиднымъ предлогомъ, либо грубостью. *Ne persua-*

dere polentem — не увѣщевай нехотящаго, — говоритъ латинская пословица. Какъ же тутъ помочь дѣлу?

У нашего писателя можете найти прямой отвѣтъ на такой вопросъ и неоднократно. — Заблуждающемуся, говоритъ онъ, должно противопоставить равносильное *чувство* (равносильное съ его увлеченіемъ): тогда онъ согласится провѣрить себя (14, 76). Чтобы отвратить человѣка отъ злого желанія, — говоритъ авторъ въ другой повѣсти, — должно противопоставить ему иное, лучшее желаніе (5, 43), т.-е. какъ бы переманить его на другой путь. Наглядный примѣръ такого воздѣйствія представленъ въ „Униженныхъ“. Старикъ, отецъ Наташи, проклиналъ свою дочь, ушедшую къ любовнику, и не хотѣлъ ее простить. Его друзья приводятъ къ нему жертву такой же т.-е. еще болѣе жестокой, родительской строгости, дѣвицу-подростка Нелли и просятъ ее подробно разказать, въ какой нищетѣ и горѣ влачила и кончила свою жизнь несчастная мать, проклятая своимъ отцомъ за такое же увлеченіе и не могшая добиться у него прощенія до самой смерти. Разказъ былъ потрясающій, и отецъ Наташи подъ такимъ впечатлѣніемъ опомнился и съ нѣжною лаской принялъ свою подошедшую въ это время и уже раскаявшуюся дочь. Подобное же вліяніе на вѣчно негодующаго Подростка имѣло примиренное настроеніе Макара Ивановича, исполненное постояннаго умиленія и непоколебимой вѣры въ вѣчное торжество вѣчной правды. Къ тому же правилу сводятся всѣ приведенные случаи радикальнаго воздѣйствія на страстныхъ или на черствыя сердца дѣтскихъ страданій и безпомощной нужды. Эти картины возбуждали въ людяхъ святое состраданіе, испытывая которое они охладѣвали къ прежнимъ своимъ преступнымъ цѣлямъ и отталки

вали съ отвращеніемъ то, что ихъ прежде къ себѣ манило.

Въ этомъ *противопоставленіи другого или даже сильнѣйшаго чувства* заключается вся тайна вліянія на чело-вѣческія сердца старца Зосимы и Алеши. Полные любви къ людямъ, мягкаго благожелательства къ нимъ, носящіе въ своей душѣ постоянный гимнъ Творцу и жажду общаго обращенія къ нему, свѣтящіе черезъ свою личность свѣтомъ иного лучшаго міра, постоянно сходящаго съ неба на землю, эти люди-ангелы самимъ видомъ своимъ, самымъ своимъ приближеніемъ влагаютъ въ окружающихъ цѣлый концертъ новыхъ святыхъ созвучій, т. е. сердечныхъ стремленій и свѣтлыхъ упованій и производятъ въ ихъ душахъ рѣшительную борьбу подобныхъ зачатковъ новой жизни съ прежними противоположными имъ страстями. Окончательно рѣшить эту борьбу въ ту или иную сторону зависитъ, конечно, отъ свободной воли чело-вѣка: ее облегчаетъ, конечно, такой провозвѣстникъ, который можетъ присоединить къ являемой имъ нравственной красотѣ добра и правды еще и разумное ихъ оправданіе и опроверженіе заблужденій собесѣдника; но не столько сила этихъ опроверженій, сколько сила святой настроенности и участливаго чувства самого увѣщателя вліяетъ на грѣшника и отрица-теля. Поцѣлуй, братскій и нѣжный, которымъ Алеша закончилъ свою бесѣду съ Иваномъ послѣ обмѣна мыслей по поводу „Великаго Инквизитора,“ конечно, гораздо болѣе взволновалъ Ивана и болѣе доставилъ ему переживаній, чѣмъ теоретическія, хотя тоже разум-ныя, возраженія младшаго брата. Борьба въ немъ между вѣрой и невѣріемъ, покорностью Богу и пре-ступностью, усилилась до крайней степени, какъ это по-нялъ Алеша во время своей ночной молитвы, и довела

упорнаго скептика до галлюцинацій и нервной горячки. Подобную же внутреннюю борьбу, то съ благопріятнымъ то съ неблагопріятнымъ исходомъ, возбуждали бесѣды Алеши въ его отцѣ, и въ братѣ Димитріи, и въ Грушенькѣ, и въ Лизѣ и въ Колѣ Красоткинѣ, и прочихъ товарищахъ Ильюши.— Конечно, еще несравненно большую силу нравственнаго воздѣйствія носить въ себѣ старецъ Зосима. Обратите вниманіе на замѣчательную по своей глубинѣ картину посѣщенія сего старца цѣлой группой совершенно нецерковныхъ интеллигентовъ, изъ коихъ большинство взирало на церковь свысока; но при видѣ старца, и особенно при его словахъ, они сразу почувствовали въ своей душѣ сильнѣйшее волненіе и начали высказывать свои недоумѣнія, и стремленія, и чуть-ли не хулы; однимъ словомъ, не могли въ себѣ удержать того, что интересовало ихъ и наполняло ихъ душу не только въ личной жизни, но и во взаимныхъ отношеніяхъ между собой; съ ними дѣлалось почти то же, что съ евангельскими бѣсноватыми при встрѣчѣ со Спасителемъ. Одни умиляются и каются, другіе бранятся между собою, третьи кощунствуютъ.— Иную картину представляютъ собою „вѣрующія бабы,“ которыя съ покаяніемъ, умиленіемъ и съ духовнымъ восторгомъ воспринимаютъ назиданія старца и его совѣты, буквально, какъ слова Божьи, расходятся отъ него нравственно возрожденныя и очищенныя отъ грѣха и примиренныя со своими ближними.

Въ этомъ отвѣтъ на вторую причину для отрицанія христіанства, которую выставилъ Иванъ Карамзовъ въ Великомъ Инквизиторѣ. Достоевскій признавалъ эти двѣ выставленныя его героями причины болѣе серьезными, чѣмъ все, до чего додумалась отрицающая Европа и заявилъ, что онъ опровергъ ихъ своимъ ро-

маномъ. О первой причинѣ и ея опроверженіи мы уже сказали, а теперь пояснимъ вторую и ея опроверженія.

Великій Инквизиторъ заявляетъ Спасителю, что его ученіе слишкомъ возвышенно для жалкаго человѣческаго рода, слишкомъ крѣпко поработаннаго тѣломъ, даже желудкомъ, чтобы идти путемъ самоотверженія и цѣломудрія. Люди могутъ подчиняться только деспотическому правленію, соединенному съ обманомъ и духовнымъ поработаніемъ. Овладѣй хлѣбами, дѣйствуй чудомъ, тайной и авторитетомъ, и тогда тебѣ подчинится человѣчество, а свободному убѣжденію оно подчиняться не станетъ, исключая немногихъ нравственныхъ героевъ. Это именно и внушала искусситель Иисусу Христу въ пустынѣ, но былъ отвергнутъ, а потому никогда Спаситель не подчинитъ Себѣ всего человѣчества, пока его послѣдователи не измѣнятъ существенно Его ученія сообразно совѣтамъ искуссителя, что мы и исполнили, говорилъ Инквизиторъ. А чистое христіанство останется, по его мнѣнію и по мнѣнію Ивана, религіей не человѣчества и не народовъ, а только нравственныхъ героевъ.—Эти мысли о христіанствѣ и объ искуссителѣ занимали Достоевскаго и раньше. Еще въ Подросткѣ, въ духѣ Инквизитора говорилъ, кажется, о людяхъ Версильовъ „Обрати камни въ хлѣбъ и ты овладѣешь людьми, но пока не надолго; этого средства недостаточно: нужно еще чудо“ (14, 316. — т. е. для поработанія ихъ умовъ и совѣстей.)

Какъ же отвѣчаетъ повѣсть Достоевскаго на такое возраженіе? Критика отказалась объяснить это, а объясненія или отвѣтъ заключаются въ типахъ старца Зосимы и Алеши Карамазова и въ томъ всеохватывающемъ вліяніи, которое оказываютъ они и подобные имъ праведники, напримѣръ, Макаръ Ивановичъ и князь Мышкинъ въ „Подросткѣ“ и „Идіотѣ“. Вотъ этотъ отвѣтъ: да. пол-

ное и окончательное проникновеніе себя христіанствомъ есть удѣлъ немногихъ, а не всего народа и тѣмъ менѣе — человѣчества, но зато эти немногіе, какъ вождельные свѣточи народа или общества, просвѣщаютъ, смягчаютъ и привлекаютъ ко Христу всѣхъ или почти всѣхъ, съ кѣмъ имъ приходится соприкасаться, такъ что могущественное вліяніе христіанства обнаруживается на огромномъ большинствѣ людей, слышавшихъ о Христѣ, вросаетъ въ ихъ бытъ, создаетъ нравы, обычаи, законы и цѣлыя культуры и вовсе не остается индивидуальной склонностью немногихъ, какъ говорили и писали нѣкоторые недалекіе современные публицисты, философы, а затѣмъ и студенты, и юнкера, и гимназистки, но пребываетъ огромною общественною народною и международною силою, опредѣляя собой жизнь вѣрующихъ народовъ въ несравненно болѣе значительной степени, чѣмъ всѣ прочія ихъ народныя и общечеловѣческія качества. Послѣднюю приблизительно мысль можете найти въ монологахъ Шатова и въ отвѣтѣ самого автора Градовскому и въ прежнихъ номерахъ его „Дневника Писателя“. Таковъ способъ привлеченія ко Христу людей и народовъ.

Мы нѣсколько вышли за предѣлы этой послѣдней мысли, остановившись на Инквизиторѣ, но такимъ способомъ намъ удалось раскрыть передъ читателемъ, интересующимся Достоевскимъ, самую главную его идею, самую святую и дорогую для него мысль о христіанствѣ, о человѣчествѣ и его судьбахъ. Прибавимъ еще что спасительное вліяніе христіанства, если и сказывается на большинствѣ изображенныхъ авторомъ характеровъ не во всей своей полнотѣ, то оно получаетъ эту полноту ко времени перехода людей въ жизнь будущую, о нравственномъ значеніи которой такъ глубоко

и сильны выраженія Достоевскаго, приведенныя нами раньше. Теперь же скажемъ о томъ, что нашъ писатель любилъ особенно изображать предсмертное возрожденіе человѣка, какъ залогъ раскрывшейся въ немъ вѣчной жизни. Мы уже напоминали читателю о предсмертномъ просвѣщеніи и просвѣтлѣніи старика Верховскаго, Макара Долгорукова, старца Зосимы; прибавимъ теперь Ипполита, Честнаго Вора, Ильюшу, даже Нелли, брата старца Зосимы, умершаго въ юныхъ годахъ, и другихъ, иногда заурядныхъ людей, не опредѣлившихся въ чисто религіозномъ отношеніи въ настоящей жизни, но сподобившихся такового при вступленіи въ жизнь грядущую, т.-е. вѣчную.

Итакъ, Христіанское ученіе, вопреки рѣчамъ Инквизитора, пребываетъ всегда огромною общественною силою, обуславливающею собою все то доброе, на что оказывается способнымъ каждое человѣческое поколѣніе, и, хотя въ возможной полнотѣ оно усваивается только лучшими людьми и лучшими поколѣніями лучшихъ народовъ, эти послѣдніе привлекаютъ къ нему сердца прочихъ людей, менѣе возвышенныхъ духомъ, которые въ земной жизни продолжаютъ колебаться между благочестіемъ и нечестіемъ, но въ жизнь будущую (а вѣдь въ ней весь смыслъ жизни вообще), вступаютъ по большей части очищенные покаяніемъ, т.-е. усовершенствованные. При отрицаніи же будущей жизни исчезаетъ, по приведенному выше мнѣнію Достоевскаго, всякій смыслъ жизни настоящей, ибо пропадаетъ разница межу добромъ и зломъ,— какъ привлекательность перваго, такъ и предосудительность послѣдняго.

Таковы отвѣты Достоевскаго на тѣ два труднѣйшія возраженія противъ христіанства, до которыхъ не додумалась вся отрицающая Европа. Эти отвѣты и яв-

ляются совѣтами или указаніями для ревнителѣй вѣры и любви, какъ привлекать къ нимъ удалившихся отъ нихъ ближнихъ: должно обвѣять ихъ своимъ благодатнымъ настроеніемъ вѣры и сочувствія.

Разумѣется, это не рецептъ и не подробный курсъ пастырскаго богословія: здѣсь указанъ писателемъ только общій законъ нравственнаго, возрождающаго вліянія одной личности на другую, и не указывается, какъ первой пріобрѣсти потребныя для того душевныя свойства; но начертанныя писателемъ картины такого возрожденія представляютъ собою безпримѣрную драгоценность во всемірной литературѣ, будучи исполнены несомнѣнной красоты и умиленности: онѣ и душу читателя наполняютъ самыми возвышенными чувствами чело-вѣколюбія и религіозности и, кромѣ того, раскрываютъ ему высочайшія свойства чело-вѣческой природы, какъ предназначенной къ нравственному совершенству и къ исполненному любви единству съ душами прочихъ людей.

Прежде чѣмъ закончить эту главу, главу психологическую и моральную, отвѣтимъ еще на одинъ вопросъ: а какое указаніе найдетъ себѣ у Достоевскаго такой чело-вѣкъ, который и самъ уже рѣшилъ перемѣнить свою жизнь и стать на путь нравственнаго возрожденія. Подобный вопросъ полусерьезно и полуиздѣвательски задалъ старцу Зосимѣ Федорѣ Карамазовѣ. Что же ему отвѣтилъ старецъ? Отвѣтилъ прямо и опредѣленно, безъ всякой уклончивости, но такъ, что когда я читалъ впервые эту повѣсть въ 16-лѣтнемъ возрастѣ, то отвѣтъ этотъ меня удивилъ и не удовлетворилъ; я оцѣнилъ его значеніе, когда я заканчивалъ половину столѣтія своей жизни.

Старецъ отвѣтилъ: начни съ того, чтобы никогда не лгать, особенно самому себѣ (16. 74, 98). Такой же

совѣтъ дается въ „Подросткѣ“ интеллигентному юношѣ въ качествѣ основного руководства всей жизни: „Никогда не лги и помни 10-ую и всѣ 10 заповѣдей“ (14, 315).

У меня былъ добрѣйшій братъ; старше меня на 5 лѣтъ, очень умный, но безвольный, любознательный, но неаккуратный ученикъ; нерѣдко онъ получалъ въ гимназїи двойки и, видя, какъ это разстраиваетъ мать, скрывалъ отъ нея эти неудачи и ради этого прибѣгалъ ко лжи, что повергало родителей въ глубокую печаль. Правда, въ свое время братъ сталъ магистромъ естествовѣдѣнія, но, имѣя до крайности мягкую душу и не перенося никакихъ тяжелыхъ разговоровъ онъ и потомъ скрывалъ свои долги, бывавшіе слѣдствіемъ того, что онъ раздавалъ все, что получалъ. Вотъ такому почти праведному человѣку можно дать подобный совѣтъ: не лги потому что иныхъ грѣховъ у него почти не было; но учить правдивости въ словахъ человѣка, несквозь пропитаннаго сотнею пороковъ, прямо преступнаго, это казалось мнѣ, тогда юношѣ (даже мальчику), все равно, что больного скоротечной чахоткой лечить отъ случайно полученнаго насморка.

Долгій опытъ жизни и наблюденія надъ людьми показали мнѣ, что старецъ Зосима далъ именно тотъ совѣтъ, съ исполненія котораго и *долженъ начинать* свое нравственное возрожденіе грѣшникъ, запутавшійся въ бездну лжи и порока. Порочная жизнь невозможна безъ постоянного самообмана, и потому она почти всегда, или даже всегда, сопровождается наркозомъ—преимущественно пьянствомъ, такое средство всего легче содѣйствуетъ самообману, дѣлаетъ вѣроподобной всякую прїятную неправду и успѣшно отыскиваетъ оправданіе для всякаго гнуснаго дѣла. Не будь водки, вина, гашиша, опиума, морфія и другихъ наркозовъ, не было бы девяти де-

сятыхъ преступленій, какъ явствуетъ изъ уголовной статистики со времени воспрещенія государемъ продажи водки до новой возможности винокуренія со времени революціи: почти такова-же статистика самоубійствъ.

Справедливое убѣжденіе нашего писателя въ томъ, что ложь самому себѣ и другимъ есть главное и необходимое условіе для укоренѣнія въ злѣ и порокѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связано съ его убѣжденіемъ о томъ, что въ душѣ люди лучше, чѣмъ ихъ поведеніе, и что, если бы они провѣряли свои минутныя намѣренія и дѣйствія болѣе глубокими и постоянными стремленіями своей души, то не опускались бы ниже и ниже и не давали бы окончательно зачерствѣть своему сердцу. Изреченія автора такого оптимистическаго характера мы приводили въ достаточной степени, а теперь напомнимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были высказаны именно по поводу личности самаго Карамазова, его пожертвованій въ память умершей, почти замученной имъ первой жены и нѣкоторыхъ проявленій нѣжныхъ чувствъ къ Алешѣ, своему младшему сыну, поступившему въ монастырь.

Глубина и практичность указаннаго не однажды въ твореніяхъ нашего писателя *первага совѣта* порочному человѣку, *свободно пожелавшему* исправить свою жизнь заключается въ томъ, что совѣтъ этотъ имѣетъ характеръ внѣшній, такъ сказать, физической и притомъ *спеціальный*.

Это важно потому, что, если обрушиться на первый запросъ проснувшейся слабой совѣсти и развращенной воли цѣлымъ потокомъ совѣтовъ и требованій, то она почувствуетъ себя совершенно подавленной, и человѣкъ съ безнадежностью отступитъ отъ раскрывшагося передъ нимъ терноваго пути.

Конечно, другое дѣло, если этотъ человѣкъ обла-

далъ глубокою вѣрою во Христа, какъ дядя Власъ. Такой, чѣмъ рѣзче опредѣлитъ путь своего исправленія, тѣмъ будетъ благонадежнѣе.

„Роздалъ Власъ свое имѣніе,
„Самъ остался босъ и голъ
„И собирать на постройку
„Храма Божьяго пошелъ.

Но человѣкъ невѣрующій или полувѣрующій, такой не можетъ ни устоять сразу въ тяжеломъ аскетическомъ подвигѣ, ни даже внушить себѣ сразу какое либо положительное добродѣланіе, ибо изолгавшаяся душа сейчасъ же при помощи привычныхъ софизмовъ начнетъ уклоняться въ сторону отъ принятаго подвига. Достаточно, если онъ все свое вниманіе устремитъ на то, чтобы устранить главную помѣху своего оздоровленія, чтобы человѣкъ пересталъ самъ себя дурить и коверкать. Злая страсти еще пожалуй не разъ и не два натолкнутъ его на какую нибудь гадость, но если онъ устоитъ хоть въ томъ маломъ подвигѣ, которому научилъ его старецъ Зосима, то не будетъ себя оправдывать въ своихъ проступкахъ и паденіяхъ и черезъ одно это наполовину охладѣетъ къ тому, что его привлекало. А если начнетъ охладѣвать ко всему скверному, то душа его станетъ все доступнѣй и доступнѣй къ чувствамъ благороднымъ и мягкимъ; все чаще и чаще онъ, поддаваясь имъ, будетъ поступать человѣколюбиво и честно, а черезъ то получить и дѣятельный вкусъ къ добродѣтели и тогда будетъ въ состояніи обречь себя на болѣе широкую борьбу со зломъ въ себѣ самомъ, почувствуетъ потребность научиться вѣрѣ и молитвѣ, а затѣмъ уже откроется передъ нимъ свѣтлая дорога къ совершенному возрожденію и новой праведной жизни.

ГЛАВА XIII.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ.

§ 1. Православная Церковь.

Двѣнадцатая глава заняла въ нашей рукописи цѣлую половину того числа страницъ, которое потребовалось для одиннадцати предыдущихъ вмѣстѣ. Трактую о нравственной жизни человѣческой души, она разсматривала ту часть ученія Достоевскаго, которая была для него самой дорогой, ибо писатель нашъ, будучи и на родникомъ, и государственикомъ, и юристомъ-любителемъ, все таки выше всего цѣнилъ и болѣе всего любилъ человѣческую душу и ея возрожденіе.

Въ другой, давнишней своей статьѣ мы поясняли, что почти всѣхъ своихъ героевъ нашъ писатель ставилъ предъ этимъ призывомъ Промысла, предъ призывомъ ихъ къ возрожденію. Тѣ герои его, которые идутъ навстрѣчу этому призыву, обрѣтаютъ смыслъ жизни, а тѣ, которые его отталкиваютъ, погибаютъ нравственно, а часто и физически черезъ самоубійство.

Упоминали мы о томъ, что Достоевскій ставитъ отношеніе русскаго человѣка къ религіи въ неразрывную связь съ его отношеніемъ къ народу; это, во-первыхъ, еоотвѣтствуетъ наличной нашей дѣйствительности, а, во-вторыхъ, привлекаетъ къ религіознымъ и мо-

ральнымъ матеріямъ вниманіе свѣтскихъ читателей, боязливо отодвигающихся отъ такихъ темъ, если онѣ не связаны съ вопросомъ народнымъ и общественнымъ. У Достоевскаго же указанная связь естественна еще и по той причинѣ, что онъ, какъ мы видимъ, признаетъ въ основѣ всѣхъ крупныхъ общественныхъ, политическихъ и историческихъ движеній начало религиозное или противорелигиозное, но тоже мистическое, т. е. инфернальное.

Теперь пора обратиться къ тѣмъ его немногочисленнымъ, но очень цѣннымъ изреченіямъ, которыя касаются специально религиозной организаціи жизни, т. е. Православной Церкви, — явленія космополитическаго, но въ тоже время въ Россіи въ высшей степени народнаго, болѣе народнаго, чѣмъ государство, особенно послѣпетровское.

Народъ нашъ мыслить себя и свою страну, т. е. Святую Русь, прежде всего какъ общество православныхъ христіанъ, совершающихъ свое спасеніе, т. е. какъ Церковь, какъ часть Вселенской Православной Церкви, а на государство онъ взираетъ лишь какъ на ея внѣшнюю охрану. На своего царя — благочестивѣйшаго — народъ взиралъ прежде всего какъ на дѣятеля церковнаго, т. е. охранителя Церкви на Руси и внѣ Руси, о чемъ прямое изреченіе Достоевскаго мы приводили выше.

Мы сказали, что изреченій Достоевскаго о церкви немного, и это потому, что нашъ авторъ, какъ и вообще всѣ высоко-талантливые писатели, избѣгаетъ толковать о томъ, о чемъ не имѣетъ специальныхъ познаній, а, кромѣ того, какъ человекъ въ высшей степени искренній, заговаривалъ о разныхъ предметахъ лишь по

иѣръ того, какъ они становились центромъ его переживаній.

Того же мудраго правила держались до времени и другіе наши талантливые писатели: Чеховъ, Горькій, Тимковскій, и поэтому отъ ихъ повѣстей вѣяло прекрасной, возвышающей душу правдой; но послѣдніе два автора, къ сожалѣнію, поступили на службу революціи и рѣзко измѣнили укаванному правилу и тѣмъ загубили свой талантъ; таковы грубо тенденціозныя повѣсти ихъ о нашемъ духовенствѣ, лишеныя всякой художественной правды и даже какого-либо солиднаго знакомства съ этой средой, а набирающіе краски изъ западныхъ романовъ о жизни іезуитовъ, какъ и Мельниковъ-Печерскій свои анекдоты о заволжскихъ старовѣрческихъ монахахъ бралъ изъ „Декамерона“ (объ игуменѣ и поломойкѣ). Да, плохо, когда вдохновеніе писателя отдается въ рабство. Не говорю уже о Купринскихъ, Чириковскихъ повѣстяхъ, гдѣ стало обязательно почти въ каждой повѣсти выводить идеальный типъ еврейки, преслѣдуемой злобой русскихъ и рѣшающейся на принципиальное самоубійство.

Порядокъ центральныхъ идей повѣстей Достоевскаго можно приравнять къ тому порядку нравственнаго возрожденія, который мы приблизительно изложили въ предыдущей главѣ: сперва жалость и совѣсть, сознание грѣха и борьба, потомъ отреченіе отъ гордости или, напротивъ, нарочитое нарушеніе заповѣди и преступленіе, тяжкія муки совѣсти, вторичное покаянное обращеніе и начало вѣры, наконецъ, положительная работа надъ собой и среди ближнихъ и въ завершеніе тѣснѣйшее соединеніе своей жизни и дѣятельности съ наличною жизнью Православной Церкви, съ ея молитвами, догматами и монастырями. Если вы начнете припоми-

нать порядокъ повѣстей нашего писателя: „Бѣдные Люди“, дальнѣйшія его краткія повѣсти, затѣмъ „Униженные“, „Преступленіе“, „Идіотъ“, „Бѣсы“, „Подростокъ“ и, наконецъ, „Братья Карамазовы“. то замѣтите, что центральныя идеи каждаго изъ этихъ твореній шли именно въ такой послѣдовательности, а чисто церковныя перспективы открылись передъ читателями и передъ авторомъ, и притомъ въ нѣкоторой типичной обстоятельности, только въ послѣдней его повѣсти, занявшей и поглотившей уже послѣдніе годы его жизни.

Не теряемъ случая еще разъ поэтому заявить, что вдохновеніе автора шло впереди формъ его убѣжденій, что онъ менѣе всѣхъ своихъ современниковъ былъ человекомъ партіи или тенденціи. Не потому онъ писалъ о смиреніи, покаяніи и братотюбіи, что былъ православнымъ, а потому становился и сталъ православнымъ, что уразумѣлъ и возлюбилъ добродѣтель и высоту души человѣческой. Такова же причинная зависимость его общественныхъ и государственныхъ воззрѣній: они были не послылками, а выводомъ изъ его психологическихъ наблюденій и нравственныхъ созерцаній и переживаній.

Проповѣдникъ нравственной автономіи и категорическаго императива Кантъ долженъ былъ бы остаться вполне доволенъ послѣдовательностью идей Достоевскаго, хотя идеи послѣдняго радикально разнились отъ общественнаго и богословскаго ученія Кенигсберскаго философа. но при всемъ томъ оба эти мыслителя сходятся въ той мысли, что выше всего ставятъ и дороже всего цѣнятъ нравственное благо, а отсюда уже такъ или иначе цѣнятъ религію, отечество, другія культуры, наконецъ даже формы правленія и т. п. Итакъ, Достоевскій не сразу, а только понемногу сталъ толковать въ своихъ повѣстяхъ о религіи вообще, или о Богѣ,

потомъ и не сразу же о Христѣ и только въ послѣдней повѣсти о Церкви Православной. Въ прежнихъ же повѣстяхъ онъ позволялъ себѣ только уголкою, эпизодически коснуться послѣднихъ двухъ предметовъ, хотя самые факты его наблюдений надъ душой человѣка и ея нравственной борьбой предсказывали дальнѣйшее направленіе его идей, развитіе или эволюція которыхъ посему должна быть признанной самой правильной или органической: отъ болѣе яснаго и шутливаго и въ то же время жизненно-фактическаго къ болѣе спорному и въ то же время высшему.

Такъ было въ повѣстяхъ нашего писателя, гдѣ читатель требуетъ прежде всего художественной правды и поученія отъ самой изображенной жизни, а не лично отъ автора. Другое дѣло въ статьяхъ Дневника Писателя, гдѣ послѣдній непосредственно дѣлится съ публикой своими личными наблюдениями и личными убѣжденіями. Здѣсь авторъ и раньше, хотя почти одновременно съ написаніемъ послѣдняго романа позволялъ себѣ высказываться о православіи, особенно тамъ, гдѣ это было неизбежно, т. е. въ своихъ статьяхъ по Восточному вопросу.

Что же касается до его повѣстей, то даже въ Братьяхъ Карамазовыхъ Достоевскій касается церковныхъ матерій почти только въ эпической формѣ, описывая бытъ и нравы монастыря. Развѣ только предсмертная исповѣдь старца Зосимы, гдѣ проведены уже положительныя религіозныя идеи, есть нѣчто большее, чѣмъ эпосъ. Но и здѣсь о Церкви, какъ о учрежденіи, какъ о фактѣ очень мало рѣчи, а ведется она о душѣ человѣка, о настоящей и будущей жизни, о покаяніи и паденіяхъ, о господахъ и крестьянахъ, о Христѣ и Евангеліи и т. п.

Итакъ, о церкви въ специальномъ смыслѣ Достоев-

скій говоритъ очень мало, хотя жизнь народа нашего и его идеалы, онъ, какъ мы видѣли раньше, понималъ какъ жизнь и идеалы церковные. Подробнѣе и замѣчательно сильно и смѣло Достоевскій говорилъ о ложныхъ религіяхъ Запада, преимущественно со стороны ихъ нравственно-общественныхъ воззрѣній, пріемовъ, и цѣлей. Къ этому мы скоро возвратимся, а теперь приведемъ то немного, что касается организациі нашей религіозной жизни и религіозныхъ идеаловъ.

Первою ласточкой церковныхъ насажденій, т. е. церковной весны, является въ предпоследней повѣсти Достоевскаго, въ *Подросткѣ*, одна предсмертная фраза простеца, но религіознаго философа-моралиста Макара Ивановича, фраза не сопровождаемая никакими поясненіями, ни предвареніями, но сказанная торжественно въ качествѣ завѣщанія своему мнимому сыну, котораго онъ узналъ только въ своей предсмертной болѣзни и также горячо его полюбилъ, какъ и тотъ юноша привязался къ отходящему старцу. Слова эти въ повѣсти являются почти неожиданными: „поревнуй о святой Церкви, мой милый (11, 340).

Впрочемъ, назвавъ завѣщаніе старца Макара Ивановича первой ласточкой чистаго церковнаго ученія Достоевскаго, мы должны оговориться, что разумѣемъ именно *его ученіе*, приводимое въ повѣстяхъ, что же касается до *его убѣжденій*, то этотъ путь и путь жизни и подвига церковнаго, предносился ему, какъ нормальный и высшій давно. Именно въ одной изъ давнишнихъ его повѣстей: „Село Степанчиково,“ идеальная и просвѣщенная дѣвушка Настенька, взятая замужъ богатымъ и добрымъ помѣщикомъ изъ тяжелой нужды, что дѣлаетъ? Читаетъ житія святыхъ пишетъ о ней Достоевскій, и толкуетъ, что надо раздать имѣніе и быть бѣднымъ (318).

Возвращаемся къ Подростку. О томъ, принялъ ли къ сердцу Подростокъ совѣтъ старца, повѣсть не говорить ни слова, но слѣдующая и послѣдняя повѣсть нашего писателя изображаетъ другого подростка, посвятившаго себя этой идеѣ—Алешу Карамазова. Правда, писатель послѣ смерти старца Зосимы удаляетъ его изъ монастыря, чтобы онъ „трудился для Бога“ въ міру, согласно завѣту самаго старца. Но этотъ эпизодъ не вытекалъ изъ смысла повѣсти, ибо осталось совершенно неизвѣстнымъ, въ чемъ долженъ состоять этотъ трудъ который сверхъ того съ такимъ успѣхомъ проводилъ въ своемъ общеніи съ людьми Алеша-монахъ, и который въ мірскомъ человѣкѣ будетъ не совсѣмъ даже естественнымъ. Здѣсь не болѣе, какъ педагогическій приемъ, допущенный авторомъ ради своихъ молодыхъ читателей, которые, подъ обаяніемъ типа Алеши, готовы были тогда покидать училища и университеты и поступать въ монастыри, изъ чего ничего добраго не вышло бы, ибо эти ревнителю, не имѣя никакой религіозной и церковной подготовки, только разочаровались бы въ монашество, и монастырь разочаровался бы въ нихъ самихъ. Достоевскій долженъ былъ допустить по педагогическимъ побужденіямъ такой даже грѣшокъ противъ художественной правды, ибо никогда монастырскій старецъ не отошлетъ въ міръ ревностнаго послушника, а особенно такого, какъ Алеша Карамазовъ.

И такъ Алеша Карамазовъ смолоду является монахомъ и дѣятелемъ церковнымъ, но послѣднее не мыслится имъ въ качествѣ опредѣленной планомѣрной или организованной дѣятельности. Свое прямое призваніе онъ видитъ въ служеніи старцу и въ монашескомъ подвигѣ, а, если и выходитъ нерѣдко въ городъ къ роднымъ и другимъ людямъ, обращающимся къ его нравственной по-

мощи, поддержкѣ и утѣшенію, то по необходимости и съ благословія старца. Поэтому напрасно искали бы мы въ дѣятельности или рѣчахъ Алеши какихъ либо указаній автора о церковной жизни. Однако типъ Алеши имѣетъ въ ученіи Достоевскаго то значеніе, что этотъ юноша является у него нашедшимъ истинный путь жизни разумнаго человѣка, христіанина, народника, тотъ правый путь въ жизни, котораго искали такъ горячо и страстно положительные типы прежнихъ повѣстей автора: Униженные, Идіотъ, Преступленіе, Бѣсы, Подростокъ и пр.. Рисуя образъ Алеши, авторъ говоритъ черезъ него русскому обществу и юношеству: „вотъ гдѣ путь къ осмысленной жизни, примиренный съ совѣстью и объединенный съ нашимъ народомъ“.

О томъ, какимъ неоцѣненнымъ благомъ является для народа убѣжденный священникъ и инокъ, говоритъ въ предсмертной бесѣдѣ своей старецъ Зосима. Рѣчи эти глубоки и трогательны, но значеніе ихъ входило бы въ содержаніе такъ называемаго „Пастырскаго Благословія“, т. е. ученія о религіозномъ руководствѣ нашей паствы ея пастыремъ; самого же существа церковной жизни, какъ организациі онѣ мало касаются. Поэтому мы не будемъ передавать ихъ мыслей, ибо таковыхъ столь много, что намъ пришлось бы передавать все содержаніе этихъ бесѣдъ, а не намѣчать только главныхъ идей автора по разнымъ предметамъ; отсылаемъ читателя къ непосредственному ознакомленію съ бесѣдой старца Зосимы, что было бы полезно не только для мірскихъ читателей, но и для іереевъ и для иноковъ.

Для нашей цѣли — составить словарь идей Достоевскаго — важнѣе остановить вниманіе читателя на тѣхъ двухъ-трехъ его изреченіяхъ, которыя касаются жизни самой церкви, а ея руководственное значеніе для русскаго

народа намъ достаточно извѣстно изъ вышеприведенныхъ мыслей автора о нашемъ народѣ и его чисто церковной культурѣ, въ коей заключается все содержаніе народной жизни и ея идеаловъ (21, 498). Напомнимъ вторично только одно, самое опредѣленное изрѣченіе о семъ автора: идея нашего народа, или его православіе, есть идея Вселенской Церкви, а ея идея — соединеніе всѣхъ во Христѣ (21, 498). Именно черезъ идею Церкви мысль Достоевскаго и чувство нашего народа выходитъ отъ своего нравственно-индивидуальнаго начала — народно-бытового ко всемірному; здѣсь соединеніе личнаго подвига, или индивидуализма (въ которомъ столь неразумно укоряла критика самого Достоевскаго и славянофиловъ), къ общественному и міровому. — Для насъ особенно цѣнно то, что нашъ писатель одинъ изъ очень немногихъ свѣтскихъ писателей знаетъ православную религію, нашу Церковь не только какъ русскую или народную, но въ то же время, и прежде всего, какъ Вселенскую, которую мы исповѣдуемъ въ девятомъ членѣ Символа Вѣры. А еще важнѣе для насъ то, что церковь эта ему представляется не только какъ предметъ вѣры, но и какъ живое *дѣло*, требующее живого общаго проявленія. Толкуя много о восточномъ вопросѣ, Достоевскій указываетъ на то наибольшее его значеніе, о коемъ 90 процентовъ прочихъ писателей по сему вопросу и не думали. Онъ пишетъ: необходимъ по освобожденіи восточныхъ христіанъ *Вселенскій Соборъ* (21, 80). Замѣчательно, что и въ такомъ, въ то время почти изолированномъ заключеніи Достоевскій явился тоже пророкомъ, ибо черезъ 25 лѣтъ о соборѣ заговорили со всѣхъ сторонъ, хотя и по разнымъ побужденіямъ; заговорили многіе и о соборѣ вселенскомъ, а въ 1917 году осуществился и дѣйствительный соборъ, хотя и не вселенскій, а помѣстный и съ нѣкоторымъ от-

печаткомъ революціонныхъ и протестантскихъ стремленій при своемъ открытіи, но совершенно ихъ отринувшей и оказавшей православію и Церкви великія услуги.

Еще болѣе замѣчательно то, что нашъ писатель могъ признать и тѣ проблемы нашей церковной жизни, которыя были слѣдствіемъ ея насильственного обособленія отъ прочихъ православныхъ церквей Петромъ и послѣдовавшимъ за тѣмъ двухвѣковымъ лютеранскимъ европеизмомъ. Авторъ именно заявляетъ, что самое высшее духовное руководство русской паствы и русскаго монашества, т. е. „старчество“ завяло у насъ вслѣдствіе прекращенія сношеній съ православнымъ Востокомъ (17, 45). — Итакъ онъ разумѣлъ, что религіозное и нравственное общеніе должно быть шире жизни національной и непременно охватывать всю полноту Христовой Церкви, ибо только полнотѣ ея, т. е. общенію всѣхъ православныхъ народовъ обѣщано Богомъ совершенное познаніе и уразумѣніе истины и усвоеніе завѣщанной Имъ святости.

Вотъ почему онъ такъ волновался Восточнымъ вопросомъ. — Восточный вопросъ, — писалъ онъ, — есть разрѣшеніе судебъ православія и христіанскаго возрожденія Европы (21, 366),

Такова широта религіозно-общественнаго горизонта Достоевскаго. Она выражается и болѣе опредѣленно. — Въ Европѣ идетъ всемірно-католическій заговоръ (21, 276), но Господь отвергнетъ его и поставитъ на его мѣсто восточное православіе (21, 288).

— Бисмаркъ и протестанты, — пишетъ авторъ, — надѣются остановить революцію, но ее остановитъ Православный Востокъ (21, 373). Мы оцѣнимъ значеніе этой мысли, когда припомнимъ, что въ начавшемся тогда и разгорѣвшемся теперь европейскомъ революціонномъ движеніи авторъ видѣлъ не преобразование госу-

дарственного управления или экономическаго строя, а демоническое возстаніе противъ Бога и совѣсти и попытку устроить жизнь человѣчества не токмо помимо этихъ началъ, но и въ постоянной борьбѣ съ ними. Посему пусть никто не думаетъ, будто нашъ писатель придавалъ этимъ своимъ предсказаніямъ характеръ мистическій, будто онъ представлялъ себѣ будущую славу Православной Церкви и будущее вліяніе православія на жизнь Европы, только какъ небесную награду ей за сохраненіе апостольскаго христіанства. Нѣтъ, онъ мыслилъ событія въ строгой исторической причинной связи или прагматизмѣ и выражался о семъ столь кратко и въ данномъ случаѣ аподиктически, что для уразумѣнія его мысли необходимо привести его наблюденія надъ религіозной жизнью Западной Еввопы, чтобы понять, почему тамъ, по его мнѣнію, изсякъ источникъ нравственно возрождающей силы христіанства.

§ 2. Инославныя исповѣданія.

Конечно, Достоевскій не беретса судить о наличности или, напротивъ, о потерѣ тамошними церквами благодати Божіей, о возможности или невозможности тамъ вѣчнаго спасенія для вѣрующей души, — словомъ онъ не вступаетъ въ вѣроисповѣдное обличеніе или въ конфессиональную полемику. Если бы дѣло у него шло дальше, то мнѣ было бы невыразимо трудно пересказывать подобныя мысли здѣсь, въ католическомъ монастырѣ подъ Краковомъ, гдѣ добрѣйшіе монахи осыпали насъ знаками своего братскаго вниманія и участія.

Къ счастью, такихъ предметовъ истолкователю Достоевскаго совсѣмъ не приходится касаться, ибо нашъ писатель говоритъ только объ общественномъ вліяніи

папской политики на жизнь народовъ, нисколько не отрицая того, что внутри не только церкви католической, но и католическаго клира и монашества могутъ существовать и существуютъ и личности, и общины, и цѣлыя направленія, исполненныя самыхъ чистыхъ стремленій къ святости, къ небу, ко Христу и вовсе не сочувствующія тому неправильному наклону политики и управленію Ватикана, которое лишаетъ Европу возможности вырваться изъ когтей атеизма и социализма. Сверхъ того должно замѣтить, что врагамъ папства въ Европѣ Достоевскій сочувствуетъ еще меньше, чѣмъ самому папству. — Папство поражено въ Италіи, — пишетъ онъ, — а что вышло? Еще хуже (21, 166) т. е. масонство и деморализація итальянской народности. Достоевскій нападаетъ, какъ мы сказали, не на догматы католической религіи, а на стремленіе Ватикана удержать свѣтскую власть папы, въ чемъ авторъ справедливо видитъ подрывъ основнымъ идеямъ христіанства, ибо каждый государь поневолѣ является палачомъ, какъ утверждающій смертные приговоры, объявляющій войну и руководящій ею, т. е. цѣлою системою убійствъ. Все это составляетъ печальную необходимость жизни даже христіанскихъ народовъ, но ею не долженъ руководить пастырь церкви, ибо такая дѣятельность несовмѣстима въ одномъ лицѣ съ призывомъ всѣхъ людей къ покаянію и къ изреченіямъ прощенія всѣмъ кающимся. Въ этомъ смыслѣ нашъ писатель заявляетъ: — Папизмъ, провозгласивъ гражданскую власть папы, впалъ тѣмъ самымъ въ ересь (20, 102). Во время Достоевскаго, при папѣ Піѣ IX, эти мірскія стремленія Ватикана были особенно сильны, и съ ними тѣсно связаны догматы *de infallibilitate*, существующій въ практической жизни cadaго государства, какъ свойство его

высшей власти и въ данныхъ условіяхъ свойство необходимое: противъ опредѣленія высшей государственной власти, т. е. автократовъ или парламента, возраженія невозможны. Папа, пишетъ Достоевскій, — нарекъ себя царемъ надъ царями въ 1870 г. (20, 103).

Въ этомъ же смыслѣ онъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ такъ: католическая (читай—ватиканская, папская) идея— идея древнеримская, т. е. насильственное объединеніе человѣчества черезъ подчиненіе Риму (21, 5). Римъ ведетъ свою идею всемірнаго владычества, а Бисмаркъ борется за Германію (т. е. за ея господство—21, 176, 177). Риму нуженъ не Христосъ, а всемірное владычество (21, 187).— Эта идея прямое продолженіе языческой идеи (29, 329): первый шагъ въ этомъ планѣ—возстановленіе свѣтской власти папы (19, 341, —уничтоженной возстаніемъ Гарибальди) — Достоевскій притомъ убѣжденъ, будто такое усиленіе этой идеи не есть временное увеличеніе римской куріи, но что „латинская идея“ о всемірномъ владычествѣ не умираетъ до конца вѣка (19, 328), а о современномъ ему демократическомъ направленіи нѣкоторыхъ круговъ католическаго духовенства (направленіе это усилилось особенно при Львѣ XIII) выражаетъ увѣренность, что только ради возстановленія свѣтской власти папы „предпринимаются демократическія вылазки католическаго духовенства“ (19, 342), и что во Франціи католичество войдетъ въ союзъ съ социализмомъ (21, 372—пока этого однако нѣтъ), ибо оно надѣется, что социализмъ послѣ неудачи своей обратится къ католической іерархіи (21, 373) Въ тоже время королей въ революціи поддерживаетъ пока только католическая церковь. (20, 109).

Вмѣшиваясь въ политику не съ цѣлью народнаго блага, а для своихъ римскихъ цѣлей, клерикалы на са-

момъ дѣлѣ суть „самые оторванные отъ народной почвы элементы“ (19, 318), и армія папы (тѣ-же клерикалы, особенно клерикальное духовенство) состоитъ не изъ гражданъ (той или иной народности) а есть *status in statu*, (т. е. особое римское государство въ государствѣ, 21, 190) и клерикалы вовсе не считаются съ народомъ и общественнымъ мнѣніемъ (19, 317). Характеризуя католичество со стороны дѣятельности клерикаловъ, одинъ изъ положительныхъ типовъ Достоевскаго, долго прожившій въ католической Швейцаріи, заявляетъ: „католичество вѣра не христіанская, даже не вѣра, а древнеримское (политическое) завоеваніе всего міра (11, 340).

О протестанствѣ Достоевскій не лучшаго мнѣнія: онъ ссылается на писателя Сиднея Дюббеля, характеризующее изжившееся католичество и протестанство (20, 111) и говоритъ уже отъ себя объ отрасли послѣдняго въ Россіи такъ: штунда лжива и фанатична (21, 11) и объ обоихъ: католичество идетъ къ идолопоклонству, а протестанство въ атеизмъ (21, 450). Когда лѣтъ 14 тому назадъ, прибавимъ отъ себя, была разслана анкета ко всѣмъ пасторамъ въ Германіи съ вопросомъ: за кого они почитаютъ Иисуса Христа?, то двѣ трети пасторовъ отвѣчали, что признаютъ его только человѣкомъ, а одна лишь треть ихъ исповѣдала Его Сыномъ Божиимъ.— Подобныя выходки у католическаго духовенства были индивидуальны; такъ, Достоевскій сообщаетъ, что —аббатъ Риго плюетъ на все и говоритъ, что причастіе „пустяки“ (14, 43), но теперь и тамъ существуетъ цѣлое направленіе подъ именемъ модернизма, отрицающее основные догматы Символа Вѣры.— Черезъ эти недобрыя стороны клерикальныхъ элементовъ произошло то, „что и самый атеизмъ, и социализмъ порождены католичествомъ, какъ пропасть“ (11, 342). Однако римско-завоева-

тельное направленіе, какъ мы видимъ, по мнѣнію Достоевскаго, никогда не оставитъ латинства, но если „оно кончится, то и протестанство исчезнетъ, ибо противъ чего будемъ тогда протестовать?“ (19, 391).

§ 3. Жизненная сила православія.

Двоякую цѣль имѣли мы передъ собою, когда брались знакомить читателя съ мыслями Достоевскаго о западно европейскіихъ исповѣданіяхъ. Во-первыхъ, мы желали предупредить возраженія: стоитъ ли толковать объ общественномъ и всенародномъ значеніи церкви или церквей теперь, когда религія вообще потеряла почти совсѣмъ свое вліяніе на жизнь? Какъ видите, нашъ писатель не только русскую жизнь, но и жизнь западныхъ народовъ и государствъ ставитъ въ тѣснѣйшую связь, то положительную, то отрицательную съ мѣстными религіями, въ которыхъ *несмотря на все*, и донинѣ заключается узелъ общественныхъ движеній, даже и на безбожномъ западѣ; тѣмъ невозможнѣе отрицать такую причинную зависимость жизни русской отъ нашей родной церкви, и въ частности въ отношеніи русскихъ къ заграничнымъ братьямъ по вѣрѣ, и вообще къ заграничному міру. Это одно, а другое, т. е. вторая цѣль напоминанія читателю вышеприведенныхъ мыслей Достоевскаго о главнѣйшихъ религіяхъ западной Европы (и въ частности противоположность ихъ центральной идеи съ идеей Православія), заключается вотъ въ чемъ. — Мы уже видѣли, что оригинальная идея самого Достоевскаго заключается въ томъ, что онъ, вопреки всѣмъ современнымъ публицистамъ и свѣтскимъ мыслителямъ, не только не желаетъ разъединять теоріи общественнаго и государственнаго благоустройства отъ личнаго подвига людей, но первое ставитъ въ

полную зависимость отъ второго, почитаетъ первое безъ второго невозможнымъ, и всѣ движенія, усовершенствованія и реформы перваго порядка ставить въ подчиненіе второму. Организация же личнаго подвига, т. е. указаніе людямъ дѣятельнаго идеала и обоснованіе его на соотвѣтствующихъ вѣрованіяхъ и упованіяхъ опредѣляется исповѣдуемой ими религіей и церковью. Посему та церковь, которая даже въ руководствѣ совѣстью своей папсты утратила спеціальную задачу, перестала считать небо и вѣчность и личную святость людей своею высшей цѣлью и высшей цѣнностью въ жизни, а поставила себѣ иныя цѣли, т. е. напр. всемірное подчиненіе Риму или возможное возвышеніе своей германской расы, такая церковь, или такія церкви, при всей ловкости своихъ пріемовъ и искусномъ разыгрываніи мистификацій, обречены на Сизифову работу, и вотъ почему: поставляя себѣ цѣли внѣшнія, и подчиняя имъ безусловныя цѣнности, т. е. спасеніе душъ и проповѣдь евангельской добродѣтели, въ качествѣ только служебныхъ средствъ для внѣшней централизаціи и подчиненія народовъ, — эти церкви, быть можетъ, незамѣтно для себя самихъ начинаютъ (и уже давно продолжаютъ) дѣйствовать не на высшія побужденія души человѣческой, не черезъ то, чтобы дѣлать и примѣромъ призывать людей къ высшимъ подвигамъ добра и самопожертвованія, какъ Спаситель и Апостолы, — а дѣйствуютъ на ихъ чувства самосохраненія и выгоды, привлекая ихъ подъ знамена папства или германизма по мотивамъ эгоистическимъ, т. е. политическимъ (національнымъ, экономическимъ и т. п.), которыя постепенно и заполняютъ собою наличность церковной жизни, слѣдовательно и жизни вообще, такъ что начало подвига постепенно вовсе утрачивается изъ кругозора общества и народа, и вся атмосфера жизни принимаетъ характеръ ути-

литарный. Но лишь только подобное настроеніе становится преобладающимъ, то тѣ народы должно признать правильно вырождающимся, и ихъ озвѣреніе, т. е. животная борьба за существованіе, становится только вопросомъ времени, за которымъ наступаетъ революція и антропофагія.

Правда, послѣдняя обнаружилась не въ Западной Европѣ, а въ Россіи, и это предвидѣлъ самъ Достоевскій, но, какъ было уже сказано, здѣсь она является не какъ естественный результатъ эволюціоннаго процесса, а какъ случайное и наслѣдственное завоеваніе страны внѣшними, съ европейскаго запада пришедшими обманщиками при разслабленіи администраціи; поэтому наше ослѣпленіе и антропофагія должна быть выброшена такъ далеко, какъ издалика она налетѣла. Сбѣсившіяся свиньи старика Верховенскаго потонуть въ озерѣ, а исцѣлившійся и наученный опытомъ страдалецъ русскій народъ повѣдаетъ всюду и всѣмъ о благодати Исцѣлителя. Вотъ этого-то Исцѣлителя, это-то начало не себялюбиваго самосохраненія, а самоотверженнаго подвига, эту-то вѣру въ силу самой Христовой истины, въ ея побѣду надъ жизнью чрезъ подвигъ и святость ея провозвѣстниковъ, вотъ такой-то именно девизъ и несетъ съ собой и несла всегда Православная Вселенская Церковь, не объединенная никакою единоличною, ни вообще вооруженною властью, даже неоднократно, какъ бы временно, подавляемая еретиками или магометанами, но хранимая силою подвиговъ и самопожертвованія. Старецъ Зосима и монашество — вотъ та организующая, но лишенная внѣшнихъ гарантій сила, чрезъ которую по преимуществу Церковь простираетъ свое возрождающее вліяніе на жизнь. То и замѣчательно, что Достоевскій противопоставляетъ организа-

ці Великаго Инквизитора не силу организованной православной іерархіи, не Правительствующій Синодъ и даже не Восточныхъ Патріарховъ, не русскихъ ученыхъ архіереевъ, а совершенно внѣ ихъ активнаго вліянія выросшую изъ нѣдръ самой Церкви и народа скромную монашескую общину близъ уѣзднаго города. Отступленіе и вырожденіе латинской церкви онъ находитъ въ томъ обстоятельстве, что она провозгласила гражданскую власть папы и тѣмъ выразила свое невѣріе въ пастырское правленіе нашего Вѣчнаго Первосвященника, Который, по Апостолу, всегда живъ и можетъ спасти приходящихъ черезъ Него къ Богу, имѣя непреходящее священство, т. е. управлять церковью и охранять ее непоколебимою отъ враговъ.

А такъ какъ Христось близокъ тамъ, гдѣ соединяется преимущество подвига и любви, то и благодатное вліяніе церкви сосредоточивается не тамъ, гдѣ наивысшая церковная власть или ученость, а гдѣ высшая святость. Это не отвлеченныя идеи Достоевскаго, а правда русской жизни. Не Петербургъ и даже не Москва — столица православія, а Св. Афонъ, Оптина Пустынь, Валаамъ и тому подобныя святыя мѣста. Туда стремятся народныя сердца, тамъ и оттуда утверждается его вѣра, укрѣпляется надежда и умножается любовь.

Замѣчательно, что жизненную силу всего этого въ русскомъ народѣ съ особенной наглядностью выразилъ любимый нашимъ авторомъ творецъ баллады „Дядя Власть“, т. е. Некрасовъ, бывший западникъ и чуть не республиканецъ; который, однако, почти незамѣтно для критики и даже для самого себя, постепенно къ концу жизни перешелъ въ противоположный лагерь, какъ, впрочемъ, дѣлали почти всѣ русскіе писатели и вообще всѣ добрые и умные люди.

Помнить-ли читатель, какую увѣренность выражает Некрасовъ въ живучести русскаго народа и его побѣдѣ надъ всѣми своими язвами и на чемъ основываетъ свою увѣренность?

На картинѣ повѣствованія въ крестьянской хатѣ старика о святыхъ мѣстахъ и о подвигахъ праведниковъ Божіихъ, древнихъ и современныхъ. Съ какимъ нѣмымъ восторгомъ слушаютъ его всѣ члены семьи, старые и молодые, большіе и малые, мужчины и женщины, забывъ о снѣ и усталости, почти замеревъ, одна съ веретеномъ въ рукахъ, другой съ невытертыми на щекахъ слезами. Второй разъ Некрасовъ предается тѣмъ же свѣтлымъ надеждамъ на великое будущее нашего народа, описывая на деревенскомъ праздникѣ идеальное настроеніе двухъ семинаристовъ, дьячковыхъ сыновъ, будущихъ народныхъ пастырей. Обоихъ поэтовъ охватываетъ сознательная и провѣренная опытомъ увѣренность въ томъ, что сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ и вліятельнѣе всего на человѣчество дѣйствуетъ не какая-либо внѣшняя физическая или государственная сила, но сила добродѣтели самоотверженной, опирающейся только на вѣру въ Бога и во Христа, и въ будущую загробную жизнь и ея правду.

Въ такомъ случаѣ, пожалуй, спросить читатель: почему же вы называете церковь организаціей, если творческая сила жизни предполагается въ личномъ, субъективномъ настроеніи людей? Отвѣтъ: Церковь есть прежде всего организація самыхъ религіозныхъ функцій: молитвы, священнодѣйствій, духовной науки, назначенія духовныхъ лицъ и руководства ими. Принудительнаго въ Церкви нѣтъ ничего: кто не желаетъ принимать ея вѣроваій, тотъ послѣ увѣщаній отлучается отъ нея, т. е. выключается изъ ея состава, но его не

подвергають никакимъ физическимъ ограниченіямъ. Сила религіознаго одушевленія пастырей и паствы создать собою *церковный бытъ*, т.-е. цѣлый огромный капиталъ нравственныхъ привычекъ и общепринятыхъ правилъ жизни, которыя получаютъ и получили въ русскомъ народѣ болѣе устойчивую мощь, чѣмъ принудительные государственные законы, дѣйствуя двумя сильнѣйшими мотивами челоуѣческаго общежитія: мотивомъ убѣжденнаго *подражанія* и *стыда*. которыми и строилась и держалась жизнь народа отъ временъ Ярослава и до XX вѣка. Объ этомъ можно бы много говорить, но Достоевскій не оставилъ о семъ никакихъ опредѣленныхъ изреченій, а потому мы ограничиваемся этой договоркой къ его мыслямъ на случай какого-либо недоумѣнія со стороны читателей. Называемъ эти строки договоркой, потому что хотя ихъ нѣтъ у нашего писателя, но во всѣхъ повѣстяхъ онъ рисуетъ картину мощнаго вліянія религіозной воли на окружающихъ и особенно на народъ („Вѣрующія бабы“); это суть картины воспитанія *коллективной воли* православнаго народа, которая выражается не только въ храненіи православной вѣры и ея обычаевъ, но еще болѣе въ признаніи нравственной обязательности отношеній къ ближнимъ и къ самому себѣ, установленныхъ Церковью. Эти-то вотъ начала сохраняютъ свою жизненность даже въ томъ случаѣ, если русской государственности суждено совершенно погибнуть, а народу нашему быть подѣленнымъ между другими государствами. Но эти же начала, а не страхъ кары, держали крѣпко и расширяли нашу государственность: именно за нихъ, за вѣру святую стоялъ нашъ народъ противъ врага на полѣ брани, пока эту вѣру не постаралось у нашего войска отнять его Временное Правительство. Но у народа вѣры этой от-

нять не удастся никому и ничему, и, конечно, онъ, или, вѣрнѣе, она, т. е. вѣра, возсоздастъ его прежнюю государственность, но уже свободную отъ рабства европейскому вліянію. Впрочемъ, если и не возсоздастъ, то народъ нашъ, прежній нашъ народъ, православный, все равно не изгибнетъ; не изгибнетъ даже наше полуправославное общество, а, напротивъ, можетъ-быть, наученное горькимъ опытомъ послѣднихъ лѣтъ, станетъ вполне православнымъ и народнымъ.

Намъ хочется присоединить къ нашему словарю еще двѣ дополнительные главы, не входящія прямо въ нашу задачу, но соприкасающіяся съ нею по содержанию. Именно мы желаемъ привести изреченія Достоевскаго и о насущныхъ нуждахъ внѣшней русской жизни, о нуждахъ государственныхъ, сверхъ тѣхъ, о которыхъ онъ проговаривался въ выше приводившихся своихъ афоризмахъ и сужденіяхъ; затѣмъ мы не хотѣли бы оставить внѣ своего Словаря тѣхъ изреченій автора, въ которыхъ онъ выражалъ свойства и вкусъ своей жизни и своего характера и свои особенно характерныя и оригинальныя наблюденія надъ свойствами чело-вѣческой души вообще и русскаго народа въ частности.

ГЛАВА XIV.

ДАЛЬНѢЙШІЯ НУЖДЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Сверхъ тѣхъ мыслей нашего писателя, которыя нашли себѣ мѣсто въ предыдущихъ главахъ Словаря и имѣли значеніе не только нравственное и психологическое, но и государственно-административное, намъ остается привести еще нѣсколько заявленій Достоевскаго, значеніе которыхъ оказалось тоже не только практическимъ, но и пророческимъ, а его недалководнымъ современникамъ казалось фантастическимъ и парадоксальнымъ.

Таковы прежде всего его мысли о Сибири, которая въ настоящее время становится для Россіи Мининскимъ Нижнимъ. — Россіи, — писалъ Достоевскій о Турціи и Сибири, — полезно на время забыть о Петербургѣ и быть душой на Востокѣ (21, 365). И далѣе уже совсѣмъ незадолго до своей смерти: — Отдайте намъ Азію, а Европѣ мы мѣшать не будемъ (21, 515). Если бы мы обратились къ устройенію нашей Азіи, то было бы у насъ великое національное возрожденіе (21, 517). — Тогда бы создалась Россія новая, которая возродитъ старую (21, 520).

Критика подняла автора на смѣхъ. „Довольно и того, что славянофилы зовутъ насъ въ старую и суетвѣрную Москву, подальше отъ окна въ просвѣщенную Европу, а Достоевскій тащитъ насъ въ дикую Сибирь,

чтобы еще глубже погрузить въ мракъ невѣжества“ и т. п. Черезъ два мѣсяца послѣ выхода послѣдняго номера „Дневника“ и смерти самого редактора раздался вновь мощный голосъ другого нашего великаго публициста И. С. Аксакова, можно сказать, надъ неохладѣвшимъ еще тѣломъ умерщвленнаго Царя Александра II, повторявшій предсмертныя слова Государя: „Да, домой. Домой въ Москву, призываетъ новаго Царя вся Россія“, — такъ начинается передовица въ его знаменитой „Руси“. Опять поднялся смѣхъ, критика и издѣвательство грошовыхъ писакъ. Но вотъ свергли еще одного царя и убили. И что же? Ужь не царское правительство, а большевистское сочло за лучшее перейти въ Москву, гдѣ въ это же время возсіяла заря церковнаго возрожденіи въ лицѣ возстановленнаго Патріаршества. Такъ поднялась Москва, но кто тогда, при жизни Достоевскаго, кромѣ его самого, могъ предусматривать то значеніе для Россіи заброшенной Сибири, каковое послѣдняя теперь получила? Замѣьте сверхъ того, что нашъ писатель имѣлъ въ виду не только нравственно-патріотическое значеніе своей идеи, но и культурно-экономическое, первые шаги котораго предсказалъ тоже съ фотографической точностью. — Начинайте съ того, что проведите двѣ желѣзныя дороги: одну въ Сибирь, другую въ Среднюю Азію (21, 519). Первое дѣло начато черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Достоевскаго новымъ Государемъ при самыхъ неблагоприятныхъ отзѣвахъ печати: и казна разорится на такую колоссальную постройку, и ѣздить по этой дорогѣ будетъ некому, и возить нечего, и медвѣди будутъ въ вагоны влѣзать, и т. п. А между тѣмъ вскорѣ оказалось, что по огромному количеству товаровъ и пассажировъ не хватаетъ одного рельсоваго пути, и пришлось прокладывать дру-

гой. Такою же бойкой и выгодной для казны оказалась и Туркестанская желѣзная дорога, хотя четверть вѣка успѣло пройти, прежде чѣмъ правительство рѣшилось приняться за осуществленіе этой идеи Достоевскаго.

Насколько широкой полетъ творческой фантазіи и умъ моралиста — религіознаго философа не препятствовали Достоевскому усматривать самую реальную истину, это видно изъ того, что благодаря его статьямъ въ Дневникѣ Писателя столичный уголовный судъ долженъ былъ, пересмотрѣвъ, отмѣнить свой приговоръ по обвиненію мачехи Кирилловой въ убійствѣ своей падчерицы. Знакомясь съ процессомъ по газетамъ, Достоевскій догадался, что убійство (дѣвочку мачеха выбросила въ окно 4-го этажа, но Богъ сохранилъ ее невредимою) было совершено беременной женщиной въ состояніи временнаго помѣшательства. Провѣдавъ ее лично въ тюрьмѣ, нашъ писатель окончательно убѣдился въ своей догадкѣ и на радость всѣмъ убѣдилъ и судъ пересмотрѣть дѣло и освободить Кириллову (21, 375). Сѣтуя на жестокое и невнимательное отношеніе къ арестантамъ, каковымъ былъ самъ авторъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ далекой Сибири, Достоевскій, всегда искренній и вѣрный совѣсти, а не исканію популярности, не стѣснялся высказывать такія, на примѣръ, мысли, что строгость наказанія арестанта ограждаетъ его отъ худшихъ преступленій (19, 170). Зато онъ былъ безусловный врагъ смертной казни, безчеловѣчной къ преступнику раскаивающемуся, лишающей возможности покаяться на землѣ.

Достоевскій требовалъ большаго довѣрія и, главное, большаго общенія правителей съ народомъ, чего не удавалось никогда ни нашимъ начальникамъ, ни тѣмъ ме-

нѣе земцамъ, такъ что при всей своей непопулярности въ обществѣ и литературѣ становые и исправники были къ народу ближе и симпатичнѣе земцевъ, если не слишкомъ обирали его и не обходились слишкомъ жестоко.

Одинъ симпатичнѣйшій писатель, Сладкопѣвцевъ, выражается въ какой-то своей сценкѣ приблизительно такъ: становой нашъ былъ добродушный человѣкъ, распорядительный и мало бралъ, а потому былъ буквально обожаемъ народомъ.

Но не въ становыхъ дѣло, и не ихъ мы желаемъ прославить, а указать на ту бездну расхожденій между обществомъ и народомъ, которая въ пореформенныхъ учрежденіяхъ разверзлась еще шире, чѣмъ была въ полунѣмецкую эпоху Николая Перваго. Недовѣріе къ народу возросло еще болѣе въ предреволюціонные годы XX вѣка, когда и благороднѣйшій Столыпинъ началъ безъ толку плодить земства на окраинахъ и, что всего печальнѣе, уничтожать сельскія общины. О послѣдней-то мы и хотѣли привести слова Достоевскаго: сельская община желательна уже потому, что ограждаетъ народъ отъ разоренія. (21, 97).

Что касается до довѣрія къ народу и до непосредственнаго общенія съ нимъ, хотя бы, на примѣръ, по дѣламъ сельскаго хозяйства, то взамѣнъ учрежденія мертвыхъ сельскохозяйственныхъ школъ, которыя не вводили въ народъ разумныхъ хозяевъ изъ его же среды, а, напротивъ, только вырывали изъ этой среды талантливыхъ подростковъ, (ибо эти послѣдніе, пройдя школу, никогда не возвращались въ свою деревню, а поступали въ кондукторы и въ писаря или, въ лучшемъ случаѣ, въ приказчики и управляющіе къ помѣщикамъ), — нужно улучшать земледѣліе. Все это предвидѣлъ Достоевскій, хотя при его жизни такія школы только-только начали

насаждаться; онъ писалъ: не школа создаетъ лучшее земледѣліе, а наоборотъ (21, 160), т. е. улучшенное земледѣліе создаетъ въ народѣ потребность въ такихъ школахъ.

Правда, въ послѣднее царствованіе земства создали цѣлыя баталіоны агрономовъ-инструкторовъ, но они дружно инструктировали не сельское хозяйство, а революцію да разоряли общины; на первое ихъ подталкивали сами земцы, а на второе губернаторы ради расселенія крестьянъ на хутора. Менѣе горячіе, но, кажется, болѣе многочисленные изъ этихъ инструкторовъ успокоились на томъ же, на чемъ большинство сельской интеллигенціи — акцизники, инспектора, врачи (эти, впрочемъ, менѣе другихъ), лѣсоводы и т. д., т. е. на картежной игрѣ, домашнихъ спектакляхъ, охотѣ, рыболовствѣ и т. п. развлеченіяхъ.

При томъ агрономы оправдывали себя тѣмъ, что народъ относится съ полнымъ недовѣріемъ къ ихъ совѣтамъ и даже назвать не умѣетъ ихъ должности. Одинъ молодой господинъ, служившій на сей должности въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, сѣтовалъ мнѣ: „Помилуйте, какую тутъ „интенсивную агрономію“ возможно насаждать среди этихъ невѣждъ. Подходятъ ко мнѣ, почтительно снимаютъ обѣими руками шапки и говорятъ: „Мы до васъ пришли, Господинъ Граммофонъ“, а что скажешь имъ, ничего не слушаютъ. — „И вашихъ сотоварищей не слушаютъ?“ — „Нѣтъ, слушаютъ Иванова, да тотъ у нихъ по церквамъ разѣзжаетъ, свѣчи ставитъ и въ крестныхъ ходахъ съ ними ходитъ, а я не могу уже потому, что не такъ воспитанъ“. Вотъ тутъ и поясненіе причины взаимнаго недовѣрія и непониманія, о чемъ много писалъ Достоевскій и о чемъ мы приводили изъ него выписки въ началѣ Словаря.

Народомъ былъ съ неудовольствіемъ встрѣченъ законъ 1903 года объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по приговору сельскихъ судовъ. И это замѣтилъ Достоевскій: одинъ герой говоритъ: „Господа перестали драть мужиковъ, такъ они сами деруть другъ друга въ волости“. Мы не высказываемъ ни своего согласія, ни своего порицанія подобнымъ явленіямъ или вкусамъ русской народности, но обязаны сообщить приведенныя наблюденія надъ ними Достоевскаго.

Конечно, такой объективизмъ не остановитъ рецензентовъ въ обвиненіи составителя Словаря въ самыхъ злобныхъ намѣреніяхъ и желаніяхъ, но чтобы дать имъ возможность не только посредствомъ клеветы, но и съ нѣкоторой примѣсью правдивости осмѣивать послѣдняго, не умолчимъ въ заключеніе сей главы и о томъ частномъ предметѣ, въ которомъ мы безусловно съ Достоевскимъ несогласны.

Авторъ писалъ въ „Дневникѣ Писателя“ цѣлыя статьи о томъ, что Константинополь долженъ быть русскимъ: иначе его заберутъ англичане (20, 290, 293). — Послѣднее опасеніе тоже оказалось пророческимъ. Кажется, уже пять или шесть пророчествъ, приведенныхъ въ нашемъ Словарѣ, сбылось на самомъ дѣлѣ. И, конечно, если бы присоединеніе къ Россіи Царьграда было единственнымъ средствомъ не дать его Англіи, то я бы охотно посочувствовалъ такому присоединенію. Но прежде чѣмъ продолжать свою мысль, приведемъ другія слова Достоевскаго; Россія нужна славянамъ, иначе ихъ поглотятъ греки, также и югъ Россіи будетъ ими поглощенъ безъ Россіи (20, 215).

Весной 1915 года вопросъ о принятіи Россіей Константинополя подъ свою власть казался вопросомъ нѣсколькихъ недѣль; на предметъ управленія Церковью

Константинопольскою былъ запрошенъ словесный отзывъ Синода, и я былъ вызванъ изъ Харькова въ частное засѣданіе. Тамъ я доказывалъ въ продолженіе полчаса или болѣе, что Константинополь должно возвратить грекамъ и возстановить Византійскую имперію, а Россіи брать Святую Землю и широкую полосу земли отъ Яффы до Южнаго Кавказа. Затѣмъ я напечаталъ о семъ статью въ журнальчикѣ „Пастырь и Паства“ (№ 1) и перепечаталъ ее въ VI томѣ своихъ сочиненій (Кіевъ 1918 г.). Резоновъ своихъ я повторять не буду, ибо не собой, а Достоевскимъ желаю заинтересовать читателя, а только добавлю, что слѣдовало бояться не греческаго, православнаго вліянія на южныхъ славянъ на югѣ Россіи, а того, коему подверглись и славяне и Украина, т.-е. католическаго, распространяющагося съ 1917 года по Украинѣ и Бѣлоруссіи и добивающаго православныя симпатіи у галичанъ грекокатоликовъ съ уничтоженіемъ сотни православныхъ приходскихъ общинъ, приходовъ, которые по желанію прихожанъ были возстановлены въ періодъ 1908—1915 года.

ГЛАВА XV.

СОБСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ДОСТОЕВСКАГО И ЕГО НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ЛЮДЬМИ И ЖИЗНЬЮ.

Хотя содержаніе сей главы мало имѣеть отношенія къ нашей ближайшей задачѣ, но, вѣроятно, читателю не безынтересно узнать и то, что Достоевскій писалъ о самомъ себѣ. Эти автобіографическія свѣдѣнія касаются его авторства, его вкусовъ, его наблюденій надъ другими людьми. Такъ въ „Дневникѣ Писателя“, онъ сообщаетъ интереснѣйшія свѣдѣнія о началѣ своего писательства, о своемъ волненіи въ ожиданіи отзыва Бѣлинскаго о „Бѣдныхъ Людяхъ“ и совершенно искренно сознается, какъ онъ радовался доброму отзыву Бѣлинскаго о своемъ первомъ трудѣ (21, 31). Но гораздо цѣннѣе его сознаніе въ томъ, что „Бѣдныхъ Людей“ онъ писалъ „со страстью и со слезами“. Кромѣ того, онъ сообщаетъ, что Некрасовъ и Григоровичъ пришли къ нему съ дружескимъ привѣтомъ (21, 28). Только вдохновенный писатель съ пророческимъ талантомъ можетъ въ 24 года отъ роду писать со слезами и страстью. Это возможно, сверхъ того, лишь въ томъ случаѣ, когда писатель переливаетъ въ свою повѣсть все содержаніе своей души, весь свой опытъ и все, что она перестрадала и любила. А любила она человѣка, человѣческое горе и человѣческую надежду, судя по содержа-

нію „Бѣдныхъ Людей“. Естественнo, что послѣ такого удачнаго изліянія души юнаго автора она временно истощилась, пока не набралась новаго опыта и наблюденій. — По написаніи первой повѣсти, — заявляетъ Достоевскій, — вдохновеніе мое испарилось, и я перехожу къ составленію короткихъ рассказовъ (7, 119). Авторъ разумѣетъ тѣ свои творенія, которыя помѣщены во второмъ, третьемъ и прочихъ томикахъ Полнаго Собранія до-ссылочнаго періода, и хотя тоже блестятъ талантомъ, но не имѣютъ той цѣльности, силы, какъ „Бѣдные Люди“, ибо писались видимо для литературнаго заработка. Самъ авторъ не скрывалъ недовольства своей второй повѣстью. — „Двойникъ мнѣ не удался, хотя его хвалятъ“ (21, 342). Очень немногіе авторы соглашались хотя одно свое произведеніе признать неудавшимся, а Достоевскій подобный же отзывъ даетъ о своемъ „Крокодилѣ“. Впрочемъ, онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что умный человѣкъ умнѣе того, что написалъ и бываетъ недоволенъ написаннымъ (14, 4). — И мнѣ пріятнѣе, — пишетъ авторъ, — обдумывать свои повѣсти, чѣмъ писать ихъ (7, 1).

Всѣ эти признанія показываютъ, что нашъ писатель человѣкъ непосредственный и правдивый, что весьма рѣдко встрѣчается среди людей, стоящихъ предъ толпою, — т. е. среди ораторовъ, адвокатовъ, профессоровъ, писателей, актеровъ и т. п. Актерство людей подобныхъ профессій было для Достоевскаго совершенно противно: онъ обличалъ въ этомъ адвоката Спасовича въ „Дневникѣ Писателя“, а затѣмъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, гдѣ изобразилъ его въ лицѣ адвоката Оетюковича, прибывшаго въ чужой городъ и поставившаго цѣлью своей защитительной рѣчи прежде всего очаровать собою публику. — Оетюковичъ, — пишется

о немъ въ романѣ, — заговорилъ такимъ тономъ, какъ говорятъ съ друзьями въ интимномъ кругу (18, 366), а не въ залѣ суда.

Съ этой же почти точки зрѣнія нашъ авторъ издѣвается надъ писателемъ Кармазиновымъ (въ „Бѣсахъ“), подъ фигурой котораго читатель легко узнаетъ Тургенева.

Прежде чѣмъ привести еще нѣсколько признаній Достоевскаго о себѣ самомъ (ихъ всего три или четыре), выпишемъ его афоризмы объ искусствѣ вообще, что тѣснѣйшимъ образомъ связано съ приведенными заявлениями его о своемъ собственномъ авторствѣ.

Люблю реализмъ въ искусствѣ, но въ современномъ искусствѣ нѣтъ нравственнаго центра, — говоритъ Достоевскій (21, 102). Думается, что авторъ желаетъ, чтобы реализмъ, т. е. художественная правда, чуждая тенденціознаго искаженія дѣйствительности, не переходилъ бы въ нравственное безразличіе, т. е. не закрывалъ бы глазъ передъ той нравственной правдой, которая открывается непременно во всякомъ явленіи, поддавшемся художественному изображенію въ словѣ или картинѣ или въ музыкальной пьесѣ. Въ этомъ же смыслѣ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: — Искусство не должно быть вполне отрѣшеннымъ отъ жизни; вѣдь не могло же бы оно въ 1812 году, напримѣръ, не откликнуться на все пережитое русскимъ народомъ (19, 45). — Истинное искусство въ этомъ смыслѣ всегда бываетъ современнымъ, — заключаетъ авторъ (19, 73).

Своимъ пророческимъ взоромъ авторъ провидѣлъ и нравственное паденіе Л. Толстого, о которомъ никто тогда еще не думалъ, что онъ такъ изолжеться. Послѣдніе годы Достоевскаго были временемъ наибольшаго приближенія Толстого къ вѣрѣ и народности, хотя въ

1879 году онъ уже началъ снова склоняться къ пантеизму, выраженіемъ чего явилась его „Исповѣдь“, а съ 1882 года стали появляться его глубоко кощунственные атеистическіе трактаты. Мы уже приводили отзывы Достоевскаго о главномъ героѣ Толстого Левинѣ, а о самомъ романѣ („Анна Каренина“) Толстого Достоевскій заявляетъ, что сначала онъ ему понравился въ эпизодахъ, а потомъ нѣтъ (21, 55). Нашъ писатель особенно негодовалъ на Толстого за то, что послѣдній совершенно отказался отъ русскаго народа въ пониманіи послѣднимъ войны съ турками въ защиту восточныхъ христіанъ. Впрочемъ, о художественной критикѣ Достоевскій отзывается въ томъ смыслѣ, что когда она ведется безъ направленія, то это лучше все-таки, чѣмъ критика тенденціозная (19, 235), т.-е. такая, которая ради направленія погрѣшаетъ противъ художественной правды.

Что касается до формы слова, то нашъ писатель убѣжденъ въ томъ, что тѣ, которые могутъ хорошо говорить, говорятъ кратко (12, 305). Въ „Бѣсахъ“ онъ негодуетъ на растянутый рассказъ-фантазію знаменитаго писателя подъ заглавіемъ „Merci“; при чемъ разумѣль, кажется, Тургеневскую фантазію „Довольно“, и заявляетъ въ другомъ мѣстѣ, что „отвлеченно говорить любятъ только эгоисты“ (14, 390). Какая связь между себялюбіемъ и отвлеченной рѣчью, авторъ не поясняетъ, но, присматриваясь къ людямъ, мы убѣждались въ правильности сего заключенія.

Переходя къ сообщенію нѣсколькихъ личныхъ переживаній и вкусовъ Достоевскаго, укажемъ на то, что онъ любилъ въ окружающей жизни. Въ его сочиненіяхъ объ этомъ можно найти только двѣ-три оговорки. Онъ любилъ лѣсъ осенью и запахъ березняка (20, 54). „Люблю я пышное природы увяданье“, — писалъ и

Пушкинъ. Думается, что любовь къ осени, какъ къ образу умиранія, свойственна душамъ примиреннымъ, не протестующимъ внутренне противъ смерти, какова и была душа любимаго Достоевскимъ поэта — Пушкина („Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“). Примиренное настроеніе души нашего писателя сказывалось еще и въ томъ, что онъ умѣлъ полюбить видъ того самаго Петербурга, о несимпатичности коего онъ упоминалъ, какъ мы видѣли уже, нерѣдко. Но, какъ упомянутый имъ ученый мечтатель бѣднякъ можетъ привязаться къ своей конурѣ, такъ Достоевскій любилъ посѣщать нѣкоторыя улицы столицы, связанныя съ радостными воспоминаніями его жизни, и тѣмъ разсѣивалъ свою грусть (14, 206). Особенно онъ любилъ Петербургское холодное утро и считалъ его ободряющимъ душу (14, 201), что особенно ясно испытываютъ люди нервные (13, 400). Почерпнуть добрыя настроенія въ воспоминаніяхъ и при томъ чрезъ одно только созерцаніе знакомыхъ мѣстъ есть тоже свойство душъ добрыхъ и благожелательныхъ, созданныхъ для любви къ людямъ, какъ и у Пушкина, черпавшаго при посѣщеніи родныхъ лицейскихъ садовъ источникъ восторженныхъ вдохновеній.

Благостное, примиренное отношеніе Достоевскаго къ жизни сказывается и въ томъ, что онъ любитъ замѣчать все, что радуетъ людей, особенно простыхъ русскихъ людей. Такъ въ большомъ городѣ лѣтомъ люди, жившіе когда-либо въ деревнѣ и участвовавшіе въ народномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, которое для народа всегда является предметомъ поэтическихъ переживаній, — такіе люди чувствуютъ себя въ городѣ лѣтомъ, какъ въ изгнаніи или въ тюрьмѣ. Другой поэтъ, Ал. Толстой чудесно выразилъ это настроеніе въ разговорѣ миѳическаго Садко съ Водянымъ Царемъ, къ которому

онъ попалъ въ плѣнъ. Подобное же настроеніе съ большою силою чувствуютъ петербургскіе дворники, мастеровые и другіе простолюдины, не забывшіе деревни и природы. Достоевскій имъ сочувствуетъ и замѣчаетъ, какъ „жители дворовъ въ Петербургѣ лѣтнимъ вечеромъ всѣ высыпаютъ на улицу къ воротамъ“ (11, 432). Нашъ писатель замѣчаетъ въ народѣ не одно только доброе; онъ описываетъ не однажды, какъ мужикъ забиваетъ лошадь, а его герои даже во снѣ видятъ эту отвратительную картину, настолько она ихъ поражала. Однако, и въ самыхъ грѣхахъ народа нашъ писатель умѣетъ находить такія смягчающія обстоятельства, указаніе которыхъ поражаетъ своею правдивостью и тѣмъ, что другіе не догадались этого замѣтить. Такъ нашъ обличитель всего русскаго прѣжужжалъ уши своимъ негодованіемъ на дѣйствительно скверную привычку нашего народа къ непечатной ругани, а Достоевскій указываетъ на то, что „крѣпкими словами ругаются въ нашемъ народѣ немногіе“ (21, 150). Проживъ въ деревнѣ все дѣтство и наслушавшись вдоволь этой ругани, я могу подтвердить, что хотя она часто раздается изъ пьяныхъ, а иногда и трезвыхъ устъ, но изъ немногихъ, а большинство имъ не подражаетъ, исключая, впрочемъ, представителей тѣхъ профессій, гдѣ это дѣло считается необходимымъ для успѣшности самой работы, напримеръ, у ломовыхъ извозчиковъ, которые крѣпкими словами добиваются, чтобы имъ дали дорогу на перекресткѣ улицъ или у водопоя.

Всѣ осуждаютъ русскій народъ за пьянство (хотя образованные люди пьютъ и больше и чаще, чѣмъ простые); печалится о томъ и Достоевскій, но онъ указываетъ на то, что здѣсь имѣетъ значеніе симпатическая общительность, о которой еще говорилъ Св. Владиміръ.

— Русскіе, пишетъ Достоевскій, — съ особеннымъ удовольствіемъ берутся сходить за водкой, даже для другихъ (13, 410). И съ этой точки зрѣнія его интересуетъ и тотъ подмѣченный имъ фактъ, что „русскаго человѣка веселитъ всякая скандальная суматоха“ (13, 165).

Нашъ писатель вообще сочувствовалъ человѣческому веселью, безгрѣшной радости. Помните отвѣтъ Макара Ивановича Подростку: „Нѣтъ, ты не безбожникъ: ты веселый“. Достоевскій признаетъ веселье и въ частности смѣхъ наиболѣе искреннимъ проявленіемъ души. — Хорошо смѣются только хорошіе люди: смѣхъ выдаетъ человѣка даже противъ его воли (15, 117). Но и печаль, принятую съ покорностью, авторъ почитаетъ. — Печаль со временемъ переходитъ въ тихую радость (15, 205, также въ бесѣдѣ старца Зосимы).

Соберемъ еще нѣсколько мѣткихъ наблюденій автора надъ людьми и жизнью безъ всякихъ примѣчаній и системы, чтобы показать, какую разнообразную и всестороннюю наблюдательность надъ реальною жизнью имѣлъ этотъ прозванный мистикомъ и даже мизантропомъ, а на самомъ дѣлѣ любвеобильнѣйшій учитель жизни.

— Уединеніе на долго вмѣстѣ съ кѣмъ-либо часто разрушаетъ дружбу (12, 109) (также дружбу Кириллова и Шатова въ „Бѣсахъ“).

Страхъ предъ врагомъ уничтожаетъ злобу на него (12, 289). — Безхарактерные люди вдругъ начинаютъ „дыбиться (упрямствовать) по пустякамъ, а въ остальномъ остаются подъ чѣмъ-либо башмакомъ (13, 4). — Мелкія натуры подчиняются не идеѣ, а ея носителямъ, и бываютъ исполнительны до фанатизма (13, 324). — Нѣкоторая тупость ума необходимое свойство наживателя денегъ (11, 6). — Старикъ, ослѣпленный страстью,

надѣется добиться взаимности, хотя не имѣть на то никакихъ резоновъ (10, 76, — то же и Федоръ Павловичъ Карамазовъ, предусматривавшій даже потомство отъ своей нелѣпой надежды). — Вторая половина жизни чело-вѣка состоитъ изъ накопленныхъ привычекъ первой половины (12, 366).

По поводу осязанія Ѳомой Христовыхъ реберъ, авторъ писалъ: „Реалистъ, если и вѣрить въ Бога, то и въ чудо, а не обратно“ (16, 42), т.-е. не чудо понуждаетъ его вѣрить, а признаніе бытія Божія заставляетъ его признать возможность чудесъ.

Прежде, чѣмъ обратиться къ описанію еще одного личнаго свойства автора, никѣмъ еще, кажется, не отмѣченнаго, скажемъ, что съ нѣкоторыми выраженіями и, можетъ-быть, мыслями автора мы не можемъ согласиться.

Не говоримъ уже объ его проскальзывающихъ кое-когда, но едва ли согласимыхъ съ ученіемъ Спасителя и Апостоловъ надеждахъ на всеобщее примиреніе чело-вѣчества съ Богомъ и на наступленіе Золотого Вѣка; объ этомъ писали мы давно въ названной статьѣ (П. С. т. II); оставляемъ это безъ повторенія того, что было писано нами раньше, ибо на ряду съ такими оговорками автора мы съ читателемъ знаемъ и его изреченія о вѣчныхъ мученіяхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ-богонена-вистниковъ. Остановимся вотъ на какомъ выраженіи нашего писателя о Чацкомъ, какъ неоцѣненномъ тогда правдолюбцѣ и народолюбцѣ: „Мы надѣемся, что Чацкій воскреснетъ гордымъ, могучимъ и любящимъ“ (4, 433).

Въ другомъ мѣстѣ (7, 193) Достоевскій тоже пишетъ что-то о благородной гордости. Правда, это писалось въ молодые годы, но еще тогда писатель поднялъ свой голосъ именно за смятенныхъ сердцемъ и противъ всякой принципіальной гордости, какъ главной помѣхи

для разумной жизни, для общенія съ народомъ. Остатокъ ли это военной амбиціи, того ложнаго нѣмецкаго воспитанія въ военной школѣ, на которое онъ самъ съ-товалъ, или просто неудачное выраженіе, — ибо по его же повѣстямъ выходитъ, что „гордый“ не можетъ быть „любящимъ“, но мы бы предпочитали видѣть воскресшаго Чацкаго не гордымъ, а только торжествующимъ о воскресеніи русской жизни, русскаго общества, ибо Евангеліе не знаетъ благородной гордости, а только гордость бѣсовскую, какъ пояснялъ одному помѣщику тотъ самый Оптиный Старецъ о Амвросій. который вмѣстѣ со старцемъ Макаріемъ послужилъ автору оригиналомъ для начертанія типа о. Зосимы.

Особенное вниманіе читателя мы желаемъ остановить на тѣхъ строкахъ автора, гдѣ сообщается, что передъ припадкомъ падучей болѣзни человѣка охватываетъ восторженное чувство всемірнаго синтеза (10, 344). Это авторъ говорилъ не однажды, и это испытывалъ его герой эпилептикъ князь Мышкинъ предъ своими припадками. Испытывалъ это и самъ Достоевскій, страдавшій той же болѣзью.

Но я знавалъ нѣсколькихъ эпилептиковъ, и они этого радостнаго чувства не испытывали. Можетъ-быть, мои свѣдѣнія по этому предмету скудны, но я наблюдалъ нѣсколько иное явленіе, хотя въ подобныхъ же сему случаяхъ.

Просыпающіеся послѣ хлороформа послѣ операціи, даже еще и во время своего обморочнаго состоянія, охватываются тѣми мыслями и настроеніями, которыя имъ свойственны по преимуществу: одни бранятся непечатными словами, другіе поютъ, третьи жалуются, а нѣкоторые твердятъ слова молитвы. Вотъ этому всему мы были свидѣтелями. То же самое должно сказать о за-

хмельвшихъ людяхъ: одни лѣзутъ драться, другіе — цѣловаться или кланяются всѣмъ въ поясъ и просятъ прощенія; одни воображаютъ себя генералами, другіе учеными и философами, а нѣкоторые тоже молятся Богу. Многіе совмѣщаютъ въ быстрой смѣнѣ всѣ эти противоположныя настроенія; это природы еще не установившіяся. Вообще же на такихъ явленіяхъ оправдывается пословица: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

Остановимся еще вотъ на какомъ соприкосновенномъ сюда явленіи. Случалось ли вамъ слышать разказы утопавшихъ или вообще умиравшихъ людей, но затѣмъ оставшихся живыми. Они свидѣтельствуютъ, что въ ихъ сознаниі съ быстротой молніи проносилась вся ихъ жизнь и пережитыя ими въ разное время сильнѣйшія чувства. Одинъ профессоръ Петроградской Духовной Академіи, Болотовъ, умиравшій въ возрастѣ моложе 50-ти лѣтъ, хотя не принявшій ни священнаго сана, ни монашества, но прожившій жизнь дѣвственникомъ и добрымъ сыномъ Церкви, всецѣло отдавшійся богословской наукѣ и любившій молиться Богу, шепталъ, умирая: „Какъ хороши предсмертныя минуты“.

Припомнимъ, наконецъ, изъ повѣстей самого Достоевскаго, какъ въ бреду, во снѣ и въ болѣзни въ сознание его героевъ вступало то подлинное содержаніе ихъ души, которое было отъ нихъ самихъ сокрыто до того времени подъ вліяніемъ заботъ, страстей и заблужденій.

Если князь Мышкинъ испытывалъ, впадая въ эпилептической обморокъ, состояніе блаженства и всемірнаго синтеза, то чѣмъ это обуславливалось? Свойствами ли самой болѣзни? Причинами ли физиологическими? Или тѣмъ, что начало и чаяніе такого синтеза этотъ праведникъ, какъ мы знаемъ, всегда носилъ въ своемъ сердцѣ?

Думаю, что причина заключается въ этомъ послѣднемъ его свойствѣ.

О послѣднихъ минутахъ земной жизни *Θ. М. Достоевскаго* извѣстно, что онѣ протекали при чтеніи его супругой *Св. Евангелія*. Читано было о благословеніи Спасителемъ дѣтей. На слова: „Иисусъ же сказалъ: „Не удерживайте ихъ“, умирающій обратился къ женѣ: „Слышишь: не удерживайте. И ты меня не удерживай“. Это были его послѣднія слова. Душа его неудержимо стремилась въ лучшій міръ, гдѣ, по слову Христову, спасенные „во едино будутъ“ (*Іо., 17*).

Пусть меня остановятъ господа невропатологи, если я выскажу такое предположеніе, что нашъ великій писатель испытывалъ передъ припадками эпилепсіи восторженное чувство всемірнаго синтеза не потому, чтобы оно посѣщало въ этихъ случаяхъ всѣхъ эпилептиковъ, а потому, что онѣ такое чувство, или, по крайней мѣрѣ, такое предчувствіе, такое стремленіе носилъ всегда въ своей душѣ и съ такимъ именно чувствомъ перешелъ въ лучшій міръ и продолжаетъ сохранять его въ своемъ духѣ и донынѣ и на вѣчныя времена, а отраженіе этого чувства оставилъ намъ въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ВВЕДЕНІЕ. Отношеніе къ предсказаніямъ Достоевскаго прежде и теперь	3
ГЛАВА I. Что именно писалъ о социалистической революціи Достоевскій и какую будущность ей предсказывалъ .	11
ГЛАВА II. Гдѣ искать избавленія отъ настоящихъ бѣдствій и откуда ждать возрожденія	21
ГЛАВА III. Русскій народъ и русское общество	30
ГЛАВА IV. Русскій народъ и Пушкинъ по Достоевскому .	42
ГЛАВА V. Народъ и интеллигенція	46
ГЛАВА VI. Добрыя надежды Достоевскаго.	54
ГЛАВА VII. Примѣры дѣйствительнаго единенія съ народомъ	61
ГЛАВА VIII. Достоевскій и политическія партіи	68
ГЛАВА IX. Высшая цѣнность жизни по Достоевскому . .	75
ГЛАВА X. Безъ вѣры невозможна по Достоевскому добро- дѣтель	80
ГЛАВА XI. Европа и Россія по Достоевскому	89
ГЛАВА XII. Возвращеніе общества къ вѣрѣ и народности.	
§ 1. Помѣхи къ тому	97
§ 2. Благопріятствующія условія, въ душѣ человѣческой заложенныя	102
§ 3. Достоевскій и байронизмъ	109
§ 4. Въ чемъ авторъ видитъ дѣйствительную силу человѣческой души.	117
§ 5. Состраданіе и дѣти	127
§ 6. Рецидивы зла. Прямые указанія къ возрожденію себя и другихъ.	132
ГЛАВА XIII. Добродѣтель общественная.	
§ 1. Православная церковь	146
§ 2. Инославныя исповѣданія.	158
§ 3. Жизненная сила православія	160
ГЛАВА XIV. Дальнѣйшія нужды русской жизни	167
ГЛАВА XV. Собственныя свойства Достоевскаго и его на- блюденія надъ людьми и жизнью	174

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN NOVEMBRE 1980
SUR LES PRESSES
DE JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N° 7316

КНИГИ НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛЕВ»

П. Жильяр	13 лет при русском Дворе.
Л. Норд	Маршал М. Н. Тухачевский.
С. Черный	Солдатские сказки.
С. Черный	Сатиры.
С. Черный	Румяная книжка.
С. Черный	Детский остров.
Н. Лейкин	Где апельсины зреют.
А. Блок	Последние дни императорской власти.
С. Карачевцев	1200 анекдотов.
М. Палеолог	Роман Императора.
С. Мельгунов	На путях к дворцовому перевороту.
А. Эфрон (дочь Цветаевой)	Страницы воспоминаний.
Кн. Е. Трубецкой	Смысл жизни.
З. Шаховская	В поисках Набокова.
О. Волконская	Так тяжкий млат.
Л. Зандер	Песнь Господня.
А. Титов	Лето на водах (повесть о Лермонтове).
П. Губер	Дон-Жуанский список А. С. Пушкина.
Вел. Кн. Ал. Михайлович	Книга воспоминаний.
С. Минцлов	За Мёртвыми душами.
Н. А. Тэффи	Воспоминания.
Дневник Императора Николая II (1890-1906).	
Э. Голлербах	Город муз.
Кн. Ф. Ф. Юсупов	Конец Распутина.
М. Цветаева	Психея.
М. Цветаева	Разлука — Стихи к Блоку.
М. Цветаева	Вечерний альбом.
М. Цветаева	Волшебный фонарь.
Россия смеется над СССР.	
Г. Иванов	Избранные стихи
Б. Эйхенбаум	Анна Ахматова
Пресв. Антоний	Словарь к творениям Достоевского
Н. Агнивцев	«Мои песенки»

Издательство принимает рукописи и заказы

на книги по адресу:

LEV

85.Rue Rambuteau

75001 Paris